

РАНХиГС

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ISSN 2304-3369
eISSN 2308-8842

ВОПРОСЫ УПРАВЛЕНИЯ

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
УРАЛЬСКОГО
ИНСТИТУТА
УПРАВЛЕНИЯ

MANAGEMENT ISSUES

№ 6 (73)
2021

ВЛАСТЬ и ПУБЛИЧНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

Влияние трансформаций избирательной системы
России в XXI веке на выбор стратегии
электорального поведения

ЭКОНОМИКА и УПРАВЛЕНИЕ

Теория экосистемного анализа

СОЦИАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

Гражданская активность и участие молодежи
в социально-политических процессах

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ и ГОСУДАРСТВЕННАЯ СЛУЖБА

Уральская область в декабре 1923 – январе 1934 гг.:
жизнь и судьба – пространственный аспект

ДИСКУССИЯ

Ризоморфная политическая манипуляция
в интернете: специфика и технологии

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
при ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
УРАЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ УПРАВЛЕНИЯ

ISSN 2304-3369
eISSN 2308-8842

ВОПРОСЫ УПРАВЛЕНИЯ

MANAGEMENT ISSUES

№ 6 (73) 2021

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Долженко Руслан Алексеевич – Уральский институт управления – филиал РАНХиГС

Балынская Наталья Ринатовна – Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова

Хайнс Джеффри – Лондонский университет Метрополитен (Великобритания)

Гаррисон Елена – Университет Монтаны (США)

Костина Наталия Борисовна – Уральский институт управления – филиал РАНХиГС (Екатеринбург, Россия)

Любовный Владимир Яковлевич – Всероссийская Академия внешней торговли (Москва, Россия)

Молчанов Игорь Николаевич – Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

Грей Патрик – Лондонский университет Метрополитен (Великобритания)

Ростовская Тамара Керимовна – Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН (Москва, Россия)

Силин Яков Петрович – Уральский государственный экономический университет (Екатеринбург, Россия)

Скаво Кармин – Восточно-каролинский университет (США)

Скоробагацкий Вячеслав Васильевич – Уральский институт управления – филиал РАНХиГС (Екатеринбург, Россия)

Багирова Анна Петровна – Уральский федеральный университет имени первого

Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия)

Литвиненко Александр Николаевич – Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации (Санкт-Петербург, Россия)

Ли Минюэ – Чжуннаньский университет экономики и права (КНР)

ТЕХНИЧЕСКИЙ СЕКРЕТАРЬ РЕДАКЦИИ:

Трушков Дмитрий Игоревич – Уральский институт управления – филиал РАНХиГС (Екатеринбург, Россия)

ЗАВЕДУЮЩИЙ ОТДЕЛОМ ПЕРЕВОДА:

Пирождкова Ирина Сергеевна – Уральский институт управления – филиал РАНХиГС (Екатеринбург, Россия)

EDITORIAL BOARD

EDITOR-IN-CHIEF:

Ruslan A. Dolzhenko – Ural Institute of Management – branch of RANEPa (Ekaterinburg, Russia)

Natalya R. Balynskaya – Nosov Magnitogorsk State Technical University (Magnitogorsk, Russia)

Jeffrey Heinz – London Metropolitan University (Great Britain)

Helen Harrison – University of Montana (USA)

Natalia B. Kostina – Ural Institute of Management – branch of RANEPa (Ekaterinburg, Russia)

Vladimir Ya. Lyubovny – Russian Foreign Trade Academy (Moscow, Russia)

Igor N. Molchanov – Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

Patric Grey – London Metropolitan University (Great Britain)

Tamara K. Rostovskaya – Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Yakov P. Silin – Ural State University of Economics (Ekaterinburg, Russia)

Carmine Scavo – East Carolina University (USA)

Vyacheslav V. Skorobogatsky – Ural Institute of Management – branch of RANEPa (Ekaterinburg, Russia)

Anna P. Bagirova – Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (Ekaterinburg, Russia)

Aleksandr N. Litvinenko – Saint Petersburg University of Ministry of Internal Affairs of Russia (Saint Petersburg, Russia)

Li Mingyue – Zhongnan University of Economics and Law (China)

TECHNICAL SECRETARY:

Dmitry I. Trushkov – Ural Institute of Management – branch of RANEPa (Ekaterinburg, Russia)

HEAD OF TRANSLATION DEPARTMENT:

Irina S. Pirozhkova – Ural Institute of Management – branch of RANEPa (Ekaterinburg, Russia)

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание учёной степени доктора и кандидата наук по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям науки: **08.00.05** – Экономика и управление народным хозяйством (по отраслям и сферам деятельности) (экономические науки); **08.00.10** – Финансы, денежное обращение и кредит (экономические науки); **22.00.08** – Социология управления (социологические науки); **23.00.02** – Политические институты, процессы и технологии (политические науки).

Журнал зарегистрирован как средство массовой информации в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-49260 от 02.04.2012.

Материалы журнала размещаются:

- на офиц. сайте: <http://journal-management.com/>
 - на платформе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) Научной электронной библиотеки eLibrary.ru (ID: 37595)
 - в открытой библиотеке CyberLeninka.ru
 - в ЭБС «Лань»
 - в библиотеке «ЛитРес»
- Подписной индекс – 66020.

НАУЧНАЯ ЭЛЕКТРОННАЯ БИБЛИОТЕКА
eLIBRARY.RU

ЛитРес:

The journal is included in the list of leading peer-reviewed scientific publications, where the basic scientific results of dissertations for the degree of Ph. D. and Advanced Doctor of sciences should be published. Articles for publication are accepted on the following scientific specialties and their corresponding branches of science: **08.00.05** – Economy and management of the national economy (by industries and spheres of activity) (Economic Sciences); **08.00.10** – Finance, money circulation and credit (Economic Sciences); **22.00.08** – Sociology of management (Sociological Sciences); **23.00.02** – Political institutions, processes and technologies (Political Sciences).

The journal is registered as a mass medium by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications. Certificate of registration PI no. FS 77-49260 dated April 2, 2012.

Журнал индексируется:

INDEX COPERNICUS
INTERNATIONAL

Registry of Open Access Repositories

© Уральский институт управления – филиал РАНХиГС, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

ВЛАСТЬ И ПУБЛИЧНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

Луговцов М.М.

Влияние трансформаций избирательной системы России в XXI веке на выбор стратегии электорального поведения

5

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ

Попов Е.В., Долженко Р.А., Симонова В.Л.

Теория экосистемного анализа

20

СОЦИАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

Зырянова М.А., Попова Л.А.

Периодизация развития семейной и демографической политики в постсоветской России

38

Воронина Л.И., Касьянова Т.И.,

Радченко Т.Е.

Оценка качества услуг по социальному обслуживанию пожилых граждан в условиях трансформации социального государства: состояние и перспективы

53

Васильева Е.И., Зерчанинова Т.Е.,

Никитина А.С.

Гражданская активность и участие молодежи в социально-политических процессах

67

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ И ГОСУДАРСТВЕННАЯ СЛУЖБА

Фельдман М.А.

Уральская область в декабре 1923 – январе 1934 гг.: жизнь и судьба – пространственный аспект

82

ДИСКУССИЯ

Строганов В.Б.

Ризоморфная политическая манипуляция в интернете: специфика и технологии

94

Ворошилова М.Б., Пономаренко М.Ю.

Ризоморфность политической манипуляции: хаос или алгоритм

105

CONTENTS

POWER AND PUBLIC ADMINISTRATION

Lugovtsov M.M.

Influence of transformations of the Russian electoral system in the XXI century on the choice of electoral behavior strategy

5

ECONOMICS AND MANAGEMENT

Popov E.V., Dolzhenko R.A., Simonova V.L.

Theory of ecosystem analysis

20

SOCIAL MANAGEMENT

Zyryanova M.A., Popova L.A.

Periodization of family and demographic policy development in post-Soviet Russia

38

Voronina L.I., Kasyanova T.I.,

Radchenko T.E.

Assessment of the quality of social services provision for the elderly in the context of the transformation of the social welfare state: status and prospects

53

Vasileva E.I., Zerchaninova T.E.,

Nikitina A.S.

Civic engagement and youth participation in socio-political processes

67

PUBLIC MANAGEMENT AND PUBLIC ADMINISTRATION

Feldman M.A.

Ural region in December 1923 – January 1934: life and fate – spatial aspect

82

DISCUSSION

Stroganov V.B.

Rhizomorphic political manipulation on the Internet: specifics and technologies

94

Voroshilova M.B., Ponomarenko M.Yu.

Rhizomorphism of political manipulation: chaos or algorithm

105

ВЛАСТЬ И ПУБЛИЧНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

POWER AND PUBLIC ADMINISTRATION

ВЛИЯНИЕ ТРАНСФОРМАЦИЙ ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ РОССИИ В XXI ВЕКЕ НА ВЫБОР СТРАТЕГИИ ЭЛЕКТОРАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ

М.М. Луговцов^а

^аРоссийская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации

АННОТАЦИЯ:

Цель. Произвести анализ трансформации избирательной системы России в XXI веке. Соотнести изменения избирательного законодательства с электоральным поведением граждан России, в частности оценить влияние указанных изменений на уровень протестной активности.

Методы. В статье анализируются и систематизируются ключевые изменения избирательного законодательства России в XXI веке, на основе чего выделяются два этапа трансформации избирательной системы Российской Федерации. На первом этапе (2000–2007 гг.) происходит ужесточение избирательной системы России. Второй этап, начавшийся после масштабных акций протеста (2011 г.), характеризуется либерализацией избирательного законодательства. На основе исследований отечественных ученых, с использованием системного подхода, характеризуются изменения избирательной системы и их последствия с точки зрения взаимоотношений государства и общества.

Результаты. Установлено влияние трансформации избирательной системы России как на уличную протестную активность, так и на конвенциональный протест, реализуемый в ходе выборов. Так, в отношении массовых уличных акций протеста установлена их прямая зависимость с ужесточением избирательного законодательства. То есть ограничение возможностей избирателей (отмена возможности голосования «против всех» и порога явки) и политических партий (повышение электорального барьера, усложнение регистрации и функционирования) является одной из причин организации и проведения протестных акций. В отношении протеста, реализуемого в ходе выборов, зафиксировано изменение стратегий электорального поведения граждан, обусловленное в том числе трансформацией избирательной системы. Установлено, что на выборах в Государственную Думу в 2003 году применялась стратегия электорального нигилизма, в 2007 году – стратегия поддержки действующей власти, в 2011 году активно использовалась стратегия электорального альтернативизма, в 2016 году – стратегия электорального абсентеизма.

Научная новизна заключается в том, что в ходе исследования установлено влияние изменений избирательного законодательства на выбор электоральных стратегий поведения граждан России.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: избирательная система, избирательное законодательство, электоральный протест, политический протест, стратегии электорального поведения, политические партии.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Луговцов М.М. (2021). Влияние трансформаций избирательной системы России в XXI веке на выбор стратегии электорального поведения // Вопросы управления. № 6. С. 5–18.

Особенности избирательной системы оказывают непосредственное влияние на возможности волеизъявления граждан, формирование и работу политических партий и непосредственно на результаты выборов различных уровней. Так, повышение электорального барьера исключает из политической борьбы небольшие партии и укрепляет положение

крупных партий. Этому способствует и усложнение порядка регистрации политических партий, а также ужесточение условий их деятельности. Снижение порога явки или его полная отмена ведут к тому, что, с одной стороны, для власти упрощается процесс организации выборов, а их результат становится более предсказуемым, с другой – это отрицатель-

но сказывается на уровне легитимности власти и ведет к снижению политической ответственности граждан.

Г. В. Голосов акцентирует внимание на том, что вопрос явки является ключевым как для авторитарных, так и для демократических режимов: «высокая явка – не менее важный компонент электорального успеха, чем результаты официальных партий и кандидатов. Она способствует легитимации режима, улучшает его международную репутацию и даже помогает привлекать иностранные инвестиции» [1]. Отмена возможности проголосовать «против всех» при отсутствии порога явки приводят к повышению уровня абсентеизма. С. В. Володина отмечает, что «электоральная и партийная системы – способны оказать значительное влияние на развитие политической конкуренции. Изменение значимых параметров избирательной системы является одной из основных технологий воздействия на политическую конкуренцию» [2].

Существует и множество других характеристик избирательной системы, которые оказывают влияние не только на поведение избирателей, но и на политический процесс в целом. Особенно значимой является организация выборов по пропорциональной, одномандатной или смешанной избирательной системе. Кроме того, среди таких особенностей следует отметить отмену выборности отдельных должностей (например, главы субъектов Российской Федерации или мэры городов).

Менее значимыми в контексте протестной активности, но оказывающими влияние на избирательный процесс, являются правила ведения предвыборных кампаний и агитации; ограничения, накладываемые на средства массовой информации; технические моменты выдвижения кандидатов (в том числе сбор подписей избирателей и так называемый «муниципальный фильтр»), правила образования избирательных округов и другое.

Таким образом, все эти факторы непосредственно влияют на взаимоотношения власти и общества, на учет интересов избирателей, а также на результаты выборов. В случае возникновения разногласий касательно того, каким образом должна функционировать политическая система в целом и избирательная система

в частности, данные факторы могут стать катализатором протестного поведения, выходящего за рамки избирательного процесса. Иными словами, при более либеральной избирательной системе у граждан имеются возможности выражения своего несогласия конвенциональным способом (путем голосования за партии, представляющие несистемную оппозицию, голосования «против всех» или отказа от участия в выборах). При ужесточении избирательного законодательства эти конвенциональные способы выражения протеста теряют свой смысл. Так, отказ от участия в выборах при отсутствии порога явки не позволяет выразить свое несогласие и является выгодным для власти с точки зрения результата выборов. А голосование за небольшие партии, представляющие несистемную оппозицию, теряет смысл при высоком электоральном барьере и также становится выгодным для власти, так как голоса, поданные за партии, не прошедшие электоральный барьер, перераспределяются в пользу партий, одержавших победу.

Прежде, чем перейти к анализу трансформации избирательной системы России и его влиянию на протестную активность, обратимся к теоретико-методологической базе исследования и определим суть основных понятий.

Избирательная система в статье рассматривается с точки зрения системного подхода. В соответствии с ним, избирательная система представляет собой взаимосвязь и взаимозависимость различных элементов, основными из которых являются следующие: а) избирательное законодательство, б) политический контекст и в) используемые гражданами стратегии электорального поведения.

Изменение любой из этих составляющих приводит к корректировке другой. Поэтому, на наш взгляд, применение системного подхода позволяет спрогнозировать, как поведут себя отдельные элементы избирательной системы в случае сознательной (намеренной) корректировки других элементов. Например, ужесточение избирательного законодательства может спровоцировать возрастание случаев применения протестных стратегий электорального поведения. Массовое использование административного ресурса на выборах приводит к аналогичным последствиям.

С другой стороны, одной из особенностей избирательной системы является подвижный характер соотношения системного / несистемного, пропорции (допущения) которого могут в том числе определяться результатами политической агитации. Ужесточение или ослабление правовых норм может быть связано не только с рациональными действиями по формированию определенной избирательной системы, но и подвергаться ситуативному воздействию, связанному либо с текущей политической конъюнктурой («оттепель» или «завинчивание гаек»), либо с прямым внешним вмешательством.

Следует подчеркнуть, что характер такого вмешательства может определяться в том числе реализацией определенных электоральных стратегий со стороны граждан. При этом источник выбора именно таких электоральных стратегий гражданами может быть связан с успешной реализацией конкретных пропагандистских кампаний (будь то «оранжевая угроза» или маккартизм), не всегда совпадающих с интересами власти.

Другими словами, электоральное поведение граждан может определяться успешностью проведения агитационных кампаний, и в этом плане оказываться объектом манипуляции, провоцирующим центры принятия решений на введение определенных заградительных норм или, напротив, на их отмену.

В результате избирательная система подвергается постоянному давлению (как со стороны власти, так и со стороны граждан), и ее конфигурация оказывается уникальным (для конкретного момента) сочетанием системного (конвенционального) и несистемного (неконвенционального) поведения граждан.

Понятие «избирательная система» имеет целый ряд значений. С точки зрения конституционного права, это «способ или порядок определения результатов голосования или порядок распределения мандатов по результатам голосования» [3]. Под избирательной системой понимают электоральную формулу, то есть устройство выборов по пропорциональной, одномандатной или смешанной избирательной системе. В более широком смысле избирательная система рассматривается, как «весь комплекс формальных и нефор-

мальных институтов (норм, правил, установлений), связанных с выборами» [4, с. 45].

Однако мы в рамках настоящего исследования анализируем трансформацию избирательной системы с точки зрения изменения избирательного законодательства. Поэтому под избирательной системой будем понимать *законодательно установленную систему организации и проведения выборов, включающую в себя правила выдвижения кандидатов, способы подсчета голосов, порядок функционирования политических партий, электоральную формулу, деятельность средств массовой информации в рамках предвыборного процесса и другие законодательно закрепленные аспекты процесса выборов различного уровня.*

А. А. Керимов отмечает, что выбор избирательной системы зависит от совокупности факторов: «Какой тип избирательной системы более приемлем для того или иного государства, решается с учетом его национальных традиций государственного строительства, этнической, межконфессиональной специфики взаимоотношений в обществе, особенностей менталитета и политической культуры граждан» [5, с. 70]. Важным для нашего исследования является следующее уточнение: «выбор избирательной системы зависит от степени влияния договаривающихся акторов, а точнее, от сравнительной силы старых и новых элит» [6].

Таким образом, избирательная система представляет собой некий компромисс, договоренность между государством и обществом, между различными элитами, между федеральной и региональной властью о том, каким образом происходит формирование органов власти и выборы должностных лиц. Тогда, в случае устойчивых позиций всех участников предвыборного процесса, избирательная система будет достаточно стабильной; напротив, в случае изменения соотношения их сил, характеристики избирательной системы будут постоянно меняться. Иными словами, стабильность избирательной системы зависит от наличия общественного консенсуса и активного гражданского общества.

Протест и протестная активность понимаются как действия населения, демонстрирующие государству несогласие с проводимой им

политикой и принятыми решениями по тем или иным вопросам. Обычно такие протесты ассоциируются с уличными выступлениями, акциями, пикетами и т.д. Однако, как мы отмечали выше, возможен и конвенциональный протест, реализующийся в ходе выборов.

В любом обществе всегда имеется некоторое количество протестно настроенных граждан. И различные конфигурации избирательной системы определяют, каким образом этот протест может быть реализован. Таким образом, складывается следующая ситуация. Достаточно мягкое избирательное законодательство позволяет гражданам выразить свой протест на избирательных участках с помощью использования таких стратегий поведения, как электоральный нигилизм (порча бюллетеней, голосование «против всех»), электоральный альтернативизм (голосование за оппозиционные партии) и электоральный абсентеизм (бойкот выборов). Ужесточение избирательного законодательства, во-первых, сужает возможности конвенционального выражения протеста, а значит, способствует развитию неконвенциональных протестных действий, во-вторых, само по себе является поводом для неконвенциональной протестной активности, так как сужает избирательные права граждан. Это подтверждается примерами массовых акций протеста против отмены выборов глав регионов и мэров городов.

Рассмотрим основные этапы трансформации избирательного законодательства Российской Федерации за последние двадцать лет.

1. Ужесточение избирательной системы

Период с 2000 по 2008 годы многие исследователи называют периодом укрепления вертикали власти. В это время происходит учреждение федеральных округов, создание Государ-

ственного совета Российской Федерации, изменение порядка формирования Совета Федерации, усиливает свое влияние Администрация Президента РФ, а сам Президент России занимает особое место в системе разделения властей [7].

В этой же логике – логике укрепления вертикали власти – происходит и трансформация избирательной системы. Власть предпринимает попытку изменить избирательную систему таким образом, чтобы она позволяла осуществлять дальнейшее укрепление вертикали власти путем отсеивания лишних кандидатов и партий.

Первое значительное изменение избирательного законодательства происходит в 2003 году и касается увеличения необходимого количества подписей избирателей в поддержку самовыдвижения кандидата в Президенты РФ, а именно – с одного до двух миллионов¹. Затем вносятся изменения, согласно которым может быть приостановлена деятельность СМИ за нарушение избирательного законодательства². В 2004 году значительно усложняется процедура инициирования референдума гражданами³: регистрируется только инициативная группа, состоящая из региональных подгрупп, создаваемых более чем в половине субъектов РФ. При этом каждая региональная подгруппа должна состоять не менее чем из 100 участников референдума.

В декабре 2004 года ужесточается партийное законодательство. Минимальная численность членов партии увеличивается с 10 до 50 тысяч человек, также увеличивается численность членов региональных отделений – со 100 до 500 человек (представительство партии должно быть в половине субъектов РФ)⁴.

Однако самым резонансным в период ужесточения избирательной системы является но-

¹О выборах Президента Российской Федерации : Федеральный закон от 10.01.2003 № 19-ФЗ // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

²О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» : Федеральный закон от 04.07.2003 № 94-ФЗ // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³О референдуме Российской Федерации : Федеральный конституционный закон от 28.06.2004 № 5-ФКЗ // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴О внесении изменений в Федеральный закон «О политических партиях» : Федеральный закон от 20.12.2004 № 168-ФЗ // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁵О внесении изменений в Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и в Федераль-

вовведение, касающееся отмены выборов глав субъектов РФ⁵. Такие изменения Президент РФ В. В. Путин анонсирует в своей речи, произнесенной после террористического акта в Беслане в сентябре 2004 года: «В ближайшее время будет подготовлен комплекс мер, направленных на укрепление единства страны»⁶.

В декабре 2004 года Президент РФ подписывает закон, в соответствии с которым главы регионов назначает региональный законодательный орган власти по представлению Президента РФ. Иными словами, кандидатура губернатора определяется Президентом, а утверждается региональным парламентом. В случае если законодательный орган дважды отклонит предложенную кандидатуру, Президент имеет право распустить этот орган.

Еще одним решением в рамках анонсированного комплекса мер по укреплению единства страны стал переход к пропорциональной избирательной системе. В соответствии с федеральным законом от 18.05.2005 № 51-ФЗ «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации»⁷ выборы по одномандатным избирательным округам отменяются, все 450 депутатов избираются по партийным спискам. Также повышается электоральный барьер – с 5 до 7 процентов – и происходит отмена института избирательных блоков на выборах всех уровней.

Согласно исследованию Г. В. Голосова, посвященному специфике национализации партийной системы РФ, пропорциональная избирательная система, как правило, нивелирует местные особенности и обеспечивает крупным партиям, в первую очередь – партии власти, более высокий результат на выборах, мажоритарная – наоборот: «В той степени, в которой избирательные правила позволя-

ли проведение кандидато-центричных кампаний (т. е. при выборах по мажоритарной системе), в голосовании преобладали местные влияния» [8].

Такие принципиальные трансформации избирательной системы вкупе с другими политическими новациями привели к тому, что с 2005 года протестные настроения граждан начали выливаться в уличные акции протеста. Одной из первых таких акций стал «Марш несогласных», приуроченный ко Дню Конституции. Затем аналогичные акции проходили в крупных городах до 2009 года. Пик протестов пришелся на 2007 год. Однако данные акции не нашли массового отклика и существенно не повлияли на результаты выборов в Государственную Думу РФ.

Совершенно иная ситуация сложилась во время волны протестной активности в 2011–2012 годах. А. А. Керимов отмечает, что на массовые митинги власть отреагировала, с одной стороны, путем их разгона, с другой – «объявлением планов некоторой либерализации политической системы, при этом заверив, что намечающиеся реформы никак не связаны с волной протестов» [9, с. 145].

Серия митингов по отмене результатов выборов в Государственную Думу РФ привлекла значительное количество участников и повлияла на последующие выборы Президента РФ. Так, на выборах 2012 года В. В. Путин набрал на 7 % меньше, чем Д. А. Медведев в 2008 году, и на 8 % меньше, чем он сам в 2004 году.

Кроме того, следует отметить, что в период ужесточения избирательной системы была упразднена возможность голосования «против всех»⁸. А в конце 2006 года отменен порог явки на выборах всех уровней⁹.

новый закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» : Федеральный закон от 11.12.2004 № 159-ФЗ // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁶Официальные сетевые ресурсы Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/22589> (дата обращения 10.02.2020).

⁷О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации : Федеральный закон от 18.05.2005 № 51-ФЗ // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁸О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части отмены формы голосования против всех кандидатов (против всех списков кандидатов) : Федеральный закон от 12.07.2006 № 107-ФЗ // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁹О внесении изменений в Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» и Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 05.12.2006 № 225-ФЗ // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Смягчение избирательной системы

После серии протестных уличных акций 2011–2012 гг. избирательное законодательство значительно смягчается. Еще в октябре 2011 года принимается закон, согласно которому заградительный барьер на выборах депутатов Государственной Думы снижается с 7 до 5 процентов голосов¹⁰, однако это положение начинает действовать только с выборов 2016 года, выборы 2011 года проходят по прежнему законодательству.

В мае 2012 года принят закон, восстанавливающий прямые выборы высших должностных лиц субъектов РФ¹¹. Снижено необходимое число подписей для кандидата-самовыдвиженца на выборах Президента РФ – с двух миллионов до 300 тысяч; для кандидата, выдвинутого непарламентской партией, – до 100 тысяч¹².

Ключевым в процессе смягчения избирательной системы, безусловно, является упрощение порядка регистрации и деятельности политических партий.

В 2012 году минимальная численность политических партий была снижена с 40 тысяч до 500 человек. Упразднено требование о числе членов региональных отделений¹³.

После масштабной критики пропорциональной избирательной системы на выборах в Государственную Думу РФ в феврале 2014 года происходит возврат к смешанной системе: 225 депутатов избираются по одномандат-

ным округам и 225 депутатов по пропорциональной системе в едином округе¹⁴. В мае 2014 года аналогичная норма принята в отношении законодательных органов субъектов РФ¹⁵. С. А. Авакьян, исследуя трансформацию избирательного законодательства России, отмечает проблемы, вызванные переходом к пропорциональной избирательной системе: «И ряд партий, и оппозиционные силы, и многие избиратели были недовольны исключительно партийными выборами. Соответственно и Президент России изменил свою позицию» [10].

Анализируя проблему выбора избирательной системы, А. А. Керимов отмечает, что «смена избирательных систем в современной России совпадает не только со сменой персоналий высшей власти в стране, но и с изменениями проводимого ими политического курса» [5, с. 71].

Несмотря на смягчение избирательной системы, произошедшее после массовых протестов 2011–2012 года, ряд существенных параметров, предоставляющих гражданам возможность для конвенционального протеста, остался неизменным. В первую очередь речь идет об отсутствии порога явки для признания выборов состоявшимися и возможности голосования «против всех». При этом все же снижается до 5 процентов заградительный барьер на выборах в Государственную Думу РФ, повышенный в 2005 году до 7 процентов.

¹⁰О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи со снижением минимального процента голосов избирателей, необходимого для допуска к распределению депутатских мандатов в Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации : Федеральный закон от 20.10.2011 № 287-ФЗ // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹¹О внесении изменений в Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» : Федеральный закон от 2 мая 2012 года № 40-ФЗ // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹²О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с освобождением политических партий от сбора подписей избирателей на выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, в органы государственной власти субъектов Российской Федерации и органы местного самоуправления : Федеральный закон от 02.05.2012 № 41-ФЗ // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹³О внесении изменений в Федеральный закон «О политических партиях» : Федеральный закон от 02.04.2012 № 28-ФЗ // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹⁴О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации : Федеральный закон от 22 февраля 2014 года № 20-ФЗ // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹⁵О внесении изменений в Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» : Федеральный закон от 5 мая 2014 года № 95-ФЗ // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Реформа местного самоуправления

Однако, несмотря на общее смягчение избирательного законодательства после протестов 2011–2012 гг., в избирательной системе произошло одно серьезное ужесточение, а именно – ограничение, касающееся возможности отмены прямых выборов глав муниципальных образований на региональном уровне.

На федеральном уровне данная норма была принята в мае 2014 года¹⁶. В соответствии с изменениями федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», за субъектами Российской Федерации закреплялось право устанавливать, каким образом будет избираться глава муниципального образования: либо посредством прямых выборов, либо представительным органом муниципального образования из своего состава. В 2015 году норма была дополнена возможностью выбора главы муниципалитета не только из состава представительного органа, но и из числа кандидатов, представленных конкурсной комиссией по результатам конкурса.

Таким образом, произошло последовательное ограничение влияния избирателей на процесс выборов мэра города. Первоначально прямое избирательное право было заменено на выбор главы из состава представительного органа. Тем не менее, жители города могли влиять на процесс выборов главы, хотя и косвенно (посредством выбора депутатов). Последующая редакция закона позволила выбирать главу муниципального образования не из состава представительного органа. В итоге даже косвенная возможность влияния граждан на итоги выборов мэра была упразднена.

Однако внесение изменений в федеральное законодательство лишь предусматривало возможность отмены прямых выборов глав муниципальных образований – итоговое решение принималось на уровне субъектов Российской Федерации и на муниципальном уровне (ес-

ли региональный законодатель оставлял право выбора процедуры за муниципалитетами).

В соответствии с докладом о состоянии и основных направлениях развития местного самоуправления в Российской Федерации Министерства юстиции РФ¹⁷ к 2019 году установлены следующие способы выборов глав муниципальных образований:

- на муниципальных выборах: главы 263 муниципалитетов (на 17 меньше, чем в 2018 году), что составляет 11 % от общего количества муниципалитетов Российской Федерации;

- из состава депутатов: главы 779 муниципалитетов (на один больше, чем в 2018 году), что составляет 33 %;

- по конкурсу: главы 1 294 муниципалитетов (на 7 больше, чем в 2018 году), что составляет 55 %;

Таким образом, очевидна и тенденция к сокращению муниципалитетов с прямыми выборами главы, и низкая доля таких муниципалитетов в общем количестве.

Значимость данных изменений избирательного законодательства обусловлена тем, что они касаются самого близкого к избирателям уровня власти – органам местного самоуправления, особенно это относится к небольшим муниципальным образованиям. Соответственно, ограничение возможности выбора на местном уровне влияет на повышение уровня протестной активности. Однако в этом случае речь идет уже о локальных акциях протеста.

Так, например, в Екатеринбурге протест против отмены выборов главы города имеет затяжной характер. Изначально он проходил в активной форме уличных протестов. За день до принятия закона Законодательным Собранием Свердловской области 2 апреля 2018 года прошла акция протеста, в которой приняло участие порядка 1,7 тысяч человек. Журналисты отметили, что в акции протеста приняли активное участие московские оппозиционные политики (Дмитрий Гудков и Леонид Вол-

¹⁶О внесении изменений в статью 26.3 Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»: Федеральный закон от 27.05.2014 № 136-ФЗ // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹⁷Доклад о состоянии и основных направлениях развития местного самоуправления в Российской Федерации // Официальный сайт Министерства юстиции РФ. URL: <https://to66.minjust.gov.ru/razvitie-federativnyh-otnosheniy-i-mestnogo-samoupravleniya/doklad-o-sostoyanii-i-osnovnyh> (дата обращения: 11.10.2020).

ков)¹⁸. Зачастую такая местная протестная повестка активно поддерживается несистемной оппозицией и может быть использована как повод для радикализации протеста и смещения его акцентов. Так, в Екатеринбурге в ходе активного протеста против отмены выборов главы города звучали призывы отставки Губернатора Свердловской области.

Спустя два с половиной года тема не ушла из политической повестки Екатеринбурга, и в данный период протест реализуется в конструктивной форме – посредством сбора подписей за возвращение прямых выборов мэра. К процессу привлекаются общественные деятели и политологи, в том числе для того, чтобы привлечь внимание к проблеме. Политолог Е. Шульман во время визита в Екатеринбург поддержала инициативу жителей города: «Чем хорош сбор подписей – он демонстрирует масштаб общественной поддержки. Труднее будет отмахнуться от 14 тысяч подписей, чем от инициативы, подписанной одним или несколькими депутатами»¹⁹. Также Е. Шульман подтвердила право жителей выходить на улицу и заявлять о своих требованиях: «Выход на улицу – это не выход за рамки правового поля, вы же не собираетесь убивать. Выходить на улицы абсолютно нормально, это прописано в конституции. Поэтому выходите и будете в своем праве». Таким образом, удачной инициативы есть потенциал для возвращения в стадию активного уличного протеста.

Р. С. Мухаметов в ходе анализа конкурентности выборов мэра Екатеринбурга приходит к выводу, что выборы, проходившие с 1999 по 2013 год, являются конкурентными: «Как показывают подсчеты, уровень конкурентности выборов мэра уральской столицы выше среднего. С нашей точки зрения, это объясняется полицентрическим характером регионального политического режима, наличием автономной и относительно независимой от региональной власти городской элиты» [11, с. 69]. С другой стороны, это говорит о включенности жителей Екатеринбурга в политический

процесс и заинтересованности в выборе главы муниципалитета.

Итак, отмена выборов глав муниципальных образований является одним из существенных факторов, активизирующих протестную активность населения. В первую очередь это происходит потому что местный уровень власть является самым близким для жителей.

Р. Ф. Туровский отмечает, что из-за отмены прямых выборов глав муниципальных образований «произошла замена практически всех муниципальных руководителей, прежде всего – представителей оппозиционных партий и сильных локальных групп влияния. Во многих случаях к власти в городах пришли непосредственные выходцы из региональной исполнительной власти» [12, с. 35]. По мнению автора это является обоснованным с финансово-экономической точки зрения, однако указанные изменения ведут к разрыву связи между институтом местного самоуправления и обществом.

Исследователи придерживаются разных точек зрения по вопросу непрерывной трансформации избирательной системы РФ. Одни считают, что это свидетельствует о постоянном совершенствовании, оптимизации и настройке электоральной системы, другие говорят о ее нестабильности и невозможности провести несколько избирательных циклов по одному законодательству. Так, Ю. В. Нечипас и И. А. Побережная, исследуя изменения избирательного законодательства в период с 2010 по 2015 год, выделяют восемь тенденций совершенствования избирательной системы РФ, среди которых исключение возможности иностранного влияния на избирательный процесс, а также «обеспечение конкурентоспособности и состязательности политического процесса, принципа политического многообразия и многопартийности» [13]. Последнее, по мнению авторов, обеспечивается за счет снижения избирательного барьера до 5 процентов.

Другой точки зрения придерживаются П. М. Козырева и А. И. Смирнов. Авторы анализируют процесс трансформации избира-

¹⁸ Гордеев В., Кузнецова Е. В Екатеринбурге отменили прямые выборы мэра // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/politics/03/04/2018/5ac320cb9a7947ae6ea3d653> (дата обращения: 11.10.2020).

¹⁹ «Будьте в своем праве»: Шульман призвала екатеринбуржцев выходить на улицы для возврата прямых выборов мэра // Информационное агентство «Европейско-азиатские новости». URL: https://eanews.ru/news/budte-v-svoem-prave-shulman-prizvala-yekaterinburzhtsev-vykhodit-na-ulitsy-dlya-vozvrata-priamykh-vyborov-mera_12-09-2020 (дата обращения: 11.10.2020).

тельной системы с точки зрения повышения конкурентоспособности политических партий и приходят к выводу, что непрерывное изменение законодательства не только не способствует оптимизации партийной системы, но и мешает созданию конкурентоспособных политических партий: «Переформатирование партийного пространства и корректировка избирательной системы происходят таким образом, чтобы ослабить позиции наиболее вероятных политических конкурентов, выдвинуть их на периферию политического поля и обеспечить победу доминирующей партии на выборах» [14].

Однако нас в рамках настоящего исследования в большей степени интересует не вопрос эффективности трансформации избирательной системы, а вопрос влияния этих изменений на протестную активность. При этом протестную активность следует разделять на ту, что реализуется конвенциональным способом, то есть протест, проявляющийся в ходе выборов, и на ту, которая реализуется путем уличных протестов. Безусловно, второй вид протестной активности отследить несколько проще, чем первый. Мы уже зафиксировали основные массовые протестные выступления, которые начались в 2005 году с «Марша несогласных» и развернулись в полной мере в декабре 2011 года после выборов в Государственную Думу РФ. В данном случае трансформация избирательной системы и результаты выборов, на которые эта трансформация повлияла, напрямую соотносятся с массовыми уличными акциями протеста. И мы можем зафиксировать, что ужесточение избирательной системы отражается на увеличении количества массовых акций протеста и является одной из причин их организации и проведения.

Однако в случае с протестным голосованием, проявляющимся в виде осознанного игнорирования выборов, голосования за оппозиционные партии или порчи бюллетеней, построение причинно-следственных связей оказывается более сложным, так как зависит от множества других факторов. Так, например, уровень явки на выборах может зависеть от степени использования властью административного ресурса [15], а результат оппозици-

Таблица 1 – Результаты выборов в Государственную Думу РФ²⁰

Table 1 – Results of elections to the State Duma of the Russian Federation

Год	Явка, %	Количество мандатов, полученных «Единой Россией»	Испорченные бюллетени, %	«Против всех», %
2003	55,67	223 (120 по ПС; 103 по ОО)	1,56	4,7
2007	63,71	315 (по ПС)	1,09	—
2011	60,21	238 (по ПС)	1,57	—
2016	47,88	343 (140 по ПС; 203 по ОО)	1,87	—

Прим.: по ПС – по партийным спискам; по ОО – по одномандатным округам.

онных партий – от успешности и эффективности проводимой ими избирательной кампании [16], а не только от недовольства гражданами проводимой действующей властью политикой. Кроме того, итоги выборов и уровень протестного голосования зависит и от текущей экономической ситуации. Однако зафиксируем основные результаты выборов депутатов Государственной Думы РФ в табл. 1.

Исходя из полученных данных, мы можем сделать выводы об используемых гражданами стратегиях поведения избирателя, а также об уровне электорального протеста. Выборы в Государственную Думу РФ 2003 года отличаются наличием графы «против всех». Согласно проведенному нами ранее исследованию [17], голосование «против всех», а также порча избирателями бюллетеней относятся к стратегии электорального нигилизма. Таким образом, в 2003 году в совокупности более 6 % граждан, принявших участие в голосовании, придерживались данной стратегии.

Однако на последующих выборах, когда графа «против всех» была упразднена, не произошло перераспределения голосующих «против всех» в части увеличения испорченных бюллетеней. Это значит, что данные избиратели выбрали другую стратегию поведения. Исходя из статистики голосования 2007 года, выбор был сделан в пользу непротестной стратегии поведения – стратегии поддержки действующей власти. Самая высокая явка на выборах депутатов Государственной Думы РФ в

²⁰Центральная избирательная комиссия РФ. URL: <http://www.cikrf.ru/> (дата обращения 14.08.2020).

XXI веке (63,7 %) сопровождалась внушительными успехами правящей партии (315 мест из 450) на фоне минимального процента испорченных бюллетеней.

Однако уже в 2011 году при сопоставимо высокой с 2007 годом явке происходит резкое снижение количества мандатов, полученных правящей партией. В ходе предвыборной кампании несистемным оппозиционером А. Навальным активно используется стратегия «Голосуй за любую партию, кроме „Единой России“»²¹. В результате голоса протестно настроенных избирателей перераспределяются в пользу партий, составляющих системную оппозицию: КПРФ (+35 мандатов), ЛДПР (+16), «Справедливая Россия» (+26). Таким образом, избиратели используют стратегию электорального альтернативизма.

В 2016 году резко падает явка на выборы: по сравнению с 2011 годом – на 12 %, по сравнению с 2007 годом – почти на 16 %. При этом правящая партия демонстрирует лучший за четыре избирательных цикла результат. Исходя из этого мы можем сделать вывод, что явка падает именно за счет протестно настроенного и оппозиционного населения. Иными словами, избиратели для демонстрации власти своей критической позиции используют стратегию электорального абсентеизма.

Таким образом, наибольшая протестность в голосовании на выборах депутатов Государственной Думы РФ фиксируется в 2003 и в 2011 годах. Однако следует отметить принципиальную разницу в мотивах этой протестности. Если в 2003 году использование стратегии электорального нигилизма свидетельствует о том, что население устало от политики и испытывает недоверие к власти в целом и отдельным политикам, то в 2011 году складывается иная картина. Избиратели заинтересованы в политической ситуации и хотят на нее повлиять. И именно в данном контексте ужесточение избирательного законодательства приводит к тому, что протестное поведение из конвенционального, реализуемого в ходе выборов, перерастает в неконвенциональное, осуществляемое посредством уличных акций протеста, носящих наиболее масштабный характер именно после выборов 2011 года.

Таким образом, подводя итоги мы можем сделать вывод, что корректировка и трансформация избирательной системы способна повлиять не только на результаты выборов и на развитость партийной системы, но и на протестное поведение избирателей, на то, в какое русло оно будет направлено. Поэтому при изменении избирательной системы законодательно необходимо учитывать не только текущие политические интересы и цели, но и то, каким образом эти изменения повлияют на всю политическую систему в целом, на состояние политических партий и на взаимодействие власти и общества. М. В. Мамонов, И. В. Гаврилов и М. А. Вядро, исследуя специфику избирательного процесса в современной России, справедливо отмечают, что «ключевая задача выборного процесса, решаемая властью, состоит в снижении конфликтности самого процесса как среди элиты (региональной, федеральной), так и среди населения» [18, с. 127].

Возможность выражения протеста в конструктивной, конвенциональной форме – путем протестного голосования – позволяет избирателям продемонстрировать свою позицию, не прибегая к неконвенциональным формам протеста. Сужение таких возможностей при высоком уровне общественной активности приводит к тому, что граждане начинают активно отстаивать свои избирательные права путем массовых уличных акций протеста.

Наиболее проблемными с точки зрения восприятия избирателей являются нововведения, ограничивающие прямые избирательные права граждан. Это в первую очередь отмена выборов глав субъектов Российской Федерации и выборов глав муниципальных образований. Процедурные и технические изменения избирательного законодательства воспринимаются гражданами менее остро, однако могут быть использованы в качестве оснований для протеста лидерами несистемной оппозиции.

С учетом развития технологической базы для организации разного рода «цветных революций», состоявшихся на постсоветском пространстве, ужесточение избирательного законодательства, с одной стороны, может быть направлено на противодействие такого рода

²¹ Сайт А.Навального. URL: <https://navalny.com/p/3803/> (дата обращения 19.06.2020).

деятельности. С другой стороны, канализация протестной активности в рамках неконвенциональных форм объективно способствует радикализации оппозиционной повестки. Достижение баланса избирательного законодательства на этом фоне представляется в качестве наиболее эффективной стратегии с точки зрения обеспечения соответствующих прав граждан. Кроме того, на повестку дня выходит вопрос о защите граждан от грубого нарушения их прав путем использования манипулятивных технологий [19] и вовлечения в неконвенциональные формы протестной активности.

Так называемые «ненасильственные формы протеста» в действительности оказываются инструментом для вовлечения граждан в цепочки протестной активности, направленные на дестабилизацию внутривластной ситуации [20]. В связи с этим вопросы гражданской сознательности, умения граждан ориентироваться в сложной политической ситуации, отличать манипуляцию от произвола – все это становится залогом сохранения конвенциональных способов протестных действий, направленных на достижение общих интересов граждан и государства.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Голосов Г.В. (2019). Честность выборов и явка избирателей в условиях авторитаризма // Политическая наука. № 1. С. 67–89. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=37264444> (дата обращения: 10.05.2020).
2. Володина С.В. (2014). Параметры избирательной системы как объект реформирования: технологии влияния // Полис. Политические исследования. № 5. С. 108–117. URL: <https://doi.org/10.17976/jpps/2014.05.08> (дата обращения: 11.05.2020).
3. Кинзерская И.А. (2008). Избирательная система как институт современного демократического государства. // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. № 74-1. С. 209–224. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/izbiratelnaya-sistema-kak-institut-sovremennogo-demokraticeskogo-gosudarstva> (дата обращения: 11.10.2020).
4. Гельман В.Я. (2000). Институциональный дизайн: «создавая правила игры» // Первый электоральный цикл в России (1993-1996). М. 248 с.
5. Керимов А.А. (2016). Избирательные системы: проблемы выбора для современной России // Известия Уральского федерального университета. Серия 3: Общественные науки. № 2 (152). С. 70–79.
6. Lijphart A. (1992). Democratization and Constitutional Choices in Czechoslovakia, Hungary and Poland 1989-91, *Journal of Theoretical Politics*, vol. 4, no. 2.
7. Лебединцев И.Д., Исаков А.С. (2018). Президент РФ в системе разделения властей: институциональные аспекты реализации полномочий // Общество, экономика, управление. № 1. С. 45–50. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prezident-rf-v-sisteme-razdeleniya-vlastey-institutsionalnye-aspekty-realizatsii-polnomochiy> (дата обращения: 04.10.2020).
8. Голосов Г.В., Григорьев И.С. (2015). Национализация партийной системы: российская специфика // Политическая наука. № 1. С. 128–156. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=23499701> (дата обращения: 10.05.2020).
9. Керимов А.А. (2019). Избирательная система в действии: характеристика электоральных циклов в современной России // Известия Уральского федерального университета. Серия 3: Общественные науки. № 3 (191). С. 138–147.
10. Авакьян С.А. (2015). Выборы в России: эволюция избирательных систем, современные проблемы // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. № 5. С. 23–38. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vybory-v-rossii-evolyutsiya-izbiratelnyh-sistem-sovremennye-problemy> (дата обращения: 17.07.2020).
11. Мухаметов Р.С. (2015). Политическая конкуренция на выборах мэра Екатеринбурга // Известия Уральского федерального университета. Серия 3: Общественные науки. № 3 (143). С. 68–74.
12. Туровский Р.Ф. (2015). Российское местное самоуправление: агент государственной власти в ловушке недофинансирования и гражданской пассивности // Полис. Политические исследования. № 2. С. 35–51.
13. Нечипас Ю.В., Побережная И.А. (2015). Современные тенденции совершенствования избирательной системы России // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. № 10-1. С. 198–201. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennyye-tendentsii>

sovershenstvovaniya-izbiratelnoy-sistemy-rossii (дата обращения: 10.05.2020).

14. Козырева П.М., Смирнов А.И. (2014). Кризис многопартийности в России // Полис. Политические исследования. № 4. С. 76–95. DOI: 10.17976/jpps/2014.04.06.

15. Барсукова С.Ю., Левин С.Н. (2020). Соотношение административного и финансового ресурсов в ходе избирательных кампаний в современной России: региональная специфика // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. № 4. С. 41–59.

16. Ефанова Е.В., Веремеев Н.Ю. (2017). Политическая оппозиция как субъект электорального процесса: факторы участия, типы // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. Т. 22. № 6. С. 30–37.

17. Керимов А.А., Луговцов М.М. (2020). Электоральный протест: факторы формирования, стратегии и формы реализации // Социально-гуманитарные знания. № 3. С. 315–324. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=43084848> (дата обращения: 16.08.2020).

18. Мамонов М.В., Гаврилов И.В., Вядро М.А. (2018). Имитационные характеристики президентских выборов 2018 г. и их влияние на следующий электоральный цикл: результаты опросов общественного мнения // Мониторинг общественного мнения : Экономические и социальные перемены. № 4. С. 124–147.

19. Попцов Д.А. (2020). Новые медиа в кон-

тексте формирования общественного мнения // Научный журнал «Дискурс-Пи». № 3 (40). С. 140–152.

20. Попцов Д.А. (2020). «Мягкая сила» публичной дипломатии в контексте современных информационных коммуникаций // Вопросы управления. № 3 (64). С. 20–30.

21. Мухаметов Р.С. (2016). Политические процессы на Среднем Урале в контексте региональной политики // Стратегии развития социальных общностей, институтов и территорий : Материалы II Международной научно-практической конференции (Екатеринбург, 18–20 апреля 2016 г.): в 2-х т. Екатеринбург : Издательство Уральского университета. Т. 1. С. 88–91.

22. Руденкина А.И., Керимов А.А. (2016). Социально-политическая теория протеста в зарубежной науке // Социум и власть. № 4 (60). С. 56–61. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-politicheskaya-teoriya-protesta-v-zarubezhnoy-nauke> (дата обращения: 19.11.2019).

23. Сербин М.В. (2019). Трансформация избирательных систем в контексте политико-правовых преобразований – некоторые итоги развития избирательной системы России // Научно-практический электронный журнал «Аллея Науки». № 1 (28).

24. Трегубов Н.А. (2017). Факторы голосования: вопросы классификации и анализа // Полис. Политические исследования. № 3. С. 119–134. URL: <https://www.politstudies.ru/article/5268> (дата обращения: 20.12.2019).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Луговцов Михаил Максимович – Уральский институт управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (620144, Россия, Екатеринбург, ул. 8 Марта, 66); lugovcovmm@gmail.com.

INFLUENCE OF TRANSFORMATIONS OF THE RUSSIAN ELECTORAL SYSTEM IN THE XXI CENTURY ON THE CHOICE OF ELECTORAL BEHAVIOR STRATEGY

М.М. Lugovtsov^a

^aRussian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

ABSTRACT:

Research goal. The article analyzes the transformation of the Russian electoral system in the XXI century. It correlates the changes in the electoral legislation with the electoral behavior of Russian citizens. Particular attention is paid to assessment of the impact of these changes on the level of protest activity.

Methods. The article analyzes and systematizes key changes in the electoral legislation of Russia in the XXI century. Based on this, two stages of transformation of the electoral system of the Russian Federation

are distinguished. At the first stage (2000–2007), the Russian electoral legislation was tightened. The second stage, which began after the large-scale protests (2011), is characterized by the liberalization of electoral legislation. Based on the research of Russian scientists, using a systematic approach, the changes in the electoral system and their consequences from the point of view of the relationship between the state and society are characterized.

Results. The influence of the transformation of the Russian electoral system on both street protest activity and conventional protest implemented during elections is established. Thus, in relation to mass street protests, they are directly related to the tightening of electoral legislation. That is, limiting the opportunities of voters (canceling the possibility of voting «against all» and the turnout threshold) and political parties (increasing the electoral barrier, complicating registration and functioning) is one of the reasons for protest actions. In relation to the protest carried out during the elections, a change in the strategies of electoral behavior of citizens was recorded, including those caused by the transformation of the electoral system. The following strategies were used in the state Duma elections: in 2003 – the strategy of electoral nihilism, in 2007 – the strategy of supporting the current government, in 2011 – the strategy of electoral alternativism, in 2016 – the strategy of electoral absenteeism.

The scientific novelty lies in the fact that the study established the influence of changes in the electoral legislation on the choice of electoral strategies of behavior of Russian citizens.

KEYWORDS: electoral system, electoral legislation, electoral protest, political protest, electoral behavior strategies, political parties.

FOR CITATION: Lugovtsov M.M. (2021). Influence of transformations of the Russian electoral system in the XXI century on the choice of electoral behavior strategy, *Management Issues*, no. 6, pp. 5–18.

REFERENCES

1. Golosov G.V. (2019). Electoral integrity and voter turnout under authoritarianism, *Political science*, no. 1, pp. 67–89. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=37264444> (accessed 10.05.2020).
2. Volodina S.V. (2014). Parameters of the electoral system as an object of reform: technology of influence, *Polis. Political research*, no. 5, pp. 108–117. URL: <https://doi.org/10.17976/jpps/2014.05.08> (accessed 11.05.2020).
3. Kinzerskaya I.L. (2008). The electoral system as the institute of the modern democratic state, *Izvestia of the Russian State Pedagogical University named after A.I. Herzen*, no. 74-1, pp. 209–224. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/izbiratelnaya-sistema-kak-institut-sovremennogo-demokraticheskogo-gosudarstva> (accessed 11.10.2020).
4. Gelman V.Ya. (2000). Institutional design: “By creating the rules of the game”. In: First electoral cycle in Russia (1993–1996). Moscow. 248 p.
5. Kerimov A.A. (2016). Electoral systems: problems of choice for modern Russia, *Izvestiya of the Ural Federal University. Series 3: Social Sciences*, no. 2 (152), pp. 70–79.
6. Lijphart A. (1992). Democratization and Constitutional Choices in Czecho-Slovakia, Hungary and Poland 1989-91, *Journal of Theoretical Politics*, vol. 4, no. 2.
7. Lebedintsev I.D., Isakov A.S. (2018). President of the Russian Federation in the system of separation of the authorities: institutional aspects of the implementation of powers, *Society, Economics, Management*, no. 1, pp. 45–50. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prezident-rf-v-sisteme-razdeleniya-vlastey-institutsionalnye-aspekty-realizatsii-polnomochiy> (accessed 04.10.2020).
8. Golosov G.V., Grigorev I.S. (2015). Nationalization of the party system: Russian specifics, *Political science*, no. 1, pp. 128–156. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=23499701> (accessed 10.05.2020).
9. Kerimov A.A. (2019). The election system in action: the characteristic of electoral cycles in modern Russia, *Izvestiya of the Ural Federal University. Series 3: Social Sciences*, no. 3 (191), pp. 138–147.
10. Avakyan S.A. (2015). Elections in Russia: Evolution of electoral systems, modern problems, *Bulletin of Moscow University. Series 11. Law*, no. 5, pp. 23–38. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vybory-v-rossii-evolyutsiya-izbiratelnyh-sistem-sovremennye-problemy> (accessed 17.07.2020).
11. Mukhametov R.S. (2015). Political competition in the election of the mayor of Yekaterinburg, *Izvestiya of the Ural Federal University. Series 3: Social Sciences*, no. 3 (143), pp. 68–74.
12. Turovsky R.F. (2015). Russian local self-

government: an agent of state power trapped by underfunding and civil passivity, *Policy. Political research*, no. 2, pp. 35–51.

13. Nechipas Yu.V., Poberezhnaya I.A. (2015). Modern trends in improving Russia's electoral system, *Humanitarian, socio-economic and social sciences*, no. 10-1, pp. 198–201. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-tendentsii-sovershenstvovaniya-izbiratelnoy-sistemy-rossii> (accessed 10.05.2020).

14. Kozyreva P.M., Smirnov A.I. (2014). Crisis of multiparty in Russia, *Polis. Political research*, no. 4, pp. 76–95. DOI: 10.17976/jpps/2014.04.06.

15. Barsukova S.Yu., Levin S.N. (2020). The ratio of administrative and financial resources during election campaigns in modern Russia: regional specifics, *Monitoring of public opinion: Economic and social changes*, no. 4, pp. 41–59.

16. Efanova E.V., Veremeev N.Yu. (2017). Political opposition as a subject of the electoral process: participation factors, types, *Bulletin of the Volgograd State University. Series 4. History. Regional studies. International relationships*, vol. 22, no. 6, pp. 30–37.

17. Kerimov A.A., Lugovtsov M.M. (2020). Electoral protest: factors of formation, strategies and forms of implementation, *Socio-humanitarian knowledge*, no. 3, pp. 315–324. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=43084848> (accessed 16.08.2020).

18. Mamonov M.V., Gavrilov I.V., Vyadro M.A. (2018). The simulation characteristics of the presidential election 2018 and their influence on the next electoral cycle: results of public opinion polls, *Moni-*

toring of public opinion: economic and social changes, no. 4, pp. 124–147.

19. Poptsov D.A. (2020). New media in the context of public opinion formation, *Scientific Journal "Discourse-Pi"*, no. 3 (40), pp. 140–152.

20. Poptsov D.A. (2020). "Soft power" of public diplomacy in the context of modern information communications, *Management issues*, no. 3 (64), pp. 20–30.

21. Mukhametov R.S. (2016). Political processes in the Middle Urals in the context of regional policy. In: Proceedings of the II International Scientific and Practical Conference «Strategies for the development of social communities, institutions and territories» (Ekaterinburg, April 18-20, 2016). 2 vols. Ekaterinburg: Publishing House of Ural University, vol. 1, pp. 88–91.

22. Rudenkina A.I., Kerimov A.A. (2016). Socio-political theory of protest in foreign science, *Society and Power*, no. 4 (60), pp. 56–61. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-politicheskaya-teoriya-protesta-v-zarubezhnoy-nauke> (accessed 19.11.2019).

23. Serbin M.V. (2019). Transformation of electoral systems in the context of political and legal transformations – some results of the development of the electoral system of Russia, *Scientific and Practical Electronic Journal of the "Alley of Science"*, no. 1 (28).

24. Tregubov N.A. (2017). Voting factors: Classification and analysis issues, *Polis. Political research*, no. 3, pp. 119–134. URL: <https://www.politstudies.ru/article/5268> (accessed 20.12.2019).

AUTHORS' INFORMATION:

Mikhail M. Lugovtsov – Ural Institute of Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (66, 8 Marta St., Ekaterinburg, 620144, Russia); lugovcovmm@gmail.com.

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ

ECONOMICS AND MANAGEMENT

ТЕОРИЯ ЭКОСИСТЕМНОГО АНАЛИЗА

Е.В. Попов^{1а}, Р.А. Долженко^{2а}, В.А. Симонова^{3а}

“Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации

АННОТАЦИЯ:

Объектом настоящего исследования является экономическая экосистема. Под экономической экосистемой подразумевается внешняя среда субъекта хозяйствования (фирмы, организации, хозяйствующей территории), включающая как хозяйственные, так и нехозяйственные взаимосвязи.

Целью настоящего исследования является разработка теории экосистемного анализа на основе формирования принципов и идей, отражающих закономерности развития экономических экосистем.

В результате проведенного исследования получены следующие результаты. Сформулирован принцип связности элементов системы, заключающийся в том, что существование экономической экосистемы обеспечивается наличием связей между ее элементами. Выдвинута идея оценки сетевого потенциала ядра экосистемы. Предложен принцип системности существования экосистемы, состоящий в том, что устойчивость экономической экосистемы обеспечивается наличием системных отношений между ее элементами. Для инструментального анализа экосистем сформулирована идея применения системной экономической теории. Разработан принцип взаимности элементов экосистемы, демонстрирующий, что функционирование экономической экосистемы обеспечивается взаимными связями между ее элементами. Практическая реализация принципа возможна в рамках идеи стейкхолдерского моделирования экосистемы. Обоснован принцип информационной прозрачности экосистемы о том, что прозрачность отношений между элементами экономической экосистемы обеспечивается наличием информационной открытости между ее элементами. Сформулирована идея цифрового потенциала ядра экосистемы. Разработан принцип оптимальности экосистемы, описывающий то, что оптимальность развития экономической экосистемы обеспечивается полнотой связей между ее элементами. Выдвинута идея о транзакционной оптимальности конфигурации элементов экономической экосистемы.

Теоретическая значимость полученных результатов заключается в том, что применение сформулированных принципов и идей является теоретической платформой анализа развития реальных экономических экосистем. Практическая значимость полученных результатов состоит в разработке методических основ анализа реальных экономических экосистем.

БЛАГОДАРНОСТИ: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-010-00333.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: экономическая экосистема, теория анализа, связность элементов, устойчивость системы, взаимность связей, информационная прозрачность, транзакционная конфигурация.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Попов Е.В., Долженко Р.А., Симонова В.А. (2021). Теория экосистемного анализа // Вопросы управления. № 6. С. 20–36.

Введение

Стремительное расширение взаимосвязей между фирмами, государством, обществом и потребителями благодаря формированию цифрового общества обозначило необходи-

мость применения новой парадигмы исследования внешней среды предприятий и организаций. Предшествующая парадигма сетевых взаимодействий включала в орбиту своего анализа только хозяйственные связи произ-

¹ AuthorID РИНЦ: 44798, ORCID: 0000-0002-5513-5020

² AuthorID РИНЦ: 617562, ORCID: 0000-0003-3524-3005, ScopusID: 57201478562, ResearcherID: J-2847-2015

³ AuthorID РИНЦ: 148845, ORCID: 0000-0003-2814-464X, ScopusID: 14061247700, ResearcherID: J-7050-2017

водителей с потребителями продукции и услуг. Однако, цифровизация общества и появление технологий онлайн-транзакций стимулировали значительное влияние отдельных индивидов, средств массовой информации, органов государственной и муниципальной власти, представителей научного и образовательного сообществ на развитие производственной деятельности. В этой связи стало неизбежным появление парадигмы исследований, основанной на изучении максимального возможного числа факторов, влияющих на производство товаров и услуг.

Такая парадигма исследований была импортирована в экономическую науку из биологии и получила название экосистемного анализа. Под экосистемой фирмы подразумевается внешняя среда фирмы, включающая как хозяйственные, так и нехозяйственные взаимосвязи, иными словами, взаимодействие фирмы не только с поставщиками, конкурентами и потребителями, но и с органами власти, средствами массовой информации, обществом и отдельными его гражданами, университетами, научными организациями и многими другими институционализированными факторами, влияющими на деятельность данной фирмы.

В последние годы отмечается значительный рост публикаций в отечественной и зарубежной экономической литературе, посвященный анализу экосистем фирм, организаций, территорий. Вместе с тем, до сих пор не сформирована теория, позволяющая систематизировать различные подходы к анализу экосистем. Отсутствие подобного теоретического базиса затрудняет развитие исследований реальных экономических экосистем.

Целью настоящего исследования является разработка теории экосистемного анализа на основе формирования принципов и идей, отражающих закономерности развития экономических экосистем. В данной цели исследования отражено понимание экономической теории как совокупности принципов и идей, отражающих закономерности развития общества на основе современных представлений о разумном хозяйствовании.

Логика разработки теории экосистемного анализа включила в себя следующие последо-

вательные этапы. Прежде всего, был проведен анализ предшествующих исследований для определения проблемы исследования. Далее определили процедуру исследования и информационную базу исследования, затем сформулировали принципы и идеи теории экосистемного анализа, в завершение обсудили применимость принципов и идей экосистемного анализа в реальной экономике.

Особенности экономических экосистем

Принято считать, что первым исследователем, обратившим внимание на изучение не только производственных, но и социальных связей фирмы и предложившим для этого термин «экосистема», был Дж. Мур. Экономическую экосистему он определил как «экономическое сообщество, поддерживаемое базисом из взаимодействующих организаций и отдельных лиц» [1, с. 26].

И действительно, вовлечение в экономическое сообщество не только организаций, но и отдельных индивидов обеспечило значительное развитие экономики совместного пользования или долевой экономики. Как отмечается, экономика совместного пользования продемонстрировала беспрецедентную способность к широкомасштабной мобилизации рассредоточенных и недоиспользуемых частных активов для коллективного применения [2]. Это в свою очередь, привело к развитию цифровых платформ социальных сетей, растущая деловая экспансия которых меняет их идентичность и трансформирует практику создания сетей, обмена данными и контентом, с которыми социальные сети обычно ассоциируются. Постоянно обновляемые пакеты данных имеют важное значение для обеспечения взаимодополняемости, которая лежит в основе формирования экономических экосистем [3].

Программные платформы создают ценность, культивируя экосистему взаимодополняющих продуктов и услуг. Программные платформы, такие как Windows, iOS или Amazon Web Services, полагаются на сторонних разработчиков для создания приложений, которые дополняют платформы и делают их ценными для конечных пользователей. Бизнес программной платформы может обучать и поощрять разработчиков к принятию своей платформы, поддерживая соревнования по

разработке программного обеспечения на форумах разработчиков – хакатонов, которые полезны для распространения платформенных технологий: разработчики используют широко известные платформы, а хакатоны позволяют разработчикам идентифицировать модные платформы и присоединяться к ним [4].

Таким образом происходит распространение пользовательских инноваций, особенно в экосистемах услуг. Экосистемная перспектива вносит три допущения в диффузию пользовательских инноваций: диффузия инноваций – это многоуровневый и акторный феномен; ориентация от актора к актору интегрирует пользователей-новаторов в экосистему; перспектива сервиса определяет диффузионно-эволюционный процесс развития инноваций [5]. При этом происходят институциональные изменения на уровне практик совместного создания ценностей в экосистемах услуг. Любое такое изменение основано на согласовании между экономическими институтами и рутинными практиками, меняющими создание ценностей [6]. Такие процессы приводят к развитию экономических экосистем.

Отметим, что развитие цифровых технологий приводит к формированию нового содержания экономических экосистем. Так, Интернет вещей, соединяющий людей, организации и умные вещи, способен значительно изменить бизнес-модели функционирования экосистем на различных уровнях [7]. Более того, развитие технологий приводит к появлению технологических систем в экономике [8], являющихся производственным ядром экономических экосистем.

Экономическая интеграция также приводит к развитию предпринимательских экосистем. Цифровые технологии и стремление к интеграции особенно заметны в инфраструктурных отраслях, на предприятиях, обеспечивающих коммуникации и в строительной отрасли [9].

Влияет ли глобализация экономики на развитие экономических экосистем? Конечно, влияет. Тенденции глобализации последних нескольких десятилетий привели к существенным изменениям в моделях модернизации технологий и новых способах взаимодействия между внутренними технологическими усили-

ями и внешними источниками технологических знаний. Следовательно, эта новая динамика может привести развивающиеся страны к дальнейшему повышению экономической значимости через рост производительности труда, который обусловлен технологической модернизацией, требующей активной и скоординированной деятельности государственных и негосударственных субъектов в рамках различных отраслевых, региональных и национальных инновационных экосистем [10].

Крупнейшей в мире экономической экосистемой можно признать Рамочную программу Европейского союза по исследованиям и инновациям. Эта программа эволюционировала от поддержки предконкурентных исследований к охвату всей инновационной цепочки создания стоимости. Это облегчает создание сетей НИОКР среди организаций со всего мира. В настоящее время идет разработка показателей и инструментов контроля и управления инновационной деятельностью в рамках комплексных проектов НИОКР с точки зрения единого экосистемного подхода [11].

При этом следует иметь в виду, что различные инновации по-разному влияют на развитие экономических экосистем. По степени влияния на экосистемные процессы инновации могут быть разделены на три типа: устойчивые инновации; инновации, приводящие к низкоуровневым сбоям в экономической деятельности; и разрушительные инновации, стимулирующие значительные рыночные сбои [12]. Последний вид инноваций может оказаться губительным для развития экономической экосистемы.

Отметим, что в научной литературе признано разделение экономических экосистем на четыре вида: инновационные экосистемы, экосистемы бизнеса, предпринимательские экосистемы и экосистемы платформ [13].

Закономерен вопрос: как происходит развитие инновационных экосистем?

Прикладные платформы являются частью инновационных экосистем, где взаимодействие между конечными пользователями и разработчиками регулирует рост самой экосистемы. Важными сведениями для этого процесса являются отзывы пользователей. Исследование отклика конечных пользователей по-

казывает, что качество спроса поддерживает инновации в производственном секторе, что, в свою очередь, приводит к тому, что получение более сложной обратной связи по спросу представляет собой потенциально мощный стимул для продвижения разработки цифровых приложений [14]. При этом, формальные институты (государственные программы) и неформальные институты (коррупция, вымогательство и неформальная торговля) стимулируют увеличение числа социальных инноваций предприятий, и, как следствие, способствуют развитию инновационных экосистем [15].

Для развития экосистем бизнеса могут быть использованы политические решения. Так, британская программа по исследовательским инициативам в малом бизнесе улучшила связь, стимулировала взаимодействие и сотрудничество малых фирм в области исследований и разработок. Благодаря получению государственных контрактов на НИОКР малые фирмы получили доступ к соответствующим инновационным экосистемам, нарастили свои знания и изучили возможные пути выхода на рынок. Общественные организации использовали данную программу для связи с инновационными малыми фирмами, а также для обмена опытом и новыми идеями. При этом малый бизнес, финансируемый указанной программой, столкнулся с проблемами коммерциализации и внедрения инноваций из-за институциональных ограничений, связанных с регулированием и государственно-отраслевыми нормами производства [16].

Для моделирования развития предпринимательских экосистем на рынке закупок может быть сформулирована концептуальная модель для описания отношений на всех этапах закупок. Количество изменений цен на этапе переговоров и объем закупок в этом случае являются важными факторами, определяющими успех предпродажных закупок. Выбор типа аукциона влияет на количество участников, причем менее прозрачные типы аукционов более привлекательны для поставщиков, чем прозрачные типы. Далее, если сравнить предпродажные закупки общих товаров и услуг с традиционными, то можно выявить различия в количестве участников и общем объеме аукционов. Анализ подобной модели вы-

явил необходимость совершенствования инновационной экосистемы поиска поставщиков, чтобы сделать рынок более прозрачным для выявления подходящих поставщиков и для того, чтобы поставщики были более заметны на рынке во время проведения закупок [17].

Отметим, что пограничные ресурсы позволяют поддерживать близкие деловые отношения между владельцами платформ и сторонними разработчиками, что обеспечивает развитие цифровых инноваций в экосистемах платформ. Так, библиотеки программного обеспечения являются важнейшими компонентами цифровой инфраструктуры и популярными пограничными ресурсами, которые обеспечивают функциональность экосистемы без необходимого постоянного взаимодействия с их владельцами. Они широко используются коммерческими поставщиками для настройки своих программных продуктов, сообществами для распространения программного обеспечения с открытым исходным кодом и владельцами крупных технологических платформ для обеспечения функциональности, не требующей контроля. Проведенное исследование показало, что библиотеки, принадлежащие крупным технологическим компаниям и поставщикам продуктов, сосуществуют вместе, и развертывание больших технологических библиотек не зависит от масштабов развертываемых стартапов. Существование подобной инфраструктуры является необходимым элементом развития платформенной экосистемы [18].

Какова же эффективность деятельности экономических экосистем? Экосистемы платформ стимулировали появление новых продуктов и услуг, стимулировали инновации и повысили экономическую эффективность в различных отраслях промышленности и технологических секторах. Отличительной особенностью платформы является ее модульная и взаимозависимая система основных и взаимодополняющих компонентов, связанных между собой правилами проектирования и всеобъемлющим ценностным предложением. Можно представить цифровые платформы как метаорганизации, которые являются менее формальными и менее иерархическими структурами, чем фирмы, но все же бо-

лее тесно связаны с традиционными рынками. Для успешного функционирования платформ требуется координация между несколькими участниками, интересы которых совпадают не полностью. Успешные платформенные экосистемы требуют прямой координации между многочисленными участниками: с традиционными участниками, с другими экосистемами, между различными участниками одной и той же экосистемы платформы [19].

Отметим, что эффективность деятельности экосистем определяется как сочетанием сложности в разработке бизнес-модели и одновременном использовании инноваций в создании сложных систем деятельности [20], так и индивидуальным уровнем сенсорики менеджеров в трансформирующейся бизнес-экосистеме как микрооснове стратегии развития [21].

Эффективность деятельности экосистем определяется устойчивостью бизнес-моделей их функционирования. Инновационные экосистемы с целями устойчивого развития часто состоят из межсекторальных партнеров и нуждаются в управлении тремя противоречиями: создания ценности по сравнению с ее захватом, взаимной ценности по сравнению с индивидуальной ценностью и противоречием приобретения ценности по сравнению с ее потерей. Эти противоречия по-разному влияют на всех участников и затрудняют процесс разработки устойчивой бизнес-модели. В настоящее время выделяют два различных паттерна оценки стоимости: коллективное взаимодействие и непрерывный поиск. Проведенное исследование показывает, что межсекторальные субъекты в инновационных экосистемах могут сотрудничать при разработке бизнес-модели вокруг новых инноваций, ориентированных на устойчивое развитие [22].

Можно ли выделить существование жизненного цикла экономической экосистемы? По-видимому, можно. Так, если выделять различные типы экономических экосистем, то можно показать, что в своем развитии экосистема переходит от предпринимательской экосистемы с акцентом на создание новых фирм к бизнес-экосистеме с основным акцентом на внутреннюю коммерциализацию знаний [23]. При этом эмпирические исследования показывают, что социальное доверие играет зна-

чительную роль в стимулировании формирования новых фирм. Однако сила формальных институтов и региональной экономики оказывает сдерживающее воздействие на развитие экосистем. Эффект воздействия социального доверия может быть ослаблен в регионах с более высоким уровнем экономического развития, характеризующимся более высоким уровнем государственного управления и более определенными предпринимательскими экосистемами [24]. Визуализация формирования экосистем бизнеса моделируется на основе данных о слияниях и поглощениях фирм. В этом случае, возможно привлечение формализма биоэкономики [25].

Жизненный цикл экономической экосистемы наглядно отражается при анализе реальных экономических объектов. Например, использование конкретных элементов управления экосистемой «умного» города различается в зависимости от степени эволюции городской системы. На начальном этапе ключевыми являются структуры управления, направленные на укрепление внутренних связей. На этом этапе важны такие элементы, как доверие, приверженность общим целям, поскольку они помогают создать общую основу экосистемы «умного» города. В фазе роста экосистема фокусируется на установлении внешних связей с другими сторонами, такими как конкуренты и поставщики. На этом этапе важное значение приобретают стратегия совместного создания ценностей и специальная организация для продвижения, поскольку эти элементы облегчают коммуникацию с внешними сторонами экосистемы [26].

Анализ проведенных исследований показал значимость глобального развития для формирования экономических экосистем. Была определена дифференциация экосистем по предмету экономических отношений внутри них, проведены оценки процессов развития и жизненного цикла экономических экосистем, изучена эффективность деятельности экосистем при воздействии различных факторов.

При этом анализ предшествующих исследований показывает, что до настоящего времени не сформирована единая теория экосистемного анализа, то есть не систематизированы принципы и идеи, отражающие законо-

мерности развития экономических экосистем на основе современных представлений о разумном хозяйствовании.

Процедура исследования

Объектом настоящего исследования является экономическая экосистема. Под экономической экосистемой подразумевается внешняя среда субъекта хозяйствования (фирмы, организации, хозяйствующей территории), включающая как хозяйственные, так и нехозяйственные взаимосвязи, иными словами, взаимодействие субъекта не только с поставщиками, конкурентами и потребителями, но и с органами власти, средствами массовой информации, обществом и отдельными его гражданами, университетами, научными организациями и многими другими институционализированными факторами, влияющими на деятельность данного субъекта. Предмет исследования – экономические отношения по развитию экосистем. Метод исследования – логический системный анализ опубликованных результатов предшествующих исследований.

Информационной базой исследования выступили научные статьи, индексированные в мировой базе данных *Web of Science Core Collection* за последние пять лет, и авторские разработки по анализу экономических экосистем.

Для выделения принципов анализа экономического экосистем был применен иерархический подход к оценке сложностей взаимосвязей от простой связности элементов через системность, взаимность и прозрачность до их оптимальности. В качестве идей экосистемного анализа, отражающих его развитие, были применены инструменты экономического анализа, иллюстрирующие прикладное значение принципов экосистемного анализа.

Принципы и идеи экосистемного анализа

Если начать анализировать экономические экосистемы, то первой характеристикой подобной структуры должно выступать наличие связей между отдельными ее элементами.

Отсюда может быть сформулирован первый принцип теории экосистемного анализа – связности элементов: существование экономической экосистемы обеспечивается наличием связей между ее элементами.

Реализация принципа связности элементов экосистемы проиллюстрирована учеными

США в исследовании устойчивых конвергентных инноваций, основанных на экспоненциальном эффекте слияния различных объектов, технологий, идей и стратегий, как новая ключевая компетенция автономной экосистемы. Именно связность отдельных элементов и их устойчивость обеспечивают создание новой ценности для заинтересованных участников и для внешних элементов вне формируемой экосистемы [27].

Каков инструмент экономической оценки связности системы наработан к настоящему времени? Одним из таких инструментов анализа является сетевой потенциал фирмы [28]. Сетевой потенциал фирмы – это совокупность средств и возможностей фирмы в повышении результативности своей сетевой деятельности. Структурное наполнение модели сетевого потенциала фирмы соответствует набору факторов, влияющих на результативность сетевых транзакций. С учетом того, что функциональное обеспечение сетевой деятельности заключено в таких функциональных областях, как управленческая деятельность по применению различных ресурсов, то в укрупненном плане уровень реализации инструментария сетевого потенциала фирмы определяется уровнем реализации деятельности по управлению ресурсами с учетом сетевой структуры:

$$P = f(M, R, S) \rightarrow (Q, T, A), \quad (1)$$

где P – сетевой потенциал фирмы; M – менеджмент сетевых отношений; R – ресурсы и инфраструктура; S – положение фирмы в сетевой структуре; Q – улучшение финансовых результатов деятельности; T – снижение сетевых транзакционных издержек; A – альтернативные показатели результативности (социальные, экологические и др.).

Модель сетевого потенциала предполагает анализ факторов с позиции взаимосвязи трех структурных элементов, оказывающих задающее, согласующее и утверждающее влияние на развитие и функционирование системы.

Воспринимающий элемент отражает результат функционирования сетевых организаций в направлении реализации синергетических эффектов кооперации, снижения издержек взаимодействия, реализации совместных инноваций и пр.

Задающий элемент определяет базовые условия построения системы взаимоотношений и формирует основные мотивы создания сетевых организаций. Данный элемент формируется ресурсными характеристиками участников, отражающими их комплементарность и специфичность активов.

Наряду с ресурсами управление выступает в качестве важного ключевого фактора успеха фирмы, а методы и приемы управления сетевыми взаимоотношениями составляют инструментарий сетевого потенциала фирмы. Данное обстоятельство определяет структуру согласующего элемента, который включает в себя эндогенные механизмы управления, способствующие реализации ресурсных возможностей посредством адаптационного, координирующего и защищающего от оппортунизма воздействия. Данные параметры были выделены исходя из рассмотренных выше свойств сетевых организаций. Схематично структурная модель сетевого потенциала представлена на рисунке 1.

Таким образом, первой идеей теории экосистемного анализа выступает идея оценки сетевого потенциала: наличие связей между элементами экономической экосистемы может быть проанализировано на основе оценки сетевого потенциала ядра экосистемы.

Следующим этапом усложнения анализа связей между элементами экосистемы является их устойчивость, обусловленная системностью элементов. Отсюда может быть сформулирован второй принцип теории экосистемного анализа – системности: устойчивость экономической экосистемы обеспечивается наличием системных отношений между ее элементами.

Второй принцип экосистемного анализа реализован в разработке исследователей из Нидерландов экосистемной круговой модели как стратегического инструмента для картографирования, анализа и проектирования инновационных экосистем [30]. Экосистемная круговая модель представляет собой системное расположение акторов, которые взаимодействуют между собой в процессе создания новой ценности.

Инструментом анализа системности экосистемы выступает системная экономическая теория, согласно которой экономика представляет собой поле создания, взаимодействия и развития социально-экономических систем различного типа – объектного, процессного, проектного и средового. В соответствии с таким подходом экосистема должна включать организационную, инфраструктурную, коммуникационную и инновационную подсистемы [31].

Следовательно, второй идеей теории экосистемного анализа выступает идея применения системной экономической теории: устойчивость элементов экономической экосистемы может быть проанализирована на основе подхода системной экономической теории.

Третьим этапом усложнения связей между элементами экономической экосистемы является их функциональное наполнение на основе взаимных связей – принцип взаимности: функционирование экономической экосистемы обеспечивается взаимными связями между ее элементами.

Принцип взаимности элементов экосистем проиллюстрирован в исследовании наукоемких инновационных экосистем. Инновационное управление и наукоемкое предпринима-

Рисунок 1 – Структура сетевого потенциала фирмы [29].
Figure 1 – Structure of the network potential of the company [29].

Рисунок 2 – Стейкхолдерская модель инновационной экосистемы [33].

Figure 2 – Stakeholder model of the innovation ecosystem [33].

тельство демонстрируют концептуальную основу формирования экосистемы, которая заключается в сочетании нисходящего изучения политических альтернатив политиками вместе с восходящей наукоемкой предпринимательской деятельностью для продвижения к устойчивому развитию данной экосистемы. Так, на примере морского кластера Швеции показано, что для достижения прогресса в направлении устойчивого развития, основанного на инновациях, необходимы устойчивые стимулы для наукоемкого инновационного предпринимательства и новые формы сотрудничества со стороны директивных органов управления [32]. Возможным инструментом анализа взаимодействия элементов экосистем является стейкхолдерская модель подобных структур (рис. 2).

Внутри рамок инновационной экосистемы целесообразно рассматривать даже не сами фирмы и организации, а межфирменные взаимодействия рыночного, вне рыночного, гибридного характера (партнерство, конкуренция, коллаборация), независимо от формы взаимодействия (рынок, платформа, кластер, интеграция) по вопросам создания и развертывания инновационных продуктов и услуг. Стейкхолдеры здесь (в широком смысле) – разработчики инноваций, новаторы (физические лица, большие и малые инновационные предприятия, фирмы, корпорации, стартапы

и т. д.). Символически обозначили взаимодействия между собой фирмы в гексагоне, поместив в центр шестиугольника некую фирму-инициатора инновации – f_1 , а на вершины – фирмы-партнеры (как зависимые, например, в рамках холдинга, так и полностью самостоятельные).

В сегмент инфраструктуры входят следующие стейкхолдеры: институты развития, венчурные компании, технопарки, инкубаторы, иннополисы, пространства коммуникации («точки кипения»), банки, страховые компании, фонды, акселераторы, сообщества-акторы, наделенные преимущественно обеспечивающими функциями, отвечающие за поддержку среды и активности инновационной деятельности, адресное доведение ресурсов до инноваторов. Государственные и муниципальные органы управления, саморегулируемые организации, ассоциации, арбитраж, политические структуры, ответственные за формирование и поддержку формальной институциональной среды, составляют сегмент регуляторов. Наука и образование представлены такими стейкхолдерами, как образовательные центры, научно-исследовательские институты, высшие и средние учебные заведения, корпоративные университеты, бизнес-школы.

Потребительский сегмент модели – самый сложный для экосистемного проектирования, обладает нечеткими (аморфными) признака-

ми, контурами. Стратегический анализ, стратификация потребительских групп, изучение их поведенческих моделей должны проводиться инициаторами инновационной предпринимательской деятельности с предельным вниманием и концентрацией усилий, в том числе по слабым сигналам.

Таким образом, третья идея теории экосистемного анализа формулируется как идея стейкхолдерского моделирования: функционирование элементов экономической экосистемы может быть проанализировано в рамках стейкхолдерской модели данной системы.

Следующим важным этапом развития связей между элементами экономической экосистемы выступает прозрачность их взаимодействий между собой. Отсюда четвертый принцип теории экосистемного анализа – информационной прозрачности: прозрачность отношений между элементами экономической экосистемы обеспечивается наличием информационной открытости между ее элементами. Прозрачность означает наличие доверия между участниками экосистемы, а открытость подразумевает единообразие и доступность информационно-коммуникационных технологий внутри экосистемы.

Принцип информационной прозрачности использован при анализе инновационной экосистемы Ботсваны. Информационно-коммуникационные технологии включают в себя инновационные мобильные приложения, которые повышают грамотность и доступ к медицинским, банковским и сельскохозяйственным услугам. Устойчивое развитие требует не только рациональных, научно-технических средств, но и сети поддержки как со стороны социальных сетей, так и со стороны бизнес-инфраструктуры. Обосновано, что для успешного функционирования экосистема должна состоять из экономических агентов и отношений, а также неэкономических компонентов, таких как технологии, институты, социальные взаимодействия и культура, которые способствуют созданию идей, инновациям и распространению таких инноваций [34].

Инструментом анализа информационной прозрачности экономической экосистемы может выступать цифровой потенциал фирмы, под которым мы будем понимать совокуп-

ность средств и возможностей предприятия по применению цифровых технологий [35].

В цифровой потенциал фирмы включены восемь групп показателей, наиболее четко отражающих структуру цифровой сферы деятельности: обеспечение доступа к информационно-коммуникационным технологиям (ИКТ); применение ИКТ; навыки применения ИКТ; параметры информационно-технологического отдела фирмы; затраты на ИКТ; параметры официального сайта фирмы; параметры мобильного приложения фирмы; присутствие фирмы в социальных сетях.

Для оценки применимости полученной методики для определения цифрового потенциала предприятия провели эмпирическое исследование на примере крупного сетевого холдинга. Исследованное предприятие представляет собой управление сетью розничных магазинов в Свердловской области при наличии интернет-магазина. Цифровой потенциал фирмы представили в виде диаграммы показателей по восьми измеряемым осям. Полученная эмпирическим образом диаграмма приведена на рисунке 3.

Без сомнения, концепцию цифрового потенциала фирмы можно распространить на оценку элементов экономической экосистемы. В этом случае цифровой потенциал будет характеризовать информационно-коммуникационные технологии ядра системы (фирмы, организации, территории).

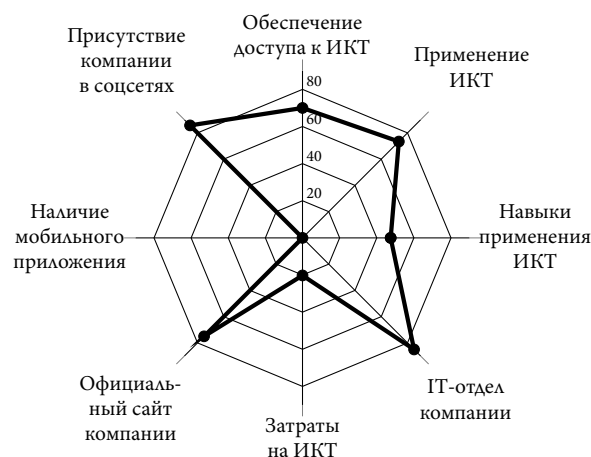

Рисунок 3 – Диаграмма показателей цифрового потенциала исследованной фирмы [37].

Figure 3 – Diagram of indicators of the digital potential of the surveyed firm [37].

Следовательно, можно сформулировать четвертую идею теории экосистемного анализа – цифрового потенциала: информационная прозрачность элементов экономической экосистемы может быть проанализирована на основе концепции цифрового потенциала ядра системы.

Завершающим этапом развития экономической экосистемы, по-видимому, является оптимальность связей и развития ее элементов. Отсюда можно сформулировать пятый принцип экосистемного анализа – оптимальности экосистемы: оптимальность развития экономической экосистемы обеспечивается полнотой связей между ее элементами. Под полнотой связей между элементами экосистемы подразумеваем необходимый и достаточный объем информационно-коммуникационного обмена между ними.

Иллюстрацией применения принципа оптимальности экосистемы служит разработка ролевой модели облачной экосистемы в Германии. Полезность модели заключается в том, что она является инструментом идентификации ролевых кластеров, которые охватываются различными организациями [36], которые обеспечиваются полнотой связей между элементами экосистемы.

Исследователи из Италии при изучении альянсов по повышению качества и инновациям в олигополистическом контексте предположили, что на первом этапе происходит создание сети альянсов между фирмами, в то время как на втором этапе фирмы устанавливают цены, качество продукции и снижают издержки технологических инноваций. В этом случае сети, улучшающие качество, более плотные, чем сети, характеризующиеся совместным использованием инноваций, в то время как усилия по повышению качества уменьшаются с увеличением числа соединений [38]. Иными словами, экосистемы достигают своей оптимальности.

Каково же может быть инструментальное обеспечение принципа оптимальности экосистемы? Напрашивается однозначный вариант зависимости транзакционных издержек от специфичности активов ядра экосистемы.

По мнению О. Уильямсона, выбор между различными организационными формами (механизм координации и контроля) – иерар-

хией, рынком или гибридом (сетью) – происходит в результате сравнения эффективности осуществляемых этими структурами транзакций. Так, в соответствии с теорией транзакционных издержек, разнообразие организационных форм возникает, прежде всего, в целях минимизации данных издержек [39].

На рисунке 4 показано, что усиление специфичности активов способствует увеличению транзакционных издержек, но скорость этого увеличения различна у разных структур управления. Кроме того, структуры управления различаются еще и уровнями транзакционных издержек при нулевых или малых значениях специфичности активов.

Преимущество рынка – в наиболее низких транзакционных издержках при нулевой специфичности активов, но при этом скорость увеличения транзакционных издержек в результате усиления специфичности активов при рыночной организации является наибольшей. По тем же параметрам фирма представляет собой противоположность рынку, а гибрид – промежуточную форму. Таким образом, при специфичности активов, превышающей значения k_1 , рынок должен быть заменен гибридной структурой, а после достижения значения k_2 – наилучшей структурой будет фирма.

Уильямсон считает, что рынки и иерархии (фирмы) являются двумя главными альтерна-

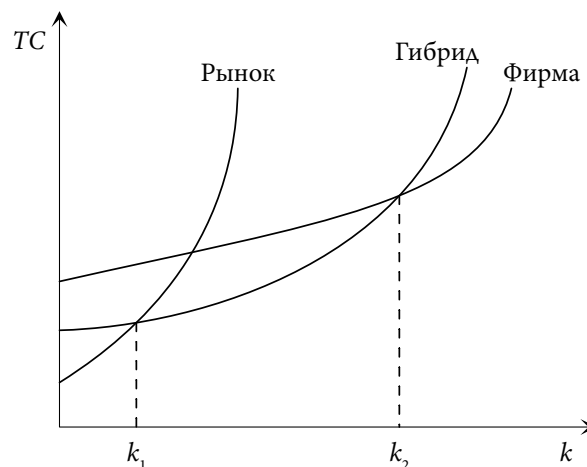

Рисунок 4 – Зависимость транзакционных издержек TC от степени специфичности активов k при трех структурах управления [40].

Figure 4 – Dependence of transaction costs TC on the degree of specificity of assets k under three management structures [40].

Таблица 1 – Принципы и идеи экосистемного анализа

Table 1 – Ecosystem analysis principles and ideas

Принципы экосистемного анализа		Идеи экосистемного анализа	
Название	Сущность	Название	Сущность
Принцип связности элементов	Существование экономической экосистемы обеспечивается наличием связей между ее элементами	Идея оценки сетевого потенциала	Наличие связей между элементами экономической экосистемы может быть проанализировано на основе оценки сетевого потенциала её ядра
Принцип системности	Устойчивость экономической экосистемы обеспечивается наличием системных отношений между ее элементами	Идея применения системной экономической теории	Устойчивость элементов экономической экосистемы может быть проанализирована на основе подхода системной экономической теории
Принцип взаимности	Функционирование экономической экосистемы обеспечивается взаимными связями между ее элементами	Идея стейкхолдерского моделирования	Функционирование элементов экономической экосистемы может быть проанализировано в рамках стейкхолдерской модели данной системы
Принцип информационной прозрачности	Прозрачность отношений между элементами экономической экосистемы обеспечивается наличием информационной открытости между ее элементами	Идея цифрового потенциала	Информационная прозрачность элементов экономической экосистемы может быть проанализирована на основе концепции цифрового потенциала ядра системы
Принцип оптимальности экосистемы	Оптимальность развития экономической экосистемы обеспечивается полнотой связей между ее элементами	Идея транзакционной оптимальности	Оптимальность развития экономической экосистемы может быть проанализирована на основе транзакционной конфигурации ее элементов

тивами, а другие координирующие структуры представляют собой «гибрид рынка и иерархии», «смешанные» формы, определяемые существованием некоей промежуточной степени взаимозависимости их участников.

Можно предположить, что экономические экосистемы занимают промежуточное положение между рынком и гибридными структурами, так как координирующая роль экосистемы имеет в большей степени неформальный характер, но транзакционные издержки не равны нулю из-за необходимости согласования действий между различными элементами экосистемы.

Таким образом, можно сформулировать пятую идею теории экосистемного анализа – транзакционной оптимальности: оптимальность развития экономической экосистемы может быть проанализирована на основе транзакционной конфигурации ее элементов.

Обсуждение полученных результатов

Сведем разработанные принципы и идеи теории экосистемного анализа в таблице 1.

Теоретические принципы экосистемного анализа, приведенные в таблице 1, демонстрируют закономерности формирования экономических экосистем через последовательное

усложнение связей между элементами системы – от постулирования связности элементов через формирование системности, взаимности связей и информационной прозрачности к оптимальности функционирования. Указанные принципы структурируют наши знания о последовательном формировании экосистем.

Идеи экосистемного анализа характеризуют инструменты оценки экосистем с различных позиций: от сетевого потенциала и системной экономической теории до стейкхолдерской модели, цифрового потенциала и транзакционной конфигурации элементов системы. По-видимому, идеи данной теории носят дискуссионный характер и призваны продемонстрировать возможности современного экономического анализа для оценки развития реальных экономических экосистем.

Научная новизна полученных результатов заключается в разработке принципов и идей, отражающих закономерности формирования экономических экосистем. Приращение знаний полученных результатов состоит в развитии теоретического аппарата анализа экономических экосистем на основе системного выделения принципов и идей исследования подобных систем.

Выводы

В настоящем исследовании с целью разработки теории экосистемного анализа на основе формирования принципов и идей, отражающих закономерности развития экономических экосистем, получены следующие теоретические и практические результаты.

1. Сформулирован принцип связности элементов системы, заключающийся в том, что существование экономической экосистемы обеспечивается наличием связей между ее элементами. Выдвинута идея оценки сетевого потенциала ядра экосистемы.

2. Предложен принцип системности существования экосистемы, состоящий в том, что устойчивость экономической экосистемы обеспечивается наличием системных отношений между ее элементами. Для инструментального анализа экосистем сформулирована идея применения системной экономической теории.

3. Разработан принцип взаимности элементов экосистемы, демонстрирующий, что функционирование экономической экосистемы обеспечивается взаимными связями меж-

ду ее элементами. Практическая реализация принципа возможна в рамках идеи стейкхолдерского моделирования экосистемы.

4. Обоснован принцип информационной прозрачности экосистемы о том, что прозрачность отношений между элементами экономической экосистемы обеспечивается наличием информационной открытости между ее элементами. Сформулирована идея цифрового потенциала ядра экосистемы.

5. Разработан принцип оптимальности экосистемы, описывающий то, что оптимальность развития экономической экосистемы обеспечивается полнотой связей между ее элементами. Выдвинута идея о транзакционной оптимальности конфигурации элементов экономической экосистемы.

Теоретическая значимость полученных результатов заключается в том, что применение сформулированных принципов и идей является теоретической платформой анализа развития реальных экономических экосистем. Практическая значимость состоит в разработке методических основ анализа реальных экономических экосистем.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Moore J.F. (1997). The death of competition: Leadership and strategy in the age of business ecosystems. New York: Harper Collins.

2. Bai G., Velamuri S.R. (2020). Contextualizing the Sharing Economy, *Journal of Management Studies*, pp. 1–25. DOI: 10.1111/joms.12652.

3. Alaimo C., Kallinikos J., Valderrama E. (2020). Platforms as Service Ecosystems: Lessons from Social Media, *Journal of Information Technology*, vol. 35, no. 1, pp. 25–48.

4. Fang T.P., Wu A., Clough D.R. (2020). Platform Diffusion at Temporary Gatherings: Social Coordination and Ecosystem Emergence, *Strategic Management Journal*, pp. 1–40. DOI: 10.1002/smj.3230.

5. Trischler J., Johnson M., Kristensson P. (2020). A Service Ecosystem Perspective on the Diffusion of Sustainability-Oriented User Innovations, *Journal of Business Research*, vol. 116, pp. 552–560.

6. Tuominen T., Edvardsson B., Reynoso F. (2020). Institutional Change and Routine Dynamics in Service Ecosystems, *Journal of Service Marketing*, vol. 34, no. 4, pp. 575–586.

7. Langley D.J., Doorn J.V., Ng I.C.L., Stieglitz S.,

Lazovik A., Boonstra A. (2021). The Internet of Everything: Smart Things and Impact on Business Models, *Journal of Business Research*, vol. 122, pp. 853–863.

8. Orekhova S.V., Evseeva M.V. (2020). Technological Systems and Economy: A Heterodox Approach and Institutional Framework, *Journal of Institutional Studies*, vol. 12, no. 4, pp. 34–53.

9. Jumasseitova A.K., Potluri R.M. (2020). An Exploratory Research on Entrepreneurial Ecosystems: Effects on Economic Integration, *Journal of Asian Finance, Economics and Business*, vol. 7, no. 8, pp. 661–670.

10. Lee J.-D., Lee K., Meissner D., Radosevic S., Vonortas N.S. (2020). Local Capacity, Innovative Entrepreneurial Places and Global Connections: An Overview, *The Journal of Technology Transfer*, pp. 1–11. DOI: 10.1007/s10961-020-09812-7.

11. Nepelski D., Roy V.V. (2020). Innovation and Innovator Assessment in R&I Ecosystems: The Case of the EU Framework Program, *The Journal of Technology Transfer*, pp. 1–37. DOI: 10.1007/s10961-020-09814-5.

12. Mikl J., Herold D.M., Pilch K., Cwiklicki M., Kummer S. (2020). Understanding Disruptive Technology Transitions in the Global Logistic Industry: The Role of Ecosystems, *Review of International Business and Strategy*, pp. 1–18. DOI: 10.1108/RIBS-07-2020-0078.
13. Ramenskaya L.A. (2020). The concept of ecosystem in economic and management studies, *Upravlenets – The Manager*, vol. 11, no. 4, pp. 16–28.
14. Giovanini A., Bittencourt P.F., Maldonad M.U. (2020). Innovation Ecosystem in Application Platform: An Exploratory Study of the Role of Users, *Revista Brasileira de Inovação*, vol. 19, pp. 1–28.
15. Guerrero M., Urbano D. Institutional Conditions and Social Innovations in Emerging Economies: Insights from Mexican Enterprises' Initiatives for Protecting/Preventing the Effect of Violent Events, *The Journal of Technology Transfer*, vol. 45, pp. 929–957.
16. Selviaridis K. (2020). Effects of Public Procurement of R&D on the Innovation Process: Evidence from the UK Small Business Research Initiative, *Journal of Public Procurement*, pp. 1–31, DOI: 10.1108/JOPP-12-2019-0082.
17. Delina R., Grof M., Drab R. (2021). Understanding the Determinants and Specifics of Pre-Commercial Procurement, *Journal of Theoretical and Applied Electronic Commerce Research*, vol. 16, iss. 2, pp. 80–100.
18. Fink L., Shao J., Lichtenshtein Y., Haefliger S. (2020). The Ownership of Digital Infrastructure: Exploring the Deployment of Software Libraries in a Digital Innovation Cluster, *Journal of Information Technology*, vol. 35, no. 3, pp. 251–269.
19. Kretschmer T., Leiponen A., Shilling M., Vasudeva G. (2020). Platform Ecosystems as Meta-Organizations: Implications for Platform Strategy, *Strategic Management Journal*, pp. 1–20. DOI: 10.1002/smj.3250.
20. Zhao Y., Delft S.V., Morgan-Thomas A., Buck T. (2020). The Evolution of Platform Business Models: Exploring Competitive Battles in the World of Platforms, *Long Range Planning*, vol. 53, iss. 4, no. 101892, pp. 1–24. DOI: 10.1016/j.lrp.2019.101892.
21. Penttilä K., Raval A., Dahl J., Björk P. (2020). Managerial Sensemaking in a Transforming Business Ecosystems: Conditioning Forces, Moderating Frames and Strategizing Options, *Industrial Marketing Management*, vol. 91, pp. 209–222.
22. Oskam I., Bossink B., Man A.-P. (2020). Valuing Value in Innovation Ecosystems: How Cross-Sector Actors Overcome Tensions in Collaborative Sustainable Business Model Development, *Business & Society*, pp. 1–33. DOI: 10.1177/0007650320907145.
23. Cantner U., Cunningham J.A., Lehmann E.E., Menter M. (2020). Entrepreneurial Ecosystems: A Dynamic Lifecycle Model, *Small Business Economics*, pp. 1–17, DOI: 10.1007/s11187-020-00316-0.
24. Corradini C. (2020). Social Trust and New Firm Formation: A Regional Perspective, *Small Business Economics*, pp. 1–16. DOI: 10.1007/s11187-020-00404-1.
25. Wasenhoven A., Block C., Wustmans M., Bröring S. (2020). Analyzing an Emerging Ecosystem through M&A Activities: The Case of the Bioeconomy, *Business Strategy and Development*, pp. 1–21. DOI: 10.1002/bsd2.149.
26. Ooms W., Caniels M.C.J., Roijakkers N., Cobben D. (2020). Ecosystems for Smart Cities: Tracing the Evolution of Governance Structures in a Dutch Smart City Initiative, *International Entrepreneurship and Management Journal*, vol. 16, pp. 1225–1258.
27. Lee S.M., Trimi S. (2021). Convergence Innovation in the Digital Age and the COVID-19 Pandemic Crisis, *Journal of Business Research*, vol. 123, pp. 14–22.
28. Попов Е.В., Семячков К.А., Симонова В.Л. (2017). Концепция сетевого потенциала фирмы // Журнал экономической теории. № 1. С. 93–101.
29. Попов Е.В., Симонова В.Л. (2021). Межфирменные взаимодействия: монография. Москва: Издательство Юрайт. 276 с.
30. Talmar M., Walrave B., Podoynityna K.S., Holmstrom J., Romme A.G.L. (2020). Mapping, Analyzing and Designing Innovation Ecosystems: The Ecosystem Pie Model, *Long Range Planning*, vol. 53, no. 101850, pp. 1–9. DOI: 10.1016/j.lrp.2018.09.002.
31. Клейнер Г.Б., Рыбачук М.А., Карпинская В.А. (2020). Развитие экосистем в финансовом секторе России // Управленец. Т. 11. № 4. С. 2–15.
32. Gifford E., McKelvey M., Saemundsson R. (2020). The Evolution of Knowledge-Intensive Innovation Ecosystems: Co-Evolving Entrepreneurial Activity and Innovation Policy in the West Swedish Maritime System, *Industry and Innovation*, pp. 1–26, DOI: 10.1080/13662716.2020.1856047.
33. Попов Е.В., Симонова В.Л., Челак И.П. (2020). Стейкхолдерская модель инновационной экосистемы региона // Инновации. № 6 (260). С. 46–53.

34. Nyamaka A.T., Botha A., Biljon J.V., Marais M.A. (2020). The Components of an Innovation Ecosystem Framework for Botswana's Mobile Applications, *The Electronic Journal of Information Systems in Developing Countries*, vol. 86, iss. 6, no. e12137, pp. 123. DOI: 10.1002/isd2.12137.

35. Попов Е.В., Семячков К.А. (2020). Умные города: монография. Москва: Издательство Юрайт. 346 с.

36. Floercke S., Lehner F., Schweikl S. (2020). Cloud Computing Ecosystem Model: Evaluation and Role Clusters, *Electronic Markets*, pp. 1–21. DOI: 10.1007/s12525-020-00419-2.

37. Попов Е.В., Семячков К.А., Москаленко Ю.А. (2019). Цифровой потенциал предприятия // *Экономический анализ: теория и практика*. Т. 18. № 12. С. 2223–2236.

38. Dio F.D., Correani L. (2020). Quality-Improving and Cost-Reducing Strategic Alliances, *Economia Politica*, vol. 37, pp. 493–524.

39. Уильямсон О.И. (1996). Экономические институты капитализма: фирмы, рынки, отношенческая контрактация. СПб.: Лениздат. 456 с.

40. Williamson O.E. (1991). Strategizing, Economizing and Economic Organization, *Strategic Management Journal*, vol. 12, no. 1, pp. 75–94.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Попов Евгений Васильевич – Уральский институт управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (620144, Россия, Екатеринбург, ул. 8 Марта, 66); erorov@mail.ru.

Долженко Руслан Алексеевич – Уральский институт управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (620144, Россия, Екатеринбург, ул. 8 Марта, 66); snurk17@gmail.com.

Симонова Виктория Львовна – Уральский институт управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (620144, Россия, Екатеринбург, ул. 8 Марта, 66); vlsimonova1409@gmail.com.

THEORY OF ECOSYSTEM ANALYSIS

E.V. Popov^{4a}, R.A. Dolzhenko^{5a}, V.L. Simonova^{6a}

^aRussian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

ABSTRACT:

The object of this study is an economic ecosystem. The economic ecosystem is understood as the external environment of a business entity (firm, organization, economic territory), including both economic and non-economic relationships.

The goal of this study is to develop a theory of ecosystem analysis based on the principles and ideas reflecting the patterns of development of economic ecosystems.

During the study the following results were obtained. The principle of interconnection of the system elements is formulated, which consists in the fact that the existence of an economic ecosystem is ensured by the presence of links between its elements. The idea of assessing the network potential of the ecosystem core is put forward. The principle of systematic existence of an ecosystem is proposed, which consists in the fact that the stability of an economic ecosystem is ensured by the presence of systemic relations between its elements. For the instrumental analysis of ecosystems, the idea of applying the system economic theory is formulated. The principle of reciprocity of ecosystem elements has been developed, demonstrating that the functioning of an economic ecosystem is ensured by mutual connections between its elements. The practical implementation of the principle is possible within the framework of the idea of stakeholder modeling

⁴RSCI AuthorID: 44798, ORCID: 0000-0002-5513-5020

⁵RSCI AuthorID: 617562, ORCID: 0000-0003-3524-3005, ScopusID: 57201478562, ResearcherID: J-2847-2015

⁶RSCI AuthorID: 148845, ORCID: 0000-0003-2814-464X, ScopusID: 14061247700, ResearcherID: J-7050-2017

of the ecosystem. The principle of information transparency of the ecosystem is substantiated, it states that the transparency of relations between the elements of the economic ecosystem is ensured by the presence of information openness between its elements. The idea of the digital potential of the ecosystem core is formulated. The principle of ecosystem optimality has been developed, describing that the optimality of the development of an economic ecosystem is ensured by the completeness of the connections between its elements. The idea of transactional optimality of the configuration of elements of the economic ecosystem is put forward.

The theoretical significance of the results lies in the fact that the application of the formulated principles and ideas is a theoretical platform for analyzing the development of real economic ecosystems. The practical significance of the results consists in the development of methodological foundations for the analysis of real economic ecosystems.

FUNDING: The reported study was funded by the Russian Foundation for Basic Research, project no. 20-010-00333.

KEYWORDS: economic ecosystem, theory of analysis, interconnection of elements, system stability, reciprocity of links, information transparency, transaction configuration.

FOR CITATION: Popov E.V., Dolzhenko R.A., Simonova V.L. (2021). Theory of ecosystem analysis, *Management Issues*, no. 6, pp. 20–36.

REFERENCES

1. Moore J.F. (1997). The death of competition: Leadership and strategy in the age of business ecosystems. New York: Harper Collins.
2. Bai G., Velamuri S.R. (2020). Contextualizing the Sharing Economy, *Journal of Management Studies*, pp. 1–25. DOI: 10.1111/joms.12652.
3. Alaimo C., Kallinikos J., Valderrama E. (2020). Platforms as Service Ecosystems: Lessons from Social Media, *Journal of Information Technology*, vol. 35, no. 1, pp. 25–48.
4. Fang T.P., Wu A., Clough D.R. (2020). Platform Diffusion at Temporary Gatherings: Social Coordination and Ecosystem Emergence, *Strategic Management Journal*, pp. 1–40. DOI: 10.1002/smj.3230.
5. Trischler J., Johnson M., Kristensson P. (2020). A Service Ecosystem Perspective on the Diffusion of Sustainability-Oriented User Innovations, *Journal of Business Research*, vol. 116, pp. 552–560.
6. Tuominen T., Edvardsson B., Reynoso F. (2020). Institutional Change and Routine Dynamics in Service Ecosystems, *Journal of Service Marketing*, vol. 34, no. 4, pp. 575–586.
7. Langley D.J., Doorn J.V., Ng I.C.L., Stieglitz S., Lazovik A., Boonstra A. (2021). The Internet of Everything: Smart Things and Impact on Business Models, *Journal of Business Research*, vol. 122, pp. 853–863.
8. Orekhova S.V., Evseeva M.V. (2020). Technological Systems and Economy: A Heterodox Approach and Institutional Framework, *Journal of Institutional Studies*, vol. 12, no. 4, pp. 34–53.
9. Jumasseitova A.K., Potluri R.M. (2020). An Exploratory Research on Entrepreneurial Ecosystems: Effects on Economic Integration, *Journal of Asian Finance, Economics and Business*, vol. 7, no. 8, pp. 661–670.
10. Lee J.-D., Lee K., Meissner D., Radosevic S., Vonortas N.S. (2020). Local Capacity, Innovative Entrepreneurial Places and Global Connections: An Overview, *The Journal of Technology Transfer*, pp. 1–11. DOI: 10.1007/s10961-020-09812-7.
11. Nepelski D., Roy V.V. (2020). Innovation and Innovator Assessment in R&I Ecosystems: The Case of the EU Framework Program, *The Journal of Technology Transfer*, pp. 1–37. DOI: 10.1007/s10961-020-09814-5.
12. Mikl J., Herold D.M., Pilch K., Cwiklicki M., Kummer S. (2020). Understanding Disruptive Technology Transitions in the Global Logistic Industry: The Role of Ecosystems, *Review of International Business and Strategy*, pp. 1–18. DOI: 10.1108/RIBS-07-2020-0078.
13. Ramenskaya L.A. (2020). The concept of ecosystem in economic and management studies, *Upravlenets – The Manager*, vol. 11, no. 4, pp. 16–28.
14. Giovanini A., Bittencourt P.F., Maldonado M.U. (2020). Innovation Ecosystem in Application Platform: An Exploratory Study of the Role

of Users, *Revista Brasileira de Inovação*, vol. 19, pp. 1–28.

15. Guerrero M., Urbano D. Institutional Conditions and Social Innovations in Emerging Economies: Insights from Mexican Enterprises' Initiatives for Protecting/Preventing the Effect of Violent Events, *The Journal of Technology Transfer*, vol. 45, pp. 929–957.

16. Selvaridis K. (2020). Effects of Public Procurement of R&D on the Innovation Process: Evidence from the UK Small Business Research Initiative, *Journal of Public Procurement*, pp. 1–31, DOI: 10.1108/JOPP-12-2019-0082.

17. Delina R., Grof M., Drab R. (2021). Understanding the Determinants and Specifics of Pre-Commercial Procurement, *Journal of Theoretical and Applied Electronic Commerce Research*, vol. 16, iss. 2, pp. 80–100.

18. Fink L., Shao J., Lichtenshtein Y., Haefliger S. (2020). The Ownership of Digital Infrastructure: Exploring the Deployment of Software Libraries in a Digital Innovation Cluster, *Journal of Information Technology*, vol. 35, no. 3, pp. 251–269.

19. Kretschmer T., Leiponen A., Shilling M., Vasudeva G. (2020). Platform Ecosystems as Meta-Organizations: Implications for Platform Strategy, *Strategic Management Journal*, pp. 1–20. DOI: 10.1002/smj.3250.

20. Zhao Y., Delft S.V., Morgan-Thomas A., Buck T. (2020). The Evolution of Platform Business Models: Exploring Competitive Battles in the World of Platforms, *Long Range Planning*, vol. 53, iss. 4, no. 101892, pp. 1–24. DOI: 10.1016/j.lrp.2019.101892.

21. Penttilä K., Raval A., Dahl J., Björk P. (2020). Managerial Sensemaking in a Transforming Business Ecosystems: Conditioning Forces, Moderating Frames and Strategizing Options, *Industrial Marketing Management*, vol. 91, pp. 209–222.

22. Oskam I., Bossink B., Man A.-P. (2020). Valuing Value in Innovation Ecosystems: How Cross-Sector Actors Overcome Tensions in Collaborative Sustainable Business Model Development, *Business & Society*, pp. 1–33. DOI: 10.1177/0007650320907145.

23. Cantner U., Cunningham J.A., Lehmann E.E., Menter M. (2020). Entrepreneurial Ecosystems: A Dynamic Lifecycle Model, *Small Business Economics*, pp. 1–17, DOI: 10.1007/s11187-020-00316-0.

24. Corradini C. (2020). Social Trust and New Firm Formation: A Regional Perspective, *Small Business Economics*, pp. 1–16. DOI: 10.1007/s11187-020-00404-1.

25. Wasenhoven A., Block C., Wustmans M., Broring S. (2020). Analyzing an Emerging Ecosystem through M&A Activities: The Case of the Bioeconomy, *Business Strategy and Development*, pp. 1–21. DOI: 10.1002/bsd2.149.

26. Ooms W., Caniels M.C.J., Roijakkers N., Cobben D. (2020). Ecosystems for Smart Cities: Tracing the Evolution of Governance Structures in a Dutch Smart City Initiative, *International Entrepreneurship and Management Journal*, vol. 16, pp. 1225–1258.

27. Lee S.M., Trimi S. (2021). Convergence Innovation in the Digital Age and the COVID-19 Pandemic Crisis, *Journal of Business Research*, vol. 123, pp. 14–22.

28. Popov E.V., Semyachkov K.A., Simonova V.L. (2017). The concept of the network potential of the company, *Journal of economic theory*, no. 1, pp. 93–101.

29. Popov E.V., Simonova V.L. (2021). Inter-reported interactions. Monograph. Moscow: Yurait Publishing House. 276 p.

30. Talmar M., Walrave B., Podoyntyna K.S., Holmstrom J., Romme A.G.L. (2020). Mapping, Analyzing and Designing Innovation Ecosystems: The Ecosystem Pie Model, *Long Range Planning*, vol. 53, no. 101850, pp. 1–9. DOI: 10.1016/j.lrp.2018.09.002.

31. Kleiner G.B., Rybachuk M.A., Karpinskaya V.A. (2020). Development of ecosystems in the financial sector of Russia, *Upravlenets – The Manager*, vol. 11, no. 4, pp. 2–15.

32. Gifford E., McKelvey M., Saemundsson R. (2020). The Evolution of Knowledge-Intensive Innovation Ecosystems: Co-Evolving Entrepreneurial Activity and Innovation Policy in the West Swedish Maritime System, *Industry and Innovation*, pp. 1–26, DOI: 10.1080/13662716.2020.1856047.

33. Popov E.V., Simonova V.L., Chelak I.P. (2020). Stakeholder model of the innovative ecosystem of the region, *Innovation*, no. 6 (260), pp. 46–53.

34. Nyamaka A.T., Botha A., Biljon J.V., Marais M.A. (2020). The Components of an Innovation Ecosystem Framework for Botswana's Mobile Applications, *The Electronic Journal of Information Systems in Developing Countries*, vol. 86, iss. 6, no. e12137, pp. 123. DOI: 10.1002/isd2.12137.

35. Popov E.V., Semyachkov K.A. (2020). Smart cities. Monograph. Moscow: Yurait Publisher. 346 p.

36. Floercke S., Lehner F., Schweikl S. (2020). Cloud Computing Ecosystem Model: Evaluation and Role Clusters, *Electronic Markets*, pp. 1–21. DOI: 10.1007/s12525-020-00419-2.

37. Popov E.V., Semyachkov K.A., Moskalen-

ko Yu.A. (2019). Digital potential of the enterprise, *Economic Analysis: Theory and Practice*, vol. 18, no. 12, pp. 2223–2236.

38. Dio F.D., Correani L. (2020). Quality-Improving and Cost-Reducing Strategic Alliances, *Economia Politica*, vol. 37, pp. 493–524.

39. Williamson O.I. (1996). Economic institutions of capitalism: firms, markets, relationships. St. Petersburg: Lenizdat. 456 p.

40. Williamson O.E. (1991). Strategizing, Economizing and Economic Organization, *Strategic Management Journal*, vol. 12, no. 1, pp. 75–94.

AUTHORS' INFORMATION:

Evgeniy V. Popov – Ural Institute of Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (66, 8 Marta St., Ekaterinburg, 620144, Russia); epopov@mail.ru.

Ruslan A. Dolzhenko – Ural Institute of Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (66, 8 Marta St., Ekaterinburg, 620144, Russia); snurk17@gmail.com.

Viktoriya L. Simonova – Ural Institute of Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (66, 8 Marta St., Ekaterinburg, 620144, Russia); vlsimonova1409@gmail.com.

СОЦИАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

SOCIAL MANAGEMENT

ПЕРИОДИЗАЦИЯ РАЗВИТИЯ СЕМЕЙНОЙ И ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ

М.А. Зырянова^{1а}, Л.А. Попова^{2а}

^аФедеральный исследовательский центр «Коми научный центр
Уральского отделения Российской академии наук»

АННОТАЦИЯ:

После распада СССР, когда Россия стала суверенным государством, семейная политика страны пережила несколько периодов. Одни периоды характеризовались ее развитием, другие – стагнацией на уровне ранее принятых мер. Мероприятия семейной и демографической политики на каждом этапе либо отвечали задачам сбережения народонаселения, либо остро нуждались в обновлении.

Целью настоящей статьи стала систематизация правового поля регулирования государственной семейной и демографической политики в 1991–2021 гг. в России и Республике Коми, а также оценка того, как менялись значимые демографические показатели в периоды, различающиеся по спектру мероприятий государственной поддержки семьи, материнства и детства.

Исследование базируется на применении методов исторического, юридического и демографического описательного анализа и установлении диалектической взаимосвязи между изменениями в направлениях демографической и семейной политики и динамикой процессов рождаемости.

В статье выделены пять периодов развития семейной и демографической политики в постсоветской России. Установлено, что семейная политика в начале исследуемого периода характеризовалась консервативностью, высокой степенью адресности и ориентацией в основном на малообеспеченные категории населения. С начала 2000-х гг. она приобрела патерналистский характер, стала направлена на стимулирование рождений второй, третьей и последующий очередности, а также на решение жилищной проблемы семей с детьми. После 2017 г. вновь произошло ее обновление в русле финансовой поддержки малообеспеченных семей, поддержки молодых семей при рождении первенцев, расширились мероприятия в рамках улучшения жилищных условий семей с детьми. В 2021 г. под внимание государства попадают также и неполные семьи.

Главными целями в решении вопроса предотвращения сокращения рождаемости должны стать: повышение уровня благосостояния в обществе; кардинальное решение проблемы бедности; уход от ориентации на прожиточный минимум при расчете порога бедности и семейных пособий; введение вместо прожиточного минимума нового экономического показателя, ориентированного не на физическое выживание, а на удовлетворение широкого спектра разнообразных потребностей семей с детьми на качественном уровне.

БЛАГОДАРНОСТИ: Статья подготовлена в рамках выполнения НИР «Население северных территорий России: история формирования и перспективы развития» (№ ГР AAAA-A19-119012190103-0, 2019–2021 гг.).

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: семейная политика, демографическая политика, рождаемость, естественная убыль населения, материнские и детские пособия, материнский (семейный) капитал, охрана материнства и детства, жилищная проблема.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Зырянова М.А., Попова Л.А. (2021). Периодизация развития семейной и демографической политики в постсоветской России // Вопросы управления. № 6. С. 38–52.

¹AuthorID РИНЦ: 761141, ORCID: 0000-0002-3567-3470, ResearcherID: C-6046-2018

²AuthorID РИНЦ: 114160, ORCID: 0000-0003-0549-361X, ScopusID: 57194040186, ResearcherID: O-6876-2017

Введение

Рождаемость как демографический процесс формируется под действием двух факторов – факторов демографической структуры и факторов репродуктивного поведения, которое, в свою очередь, определяют нормы детности и условия жизни населения. Репродуктивное поведение населения даже в условиях перехода к малодетности может обеспечить как стабилизацию или рост населения (при наличии двухдетных, трехдетных семей), так и влиять на его сокращение (при увеличении доли однодетных и бездетных семей). В описываемые в настоящей статье 1991–2020 гг. можно выделить следующие характерные периоды: социально-экономический кризис 1990-е гг. в условиях реформирования экономики при переходе к рынку и демографический кризис; улучшение внутренней ситуации в стране и рост реальных доходов населения в первой половине нулевых годов при сохранении системы мер семейной политики на неизменном уровне; начало развития новой просемейной государственной демографической политики после 2006–2007 гг.; усиление ее мероприятий в условиях начавшегося негативного воздействия фактора возрастной структуры на рождаемость после 2010 г.; расширение спектра мер демографической политики в условиях возврата депопуляционных процессов в 2017–2020 гг.

Изучению динамики процессов рождаемости населения России в ракурсе оценки влияния на них внутренней социально-экономической ситуации, в том числе мер семейной и демографической политики, посвящено значительное число научных работ. Анализ тенденций рождаемости в современной России и ее регионах, в том числе расположенных на российском Севере, оценка социально-экономических факторов, повлиявших на их формирование, описание приоритетных мероприятий, способных предотвратить глубину нового демографического кризиса, отражены в трудах А. Г. Аганбегяна, А. Ф. Валидовой, В. В. Елизарова и Е. В. Кочкиной, Л. А. Поповой, Е. К. Рудаковой, О. Л. Рыбаковского, С. А. Сукневой, А. С. Барашковой и К. Ю. Постниковой, В. В. Фаузера [1–8].

А. В. Носкова выделяют «постсоветский период развития семейной политики, который характеризуется стагнацией и новейший период семейной политики, которому присущи ее возобновление и демографическая направленность» [9, с. 157–158]. Ж.В. Чернова подчеркивает, что современная семейная политика носит пронаталистский характер, в то время как в советское время ей в большей мере был присущ патернализм» [10, с. 100–101].

О. Н. Калачикова и М. А. Груздева [11], Е. А. Капогузов, Р. И. Чупин и М. С. Харламова [12], указывают, что для успешного демографического развития страны необходимо, чтобы семьи имели возможность полной реализации своих репродуктивных планов, а после их воплощения благоприятно в материальном плане ощущали себя в обществе, а для этого требуется проведение политики доходов, максимально сокращающей риски попадания в категорию бедных или около бедных после рождения детей каждой последующей очередности. При этом сам показатель границы бедности – прожиточный минимум – устарел, так как ориентируется лишь на физическое выживание, требуется введение нового показателя, вбирающего в себя больший перечень потребностей взрослых и детей [13].

Целью настоящей статьи стали: систематизация мероприятий семейной и демографической политики при каждом периоде ее развития в постсоветской России; определение, каким тенденциям в показателях рождаемости они сопутствовали в России и Республике Коми; установление того, какие законодательные акты были наиболее значимыми при формировании динамики рождаемости; определение правового поля семейной и демографической политики северного региона (Республики Коми); выявление причин ухудшения демографической ситуации в 2017–2020 гг. Исследование выстроено в рамках междисциплинарного подхода с синтезом демографического, юридического и исторического анализа.

Методика

Исследование базируется на методах: периодизации, на основе которого было произведено деление постсоветского периода развития семейной и демографической политики 1991–2021 гг. на пять хронологических пе-

риодов в зависимости от двух параметров – мероприятий семейной и демографической политики и особенностей демографической ситуации; качественный анализ нормативно-правовой базы регулирования семейной и демографической политики федерального и регионального уровней (на примере Республики Коми); статистический анализ временных рядов показателей, отражающих ситуацию в области рождаемости – суммарного и общего коэффициентов рождаемости, абсолютного числа родившихся, показателя естественного прироста (убыли) населения, численности женщин детородных возрастов (15–49 лет). Данные демографической статистики взяты из ЕМИСС (федеральной службы государственной статистики)³.

Результаты

1. Социально-экономический и демографический кризис 1990-х гг.

Федеральная семейная политика в период распада СССР (1991 г.) и начала становления рыночной экономики РФ (1991–2005 гг.) реализовывалась в сложный переходный период, и, несмотря на наличие новых законодательных актов по охране материнства и детства, ее эффективность была низкой, рождаемость продолжала падать, а уровень жизни населения почти весь этот период снижался из-за ряда экономических причин (увеличение безработицы, невыплата зарплат на предприятиях, девальвация рубля, резкий скачок инфляции).

Указом Президента РФ от 27 марта 1993 г. размер единовременного пособия при рождении ребенка был увеличен до пяти МРОТ⁴. Данное Постановление также повлекло за собой введение единого ежемесячного пособия на детей от 1,5 до 6 лет в размере 50 % от минимальной заработной платы на каждого ребенка, если совокупный доход семьи был меньше двукратного размера МРОТ. К первым приня-

тым мерам по защите семьи и детей в условиях переходной экономики можно также отнести: увеличение ежемесячных пособий одиноким матерям до достижения ребенку 16 лет, разведенным мужчинам и женщинам, не получающим алименты на детей или получающим их на уровне ниже 20 рублей в месяц, несовершеннолетним детям, родители которых скрываются от уплаты алиментов – в размере 50 % от минимальной заработной платы.

12 декабря 1993 г. всенародным голосованием был принят важнейший документ – Конституция РФ, вступившая в силу 25 декабря 1993 г. В ст. 7 провозглашается, что «в Российской Федерации обеспечивается государственная поддержка семьи, материнства, отцовства и детства...»⁵. 12 мая 1993 г. была принята «Концепция семейной политики».

Важнейшим документом, определившим современную систему пособий для семей с детьми в постсоветском государстве, стал ФЗ № 81 «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей» от 19.05.1995 г.⁶ Выплата государственных пособий гражданам, имеющим детей, производилась за счет средств Фонда социального страхования Российской Федерации. Концепция семейной политики послужила основой для издания Указа Президента РФ № 712 от 14.05.1996 г. об «Основных направлениях государственной семейной политики». В нем было запланировано поэтапное увеличение доли расходов на семейные пособия.

В 1998 г. произошло усиление адресной направленности государственной поддержки семей с детьми: Федеральный Закон от 29.07.1998 г. № 134-ФЗ установил право на получение пособия на ребенка только малоимущим семьям, имеющим средний душевой доход не более 200 % величины прожиточного минимума в субъекте Российской Федерации⁷.

³ЕМИСС. Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://www.fedstat.ru/>.

⁴О неотложных мерах по стабилизации уровня жизни населения Российской Федерации в 1993 г.: Указ Президента РФ от 23.03.1993 № 405. URL: <https://sudact.ru/law/ukaz-prezidenta-rf-ot-27031993-n-405/>.

⁵Конституция Российской Федерации от 25 декабря 1993 г. (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.). URL: <http://konstitucija.ru/1993/1/>.

⁶О государственных пособиях гражданам, имеющим детей: Федеральный Закон от 19.05.1995 № 81-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_6659/.

⁷О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей» (последняя редакция): Федеральный закон от 29.07.1998 № 134-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19570/.

Далее круг семей, на которые распространялся закон был значительно сокращен: Федеральным Законом от 17.07.1999 г. № 171-ФЗ⁸ право на ежемесячное пособие на ребенка стали иметь семьи со среднедушевым доходом, размер которого не превышает 100 % величины прожиточного минимума.

В начале 1990-х гг. в Республике Коми разбалансированность экономики сильно ударила по доходам и уровню жизни населения. «В целом по Республике Коми в 1992 г. по отношению к 1991 г. потребительские цены возросли в 35 раз, в том числе на продукты питания – в 28 раз, на продовольственные товары – в 48 раз, на услуги – в 29 раз»⁹. В Республике Коми в период перехода к рыночной экономике «произошло резкое снижение уровня и качества жизни. В эти годы более трети семей получали доходы, ниже величины прожиточного минимума» [14, с. 152–154]. Экономические проблемы усугублялись и тем, что «в экономике Севера было меньше, чем в других регионах России, возможностей перехода на рыночные отношения по общепринятой модели» [15, с. 137]. Если в 1950 г. в Республике Коми расходы «на финансирование производственных отраслей народного хозяйства составляли 10,7 % от общего объема госбюджета, то к 1990 г. они увеличились до 24,3 %. На производственную сферу в 1950 г. выделялось 79,3 % бюджетных средств, в 1990 г. – 53,2 %»¹⁰.

В 1990-е гг. республиканской властью был принят и реализовывался закон Республики Коми «О дополнительных социальных гарантиях по охране материнства, отцовства и детства» от 20.10.1992 г.¹¹ Действовал данный региональный Закон до 1998 г., затем был отменен ввиду необходимости привести в соответствие с федеральным уровнем длительность «нестраховых периодов», которые с 1 февраля 1998 г. были исключены из расчета трудового стажа, дающего право на пенсию. Реализация этого закона на фоне общегосудар-

ственного социально-экономического кризиса не принесла эффективности. В 1990-е гг. в Республике Коми также действовали государственные целевые республиканские программы: «Здоровье 1991–1995 гг.», «Детство 1992–1996 гг.», «Здоровье женщин. Планирование семьи на 1993–1995 гг.», «Первоочередные меры по поддержке социально не защищенных групп населения Республики Коми на 1995 г.», «Молодежь Республики Коми (1995 г.)» и др. [16, с. 37].

С середины 1990-х гг. важной целью социальной политики стало поддержание уровня жизни социально незащищенных категорий граждан, развитие многопрофильной службы семьи. Были приняты и реализовывались законы РК «О защите детей в Республике Коми» (1996 г.), «Концепция государственной семейной политики Республики Коми» (1996 г.), РЗ «О внесении изменений и дополнений в Закон Республики Коми «О дополнительных социальных гарантиях по охране материнства, отцовства и детства» (1998 г.) и др.» [16, с. 37]. В 1996 г. в системе Минздрава РК «работало 68 женских консультаций, акушерско-гинекологических отделений и кабинетов, 62 детские поликлиники и кабинета, 796 детских дошкольных учреждений на 75,9 тыс. мест» [17, с. 391].

Почти на все виды пособий, содержащихся в ФЗ от 19.05.1995 г. № 81-ФЗ «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей», полагались надбавки из республиканского бюджета. В конце 1990-х гг. инициативы правительства Республики Коми в области просемейной государственной демографической политики уже не имели столь активного характера. В 1998 г. изменились правила начисления ежемесячного пособия на ребенка, был осуществлен переход к заявительной форме выплаты данного пособия. На основании Федерального закона от 29.07.1998 № 134-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Феде-

⁸О внесении изменения в статью 16 Федерального закона «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей» (последняя редакция) : Федеральный закон от 17.07.1999 № 171-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9793/.

⁹Республика Коми в цифрах в 1992 г. Стат. сборник. Сыктывкар, 1993. С. 94.

¹⁰Республика Коми в цифрах (к 60-летию законодательного органа государственной власти Республики Коми) : Сб. Сыктывкар, 1998. С. 61.

¹¹О дополнительных социальных гарантиях по охране материнства, отцовства и детства : Закон Республики Коми от 20.10.1992 (ред. от 29.12.2000). URL: <https://zakon-region3.ru/2/76408/>.

ральный закон «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей», в качестве приоритетного был выдвинут принцип адресности.

Условия переходной экономики, сопровождающиеся либерализацией цен, высокой инфляцией, привели к кризисным явлениям – значительному падению уровня жизни населения, увеличению безработицы, бедности, возникновению социально-экономической напряженности. Все это стало одной из главных причин ухудшения демографических показателей в этот период. Превышение уровня смертности над уровнем рождаемости привело к началу депопуляции в России с 1992 г., а в Республике Коми – с 1993 г. Общий коэффициент рождаемости (ОКР) достиг своих минимальных значений за всю историю в 1999 г. – 8,3 ‰ в целом по РФ и 8,5 ‰ по Республике Коми. По сравнению с относительно благоприятным в плане демографического развития 1985 г., в 1999 г. ОКР в России сократился в два раза, а в Республике Коми – более, чем в два раза.

Абсолютное число рождений в 1999–2000 годы в Республике Коми впервые было зафиксировано на уровне менее 10 тыс. рождений в год (9 680 рождений в 1999 г. и 9 906 рождений в 2000 г.). В России в 1999 г. по сравнению с уровнем 1985 г. родилось на 1 млн 160 тыс. детей меньше. Суммарный коэффициент рождаемости (СКР) в кризисные для страны 1990-е гг. достиг критически низких значений. С 1993 г. его уровень свидетельствовал о том, что большинство семей могли позволить себе не больше одного ребенка. В 1999 г. в России приходилось 1,16, а в Республике Коми 1,17 рождений на 1 женщину за ее репродуктивный период. Еще в 1990 г. в РСФСР СКР составлял 1,89, а в Коми АССР – 1,80. Депопуляционные процессы в этот период были вызваны не только резким сокращением рождаемости, но и увеличением показателей смертности. Миграция также начала вносить свой отрицательный вклад: в конце 1980-х гг. приток населения в республику сменился устойчивым миграционным оттоком.

2. Улучшение внутренней экономической ситуации в начале 2000-х гг. и адресная направленность семейной политики, в основном на поддержку малообеспеченных семей с

детьми, децентрализация выплаты материнских и детских пособий.

На федеральном уровне в самом начале 2000-х годов были осуществлены попытки по улучшению демографической ситуации, однако они больше имели декларативный характер и не привели к реальным успехам. Распоряжением Правительства РФ № 1270-р от 24 сентября 2001 г. Министерством труда РФ была разработана «Концепция демографического развития РФ на период до 2015 г.». Но «не прошло и половины срока, на который она была рассчитана. Никаких итогов ее выполнения не подводилось» [18, с. 18].

В самом начале 2000-х система семейных пособий имела существенные отрицательные черты: «денежных средств не хватало в субъектах РФ, уже в 1990-х гг. стала расти задолженность по выплате пособий. Только начиная с 2001 г. средства на пособия стали выделять субъектам РФ в виде субвенций из федерального бюджета» [3, с. 49].

Вследствие издания Федерального Закона № 122-ФЗ от 22.08.2004 г. «О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации...» с 1 января 2005 г. «порядок назначения и выплаты ежемесячного пособия на ребенка устанавливались законами и иными нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации». Тогда как «в Москве данный вид пособия достигал с 2006 г. 150 рублей, то в других регионах оно варьировалось от 70 рублей до 100 рублей в месяц» [3, с. 50]. Усилившаяся финансовая нагрузка на бюджет приводила некоторые регионы к росту долговых обязательств.

С начала нулевых годов в Республике Коми были разработаны новые законодательные акты в рамках семейной и демографической политики. Согласно современному законодательству, малоимущим семьям с детьми, проживающим на территории республики, полагаются: 1) ежемесячное пособие на ребенка до достижения им возраста восемнадцати лет в семьях, признанных в установленном порядке малоимущими; 2) ежемесячная социальная выплата 1377,43 рубля матерям, воспитавшим 7 и более детей и получающим пенсию в размере менее двукратного размера социальной пенсии, 3) ежемесячная денежная выплата се-

мьям при рождении в них после 31 декабря 2012 года третьего ребенка или последующих детей – до достижения ребенком возраста трех лет (далее – ежемесячная денежная выплата).

В Республике Коми также «предоставляется пособие малоимущим беременным женщинам, кормящим матерям на приобретение продуктов питания, предоставляемое на основании заключения лечащего врача медицинской организации Республики Коми в соответствии с медицинскими показаниями»¹². Также существует перечень государственной поддержки многодетных семей. Меры социальной поддержки многодетных семей содержатся в Законе Республики Коми № 55-РЗ от 12.11.2004 г. «О социальной поддержке населения Республики Коми».

В начале 2000-х гг. постепенно начала улучшаться социально-экономическая ситуация в стране, стала расти заработная плата и реальные доходы населения. К благоприятным факторам, положительно отразившимся на улучшении демографической ситуации, относится также повышение доли женщин репродуктивных возрастов (15–49 лет) в общей структуре женского населения вплоть до начала 2010-х гг. Общий и суммарный коэффициенты рождаемости стали устойчиво расти. В 2004 г. в России ОКР составил 10,4‰, а в Республике Коми – 11,6‰, СКР в стране достиг 1,34, а в Республике Коми – 1,42 рождений. В обозначенные годы смертность еще превышала рождаемость, но глубина естественной убыли сократилась. Тревожным знаком стал тот факт, что в 2005 г. показатели общего и суммарного коэффициента рождаемости пошли на спад. В стране долго не было обновления спектра мер семейной и демографической политики. Хотя потребность в этом увеличивалась.

3. Третий период берет начало со второй половины нулевых годов и включает в себя введение новых беспрецедентных по своей сути мероприятий федеральной семейной политики, которая приобрела демографический вектор и стала направлена на повышение детности семей, т.е. стала иметь пронаталистское направление.

С 2007 г. по настоящее время в стране действует «Концепция демографической политики РФ до 2025 года»¹³. В 2006 г. были изменены размер и способ начисления пособия по уходу за ребенком до полутора лет^{14,15}. С 1 января 2007 г. они были существенно увеличены: с 700 руб. в месяц до 1500–6000 руб. в зависимости от ситуации. С этого времени право на него получили также неработающие и обучающиеся женщины (в минимальном размере). Для работающих женщин размер пособия впервые был установлен в процентном отношении к зарплате: 40 % заработка, но не меньше минимального размера. В регионах с районными коэффициентами к пособию применяется повышающий коэффициент (в случае, если он не учтен в составе заработной платы).

Повысилось пособие по беременности и родам – 100 % от заработной платы выплачивается 70 дней до и 70 дней после родов всем работающим женщинам вне зависимости от стажа. С 1 января 2008 г. был установлен максимальный размер пособия по беременности и родам – 23 400 рублей. В 2021 г. минимальный размер пособия составил «58 878 рублей, максимальный размер – 340 795 рублей за 140 дней отпуска по беременности и родам»¹⁶. Также с 2008 г. детские пособия и пособия по беременности стали индексироваться.

В 2007 г. были установлены дифференцированные по очередности рождения компен-

¹² Об оказании государственной социальной помощи в Республике Коми : Закон Республики Коми от 12.11.2004 № 56-РЗ (посл. ред. от 24.06.2019). URL: <https://docs.cntd.ru/document/802019194>.

¹³ Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 г. : Указ Президента Российской Федерации от 09.10.2007 № 1351. URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=235408>.

¹⁴ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части государственной поддержки граждан, имеющих детей : Федеральный Закон от 05.12.2006 № 207-ФЗ. URL: <https://mintrud.gov.ru/docs/laws/7>.

¹⁵ Об обязательном социальном страховании на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством : Федеральный Закон от 29.12.2006 № 255-ФЗ (в ред. от 29.12.2020). URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=395279>.

¹⁶ Размеры пособий в 2021 году // Фонд социального страхования РФ. URL: <https://fss.ru/ru/consultation/6806/316360/569842/index.shtml>.

сационные выплаты родителям, чьи дети посещают дошкольные учреждения (20 % от ежемесячной оплаты на первого ребенка, 50 % – на второго, 70 % – на третьего и последующих)¹⁷. Расходы на компенсации финансируются из региональных бюджетов на условиях софинансирования путем предоставления субсидий из федерального бюджета.

Особенно важной и крупнозатратной мерой стимулирования рождений (усыновлений) детей второй и последующей очередности стало введение с 1 января 2007 г. программы федерального материнского (семейного) капитала¹⁸. Его размер постоянно индексируется. Так, в 2007 г. он составлял 250 тыс. руб., в 2019 г. – 466 тыс. 617 руб.¹⁹. В 2021 г. – на первого ребенка 483 881,83 руб., на второго ребенка – 639 431,83 руб. (второй ребенок должен родиться не раньше 1 января 2020 г.)²⁰. Согласно практике действия ФМК, улучшение жилищных условий является самым востребованным направлением его расходования [19, с. 47].

За годы существования материнского семейного капитала совершенствовались механизмы его расходования: в рамках антикризисных мер были введены разовые выплаты из его суммы (12 тыс. рублей в 2009 г. и повышение до 20 тыс. рублей в 2015 г.), в 2011 г. появилась возможность вовлекать капитал в кредитные отношения на любой стадии, в том числе и использовать его на погашение ипотечных кредитов, полученных ранее, а в 2015 г. было снято ограничение на распоряжение средствами федерального семейного капитала на оплату первоначального взноса по ипотеке до достижения ребенком трех лет.

4. Усиление мероприятий демографической политики в условиях начала ухудшения возрастной структуры женщин репродуктивных возрастов в начале 2010-х годов.

С 14 июня 2011 г., после внесения поправок в Земельный кодекс РФ²¹, было введено право на бесплатное приобретение земельных участков гражданам, имеющим троих и более детей. С 1 января 2013 г. была установлена программа поддержки нуждающимся семьям после рождения третьего и последующего ребенка в размере регионального прожиточного минимума на ребенка для регионов, характеризующихся уровнем рождаемости ниже среднего по стране²². К началу 2020 г. эта программа охватывала 75 субъектов РФ.

Вслед за наращиванием мер помощи семьям с детьми на федеральном уровне подключились к усилению демографической политики и регионы. В Республике Коми, как и в других субъектах федерации, с 2011 г. действует такая мера стимулирования рождаемости как региональный семейный (материнский) капитал. Его выплату регулирует Закон Республики Коми № 45-РЗ от 29.04.2011 г. «О дополнительных мерах социальной поддержки семей, имеющих детей, на территории Республики Коми». Размер: 150 тыс. рублей, индексации не подлежит. Право на семейный (материнский) капитал получают семьи, в которых третий (последующий) ребенок родился (был усыновлен), начиная с 1 января 2011 г. С 1 января 2020 г. право на семейный (материнский) капитал получили семьи, в которых родился (был усыновлен) первый ребенок²³.

Сразу после введения новых мер государственной поддержки семей с детьми ситуация

¹⁷Об образовании : Федеральный Закон № 3266-І от 10.07.1992. URL: <https://dokipedia.ru/document/1720144>.

¹⁸О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей : Федеральный закон от 29.12.2006 № 256-ФЗ (с изм. от 22.12.2020 г.). URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=356864>.

¹⁹Размер материнского (семейного) капитала // Консультант Плюс. Справочная информация. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_115058/.

²⁰Материнский капитал 2021: новые размеры, сроки, способы распоряжения средствами // Пенсионный Фонд РФ. URL: <https://pfr.gov.ru/branches/buryatia/news~2021/03/04/221152>.

²¹О внесении изменений в статью 16 ФЗ «О содействии развитию жилищного строительства и Земельный Кодекс РФ» : Федеральный Закон РФ от 14.06.2011 № 138-ФЗ. URL: <https://rg.ru/2011/06/17/zemlya-dok.html>.

²²О мерах по реализации демографической политики в Российской Федерации : Указ Президента РФ 07.05.2012 № 606. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/35270>.

²³О внесении изменений в Закон Республики Коми «О дополнительных мерах социальной поддержки семей, имеющих детей, на территории Республики Коми» : Закон Республики Коми от 18.06.2020 № 38-РЗ. URL: <https://docs.cntd.ru/document/570819421?marker>.

с рождаемостью начала изменяться в лучшую сторону. Уже в 2007 г. по сравнению с 2006 г. СКР в РФ увеличился на 8,5 % (с 1,31 до 1,42), а в Республике Коми – на 8,7 % (с 1,38 до 1,50), а ОКР увеличился в РФ на 9,7 % (с 10,3‰ до 11,3‰), в Республике Коми – на 7,9 % (с 11,4‰ до 12,3‰). Формированию благоприятной динамики вплоть до 2010-х гг. содействовало повышение доли женщин репродуктивных возрастов в общей структуре женского населения. Однако после усиления новыми мерами в начале 2010-х гг. уже в условиях начала ухудшения возрастной структуры, рост показателей рождаемости продолжился – период 2013–2016 гг. для России стал лучшим в демографическом плане. Были достигнуты самые большие успехи: в Республике Коми суммарный коэффициент рождаемости даже приблизился к норме, приемлемой для замещения поколений – 2,02 в 2014 г. А по России в период действия новой демографической политики СКР достиг максимума в 2015 г., составив 1,78 рождений на 1 женщину за репродуктивный период.

Кроме того, еще с 2004 г. начал сокращаться уровень общего коэффициента смертности (ОКС). В итоге в 2013 г. в РФ удалось преодолеть естественную убыль населения – в 2013–2015 гг. в стране наблюдался незначительный естественный прирост. В Республике Коми демографические успехи были даже лучше, чем в целом по России, величина естественного прироста была больше, чем в среднем по России, а период прироста продлился с 2011 по 2016 гг. В годы превышения рождаемости над смертностью население Республики Коми увеличилось на 7 714 человек. Как отмечают Т. М. Тихомирова и Н. П. Тихомиров по результатам исследования статистических данных по 39 регионам России, «с 2007 г. по 2016 г. коэффициент рождаемости вторых детей в них увеличился с 12,0‰ до 17,9‰, а третьих и последующих детей – с 4,4‰ до 8,1‰. После 2016 г. «рождаемость вторых детей (как и первых) стала снижаться» [20, с. 12].

5. Нарастание мероприятий семейной и демографической политики после возобновления естественной убыли населения в 2016 г.

В условиях обострения демографических проблем государства мероприятия политики в области рождаемости были расширены. С 1 января 2018 г. была установлена ежемесячная выплата при рождении первого и второго ребенка до полутора лет, причем на второго ребенка она производится из средств материнского (семейного) капитала. Мера является адресной, и на момент введения она предоставлялась семьям, «в которых доход на человека окажется не более, чем в полтора раза выше величины ПМ трудоспособного населения, установленного в регионе проживания»²⁴. В 2018 г. средний размер выплаты по стране составил 10 500 рублей. С 01.01.2020 выплаты на первых и вторых детей стали получать семьи, у которых средний душевой доход ниже двух ПМ. С 2020 г. такой мерой могут воспользоваться семьи уже не до полутора, как это было раньше, а до достижения ребенком возраста трех лет.

3 сентября 2018 г. был принят паспорт и с 1 января 2019 г. начал свою реализацию Национальный проект «Демография», одним из важных разделов которого является «финансовая поддержка семей при рождении детей»²⁵. Главные цели этого раздела НП «Демография» – помощь малоимущим семьям с детьми, материальная помощь молодым семьям при рождении первенца, создание условий в государстве для решения жилищного вопроса. Так, «с 2018 г. действует льготная ипотека от банков для семей при рождении второго (последующего) ребенка или семей с ребенком-инвалидом при покупке недвижимости на первичном рынке жилья у юридического лица (до 6,0 % годовых)»²⁶. С 1 июля 2019 г. было «повышено пособие по уходу за детьми с инвалидностью и за инвалидами с детства первой группы до 10 тыс. руб. (ранее –

²⁴О ежемесячных выплатах семьям, имеющим детей : Федеральный Закон от 28.12.2017 № 418-ФЗ. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/42647>.

²⁵Национальный проект «Демография». URL: <https://национальныепроекты.рф/projects/demografiya>.

²⁶О внесении изменений в постановление Российской Федерации : Постановление Правительства РФ от 30.12.2017 № 1711 (ред. от 14.04.2021). URL: <http://static.government.ru/media/files/AZBhH0P1RgEwoWpVW8V1sw9UMsAuEMhO.pdf>.

5,5 тыс. руб.)»²⁷. Были увеличены федеральные льготы по налогу на недвижимое имущество для многодетных семей. С 1 января 2019 г. «напрямую из федерального бюджета в семьях, где рождается третий (последующий) ребенок, государство «погашает» ипотечный кредит в размере 450 тыс. рублей»²⁸.

С 1 января 2020 г. «в семьях с детьми от 3 до 7 лет, в которых среднедушевой доход не превышает 1 ПМ, установлена ежемесячная денежная выплата из федерального бюджета в размере половины ПМ (в некоторых случаях, установленных законом, выплата может быть увеличена до 75 % или 100 % ПМ в регионе)»²⁹. Введено бесплатное горячее питание для всех учащихся начальной школы с первого по четвертый класс с финансированием из федерального, регионального и местного бюджетов³⁰. Президент РФ 8 июня 2020 г. подписал федеральный закон, увеличивающий пособия по уходу за детьми до 1,5 лет (№ 166-ФЗ от 08.06.2020). Теперь минимальный размер ежемесячного пособия по уходу за ребенком (вне зависимости от очередности рождения) составляет 6 752 руб.

В 2020 г. произошли существенные изменения в сфере выплаты федерального материнского (семейного) капитала как ответ на усугубление демографических проблем: срок его действия был продлен до 31 декабря 2026 г. Материнский капитал распространили на первенцев. Новация в направлениях расходования: его стало можно использовать на строительство дома на садовом участке (ред. 2020 г.). Отменена необходимость подавать гражданами заявление в Пенсионный Фонд РФ на получение материнского капитала: все документы

для права на сертификат передаются в ПФ РФ непосредственно ЗАГСом. Внесение средств ФМК на ипотечный кредит теперь стало возможно сразу через банки, минуя ПФ РФ.

В Послании Президента РФ Федеральному собранию от 21.04.2021 г. был введен еще ряд мер для поддержки семей с детьми в экономически нелегкое время, в том числе отягощаемое негативным влиянием пандемии коронавируса COVID-19. Была установлена единовременная выплата 10 000 рублей к школе всем семьям, где есть школьники или будущие первоклассники. Установлена «ежемесячная выплата на ребенка от 8 до 16 лет в неполной семье. Размер выплаты составит 5 650 рублей». Пособие начали назначать с 1 июля 2021 г. С этого же времени будет впервые выплачиваться ежемесячное пособие малоимущим беременным женщинам. В 2021 г. также была установлена оплата больничных листов родителям детей до 7 лет включительно в размере 100 % заработка за все дни нетрудоспособности. С июля 2021 г. воспользоваться программой льготной ипотеки могут семьи, где после 1 января 2018 г. родился первый ребенок (с 2018 г. по 2021 г. данная мера распространялась только на семьи после рождения второго (последующего) ребенка)³¹.

На региональном уровне также произошло усиление мер демографической политики. Поправками в № 57-РЗ «О государственных гарантиях в Республике Коми семьям, имеющим детей (с изменениями на 30 апреля 2021 года)» была установлена выплата на третьего или последующего ребенка, рожденного (усыновленного) в период с 1 января 2019 г. по 31 декабря 2021 г. одному из родителей, совместно про-

²⁷О внесении изменения в Указ Президента РФ от 26.02.2013 г. №175 «О ежемесячных выплатах лицам, осуществляющим уход за детьми-инвалидами и инвалидами с детства I группы»: Указ Президента РФ от 7.03.2019 № 95. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/44059/print>.

²⁸О мерах государственной поддержки семей, имеющих детей, в части погашения обязательств по ипотечным жилищным кредитам (займам) и о внесении изменений в статью 13-2 Федерального закона «Об актах гражданского состояния»: Федеральный закон от 03.07.2019 № 157-ФЗ. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/44403>.

²⁹Об утверждении основных требований к порядку назначения и осуществления ежемесячной денежной выплаты на ребенка в возрасте от 3 до 7 лет включительно, примерного перечня документов (сведений), необходимых для назначения указанной ежемесячной выплаты, и типовой формы заявления о ее назначении: Постановление Правительства РФ от 31.03.2020 № 384. URL: <http://government.ru/docs/all/127289/>.

³⁰О внесении изменений в Федеральный Закон «О качестве и безопасности пищевых продуктов и статью 37 Федерального Закона «Об образовании в Российской Федерации»: Федеральный Закон от 01.03.2020 № 47-ФЗ. URL: <https://rg.ru/2020/03/03/pitanie-dok.html>.

³¹Пленарное заседание Петербургского международного экономического форума, 4 июня 2021 г. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/65746>.

живающему с ребенком (родным, усыновленным). Выплачивается пособие до достижения ребенком трех лет семьям с низкими СДД. Начиная с 1 января 2020 г. региональный материнский (семейный) капитал получают семьи уже при рождении первенца, и он составляет 150 тыс. рублей.

С 2017 г. показатели рождаемости стали заметно сокращаться и причем довольно резко. В 2017 г. по сравнению с 2016 г. СКР в России сократился на 8,0 % (с 1,76 до 1,62), а в Республике Коми на 9,6 % (с 1,97 до 1,78), ОКР сократился на 10,9 % в РФ (с 11,5‰ до 10,3‰) и на 12,2 % в Республике Коми (с 13,1‰ до 11,5‰). Далее падение показателей продолжилось. В 2019 г. СКР составил всего 1,50 по России и 1,56 по Республике Коми, в 2020 г. ОКР приблизился к уровню кризисных 1990-х гг.: опустился до 9,8‰ в целом по стране, а в Республике Коми – до 9,3‰.

Главную роль в ухудшении показателей рождаемости сыграло неблагоприятное воздействие фактора демографической структуры, которое в дальнейшем будет только усиливаться. В России по сравнению с относительно благополучным 2013 г. в 2020 г. численность женского населения 15-24 лет сократилась почти на 2 млн. человек, или на 22,0 % (с 8 млн 825 тыс. до 6 млн. 880 тыс.), а женщин в возрасте 25-34 года на миллион, или на 9,0 % (с 11 млн 926 тыс. до 10 млн 875 тыс.). В Республике Коми это сокращение было еще существеннее: численность женщин 15-24 лет сократилась на 16,5 % (на 7 986 чел.), а в возрасте 25-34 года – на 31,8 % (на 23 тыс. 409 чел.).

В РФ и Республике Коми в 2016-2017 гг. возобновилась депопуляция. Ее глубина с каждым годом увеличивается. В период развертывания в стране нового процесса естественной убыли населения наблюдались неблагоприятные явления в экономике. Как отмечает академик РАН А. Г. Аганбегян, «в течение шести лет экономика страны находилась сначала в стагнации (2013–2014 гг.), потом в рецессии (2015–2016 гг.), которая опять переросла в стагнацию (2017–2018 гг.)» [21, с. 5–6]. По мнению экспертов, чтобы преодолеть сокращение рождаемости, «можно использовать успешный опыт ряда развитых стран, прежде всего Франции и Швеции. Для этого им пришлось увеличить за-

траты на помощь семьям с детьми до 3,5–4 % ВВП. В России мы тратим пока на эти цели около 1,5 % ВВП» [21, с. 16].

Благодаря использованию индексного метода с разложением прироста ОКР на компоненты с сохранением при расчетах возрастной структуры женского репродуктивного контингента на уровне 2013 г., удалось выявить, что «негативная динамика рождаемости связана не только с уменьшением численности женщин репродуктивных возрастов в общей структуре населения, не только с постарением возрастной структуры внутри женского репродуктивного контингента, но также падением самой рождаемости в 2017–2019 гг.» [22]. С. В. Соболева, Н. Е. Смирнова и О. В. Чудаева отмечают, что «если первый этап депопуляции (в 1990-е гг.) был вызван резким ростом смертности и обвальным падением рождаемости, то современный этап депопуляции в России начинался только со снижения уровня рождаемости» [23, с. 755]. В рамках развития гендерного направления улучшение ситуации с рождаемостью ученым видится в поиске механизмов повышения сбалансированности семейной и профессиональной сфер жизни женщин, имеющих детей [24, 25]. Еще одной причиной развернувшегося спада интенсивности рождаемости стало уплотнение календаря рождений репродуктивных когорт под действием новых стимулирующих рождаемость мер. Всегда после такого уплотнения следует период разреженности.

В 2017–2019 гг. продолжилось улучшение ситуации с сокращением смертности. Однако с началом пандемии COVID-19 ситуация со смертностью населения в стране резко ухудшилась, в том числе из-за роста смертности от сердечно-сосудистых заболеваний, поскольку пандемия «отвлекла на себя основные ресурсы здравоохранения (персонал, средства, коечный фонд, скорую помощь)» [21, с. 11]. Резкое ухудшение показателей смертности населения – еще один фактор, влияющий на формирование глубины естественной убыли населения в 2020–2021 гг.

Заключение

Таким образом, систематизация мер семейной и демографической политики РФ при сопоставлении периодов их введения с демогра-

фической динамикой позволила выявить ряд важных моментов. После распада СССР в период начала становления рыночной экономики семейная политика долго находилась на одном и том же уровне развития, в основе ее лежала ориентация на малообеспеченные семьи. Уже тогда при наблюдающейся негативной демографической динамике остро требовалось ее обновление.

В 1995 г. на государственном уровне был определен современный перечень пособий беременным женщинам и семьям с детьми. В 1990-е гг. региональные законодательные инициативы правительства Республики Коми также были направлены на решение демографического вопроса. Рождаемость в регионе, как и в целом по стране, снижалась, а смертность росла, наблюдалась депопуляция населения в России с 1992 г., а в Республике Коми – с 1993 г. Общий неблагоприятный социально-экономический контекст так и не позволил региональным мерам осуществить прорыв в улучшении процессов естественного воспроизводства, поскольку федеральная демографическая политика в тот период требовала развития и оживления.

Активизация просемейной демографической политики началась в 2006–2007 гг., когда после Послания Президента РФ Федеральному собранию последовало издание ряда указов и федеральных законов, направленных на улучшение положения семей с детьми. В качестве ориентира была выбрана ставшая редкостью в 1990-е гг. двухдетная семья. Назначаемый с 2007 г. федеральный материнский (семейный) капитал был призван создать дополнительные благоприятные условия для рождения в семье именно вторых (последующих детей). Произошло значительное увеличение размера и способа начисления пособий по уходу за ребенком до 1,5 лет, по беременности и родам и др.

В начале 2010-х гг. произошло расширение мер демографической политики. С 2011–2012 гг. в регионах стал назначаться региональный (семейный) материнский капитал, в основном ориентированный на помощь многодетным семьям (трое и более детей). Основные подъемы показателей рождаемости наблюдались в России и Республике Коми сразу после введения новых крупнозатратных мер

демографической политики, далее их природой сокращались. Однако во время их действия в стране удалось улучшить демографическую ситуацию вплоть до 2015 г., что после 2010-х гг. осуществить было уже сложно, т.к. вступил в силу структурный фактор: сокращение доли женщин 15–49 лет в общей численности населения и старение возрастной структуры внутри репродуктивного контингента. Содействовало улучшению демографической ситуации в этот период и снижение показателей смертности, увеличение ожидаемой продолжительности жизни населения. В Республике Коми в рамках республиканского законодательства действует перечень мер, направленных на помощь разным категориям семей (многодетным, малоимущим семьям, семьям с детьми-инвалидами, семьям с родителями-усыновителями), с января 2020 г. выплачивается семейный капитал на первого ребенка.

Однако в 2016 г. в России и в 2017 г. в Республике Коми возобновилась депопуляция. В целях предотвращения ее глубины правительством в 2017–2021 гг. были введены новые меры семейной и демографической политики. Их перечень очень большой, в подавляющей части они ориентированы на малообеспеченные семьи, т.е. имеют адресный характер. Благоприятно, что есть меры «общего характера», направленные на все население, такие как выплата с 2020 г. материнского капитала на первенцев, снижение с 2021 г. процентной ставки по ипотеке до 5–6 % при приобретении нового жилья для семей, в которых есть хоть один маленький ребенок (в 2018 г. в семье должно было быть два ребенка, чтоб ставку снизили). Т.е. в период ухудшения в стране демографической ситуации государственная поддержка стала осуществляться не только семьям с двумя, тремя и более детьми, но также произошел охват государственной заботой семей, в которых пока есть только один ребенок.

В период 2016–2021 гг. сокращаются показатели рождаемости, на что влияет фактор неблагоприятной возрастной структуры (в самых активных репродуктивных возрастах находятся очень малочисленные поколения женщин, рожденные на протяжении 1990-х гг.). Эти годы также сопровождались негативными явлениями в экономике (снизились ре-

альные доходы населения, сократились розничный товарооборот и конечное потребление домохозяйств и пр.), дестабилизацией социально-экономической ситуации в условиях пандемии коронавируса.

Дискуссия

Расходы на образование, поддержание здоровья, продовольственные товары для детей растут по мере их взросления, однако многие «помогающие» пособия прекращаются в лучшем случае тогда, когда ребенок еще только пошел в школу. Поэтому, когда заходит вопрос о стабильности российской семьи, актуализируется вопрос решения проблемы бедности как массового явления. Не бедности в понимании категорий прожиточного минимума, а такой, когда семья не может удовлетворить широкий

спектр своих потребностей (комфортное жилье, питание, поддержание здоровья, одежда, учеба, дополнительное образование, воспитание, рекреация и пр.) на качественном уровне ввиду низкого дохода. Крайне важно наличие у родителей стабильной работы с доходом, обеспечивающим удовлетворение потребностей всех членов семьи. Тогда у семей появится возможность быть уверенными в завтрашнем дне, планировать календарь рождений, исходя из собственных предпочтений. При условии стабильной социально-экономической ситуации семьи не будут останавливаться на одном ребенке, поскольку современные социологические исследования показывают, что двухдетная семья все еще является эталоном в репродуктивных установках населения.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Аганбегян А.Г. (2018). Сбережение населения России под вопросом // *Народонаселение*. Т. 21. № 4. С. 4–13.
2. Валидова А.Ф. (2018). Влияние демографической политики на показатели рождаемости в Российской Федерации и в Республике Татарстан // *Регионология*. Т. 26. № 3. С. 494–511.
3. Елизаров В.В., Кочкина Е.В. (2014). Государственная семейная и демографическая политика в России: к разработке эффективных мер повышения рождаемости. М.: ООО «Вариант», АНО «Совет по вопросам управления и развития». ИСЭПН РАН. 162 с.
4. Попова Л.А. (2016). Современная демографическая политика в области рождаемости: результаты и направления совершенствования // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. № 2 (44). С. 79–93.
5. Рудакова Е.К. (2020). Многофакторный анализ внутренних демографических угроз России // *Власть*. № 6. С. 30–38.
6. Рыбаковский О.А. (2020). Воспроизводство населения России: задачи, тенденции, факторы и возможные результаты к 2024 г. // *Народонаселение*. Т. 23. № 1. С. 53–66. DOI: 10.19181/population.2020.23.1.5.
7. Сукнёва С.А., Барашкова А.С., Постникова К.Ю. (2020). Рождаемость, детность и доходы семей: тенденции и взаимосвязи // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. Т. 13. № 2. С. 201–213. DOI: 10.15838/esc.2020.2.68.13.
8. Фаузер В.В. (2015). Государственное регулирование рождаемости: теория и практика вопроса // *Вестник КРАГСиУ. Серия: теория и практика управления*. № 14 (19). С. 73–78.
9. Носкова А.В. (2013). Эволюция государственной семейной политики в России: от советских к современным моделям // *Вестник МГИМО Университета*. № 6 (33). С. 155–159.
10. Чернова Ж.В. (2011). Семейная политика в современной России: «пятый нацпроект» // *Человек. Сообщество. Управление*. № 2. С. 100–112.
11. Калачикова О.Н., Груздева М.А. (2019). Социальная уязвимость семей с детьми в современной России // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. Т. 12. № 2. С. 147–160. DOI: 10.15838/esc.2019.2.62.9.
12. Капогузов Е.А., Чупин Р.И., Харламова М.С. (2021). Оценка результативности семейной политики в направлении увеличения доходов россиян и снижения уровня бедности // *Вопросы управления*. № 4 (71). С. 108–122.
13. Ржаницына Л.С. (2019). Стандарт экономической устойчивости семьи с детьми – новый ориентир политики доходов // *Народонаселение*. Т. 22. № 1. С. 122–127.
14. Республика Коми. Т. 1. Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1997. 472 с.
15. Фаузер В.В., Фаузер Г.Н. (2014). Государственная политика решения социально-трудовых и демографических проблем Севера России. Корпоративное управление и инновационное развитие экономики Севера // *Вестник Научно-*

исследовательского центра корпоративного права, управления и венчурного инвестирования Сыктывкарского государственного университета. № 2. С. 137–147.

16. Республика Коми. Т. 3. Сыктывкар: Коми книжное издательство, 2000. 400 с.

17. Республика Коми. Т. 2. Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1999. 576 с.

18. Попова Л.А., Шишкина (Зырянова) М.А. (2017). Влияние современной российской демографической политики на тенденции и перспективы рождаемости населения. Сыктывкар: ООО «Коми республиканская типография». 128 с.

19. Рыбаковский Л.А. (2013). Накануне выбора: второй этап депопуляции или демографический рост? // Народонаселение. № 4. С. 39–49.

20. Тихомирова Т.М., Тихомиров Н.П. (2020). Оценка результативности программы материнского капитала в регионах России // Федерализм. № 1 (97). С. 5–26.

21. Аганбегян А.Г. (2021). Как восстановить сохранность народа России // Народонаселение.

Т. 24. № 2. С. 4–18. DOI: 10.19181/population.2021.24.2.1.

22. Зырянова М.А. (2021). Демографические причины нового этапа снижения рождаемости в северных регионах России // Север и рынок: формирование экономического порядка. № 3. С. 114–115.

23. Соболева С.В., Смирнова Н.Е., Чудаева О.В. (2021). Особенности второго этапа депопуляции в России // Россия: тенденции и перспективы развития : Материалы XX Национальной научной конференции с международным участием. М. С. 752–758.

24. Калабихина И.Е. (2020). Измерение временем: новая парадигма социально-демографической политики // Народонаселение. Т. 23. № 2. С. 37–50. DOI: 10.19181/population.2020.23.2.4.

25. Баскакова М.Е., Соболева И.В. (2018). Баланс семьи и работы: новые возможности в условиях цифровой экономики // Народонаселение. Т. 21. № 3. С. 122–135.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Зырянова Мария Александровна – Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера, Федеральный исследовательский центр «Коми научный центр Уральского отделения Российской академии наук» (167982, Россия, Сыктывкар, ул. Коммунистическая, 26); zyryanova.1809@mail.ru.

Попова Лариса Алексеевна – Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера, Федеральный исследовательский центр «Коми научный центр Уральского отделения Российской академии наук» (167982, Россия, Сыктывкар, ул. Коммунистическая, 26); popova@iespn.komisc.ru.

PERIODIZATION OF FAMILY AND DEMOGRAPHIC POLICY DEVELOPMENT IN POST-SOVIET RUSSIA

М.А. Zyryanova^{32a}, L.A. Popova^{33a}

^aFederal Research Center “Komi Science Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences”

ABSTRACT:

In the post-Soviet period, when Russia became the sovereign state, its family policy has gone through several periods. Some periods were characterized by its development, others – by stagnation at the level of the previously adopted measures. Family policy measures at each stage either responded to the goals of demographic problems or required updating.

³²RSCI AuthorID: 761141, ORCID: 0000-0002-3567-3470, ResearcherID: C-6046-2018

³³RSCI AuthorID: 114160, ORCID: 0000-0003-0549-361X, ScopusID: 57194040186, ResearcherID: O-6876-2017

Therefore, the purpose of this article is to structure the legal framework for regulating state family and demographic policy in 1992–2021 in the Russian Federation and the Komi Republic. Besides, it also evaluates the significant demographic indicators in the periods, differing in the range of measures of the state support for family, motherhood and childhood.

The research uses the methods of historical, legal and demographic descriptive analysis, and identifies a dialectical relationship between changes in the directions of demographic and family policy and the dynamics of fertility processes.

The article reveals five periods of development of the state family and demographic policy in post-soviet Russia. It has been found that in the beginning of the 1990-s the family policy was conservative, targeted mainly at the low-income families. Since the beginning of the 2000-s it acquired a paternalistic character and was aimed at stimulating births of the second, third and other children, solving the housing problem of families with children. After 2017 the policy was updated and included the measures of financial support of low-income families, support of young families with children, and improvement of the housing conditions of families with children. In 2021 the state pays attention to incomplete families.

To solve the problem of fertility decline it is necessary: to increase the level of well-being in the society; to solve the problem of poverty; to stop using the minimum wage in calculation of the poverty line and family benefits; to introduce a new indicator, oriented not on the physical survival, but on the satisfaction of a wide range of needs of families with children.

FUNDING: The reported study is carried out in the frameworks of the scientific research “Population of the Northern territories of Russia: history and perspectives” (№ GR AAAA-A19-119012190103-0, 2019-2021).

KEYWORDS: family policy, demographic policy, birth rate, natural population decline maternity and child allowance, maternity and child allowance, maternity capital, protection of mothers and children, housing problem.

FOR CITATION: Zyryanova M.A., Popova L.A. (2021). Periodization of family and demographic policy development in post-Soviet Russia, *Management Issues*, no. 6, pp. 38–52.

REFERENCES

1. Aganbegyan A.G. (2018). Saving the population of Russia is in question, *Population*, vol. 21, no. 4, pp. 4–13.
2. Validova A.F. (2018). The impact of demographic policy on fertility rates in the Russian Federation and in the Republic of Tatarstan, *Regionology*, vol. 26, no. 3, pp. 494–511.
3. Elizarov V.V., Kochkina E.V. (2014). State family and demographic policy in Russia: to develop effective fertility raising measures. Moscow: LLC “Variant”, ANPO “Council for Management and Development”. ISEPN RAS. 162 p.
4. Popova L.A. (2016). Modern demographic policy in the field of fertility: results and directions of improvement, *Economic and social changes: facts, trends, forecast*, no. 2 (44), pp. 79–93.
5. Rudakova E.K. (2020). Multifactor analysis of the internal demographic threats of Russia, *Power*, no. 6, pp. 30–38.
6. Rybakovsky O.L. (2020). Reproduction of the Russian population: tasks, trends, factors and possible results by 2024, *Population*, vol. 23, no. 1, pp. 53–66. DOI: 10.19181/population.2020.23.1.5.
7. Suknyova S.A., Barashkova A.S., Postnikova K.Yu. (2020). Birth rate, deposit and income of families: trends and relationships, *Economic and social changes: facts, trends, forecast*, vol. 13, no. 2, pp. 201–213. DOI: 10.15838/esc.2020.2.68.13.
8. Fauzer V.V. (2015). State fertility regulation: theory and practice of the problem, *Bulletin of KRAGSiU. Series: Theory and Management Practice*, no. 14 (19), pp. 73–78.
9. Noskova A.V. (2013). The evolution of state family policy in Russia: from Soviet to modern models, *Bulletin of MGIMO University*, no. 6 (33), pp. 155–159.
10. Chernova Zh.V. (2011). Family policy in modern Russia: “Fifth National Project”, *Man. Community. Control*, no. 2, pp. 100–112.
11. Kalachikova O.N., Gruzdeva M.A. (2019). Social vulnerability of families with children in modern Russia, *Economic and social changes: facts, trends,*

forecast, vol. 12, no. 2, pp. 147–160. DOI: 10.15838/sc.2019.2.62.9.

12. Kapoguzov E.A., Chupin R.I., Kharlamova M.S. (2021). Assessment of family policy achievements in income increase and poverty decrease in Russia, *Management issues*, no. 4 (71), pp. 108–122.

13. Rzhantsyna L.S. (2019). The standard of economic sustainability of the family with children – a new landmark of income policies, *Population*, vol. 22, no. 1, pp. 122–127.

14. Komi Republic. Vol. 1. Syktyvkar: Komi Book Publishing House, 1997. 472 p.

15. Fauzer V.V., Fauzer G.N. (2014). State policy of solving the socio-labor and demographic problems of the North of Russia. Corporate governance and innovative development of the economy of the North, *Bulletin of the Research Center of the Corporate Law, Management and Venture Investment of the Syktyvkarian State University*, no. 2, pp. 137–147.

16. Komi Republic. Vol. 3. Syktyvkar: Komi Book Publishing House, 2000. 400 p.

17. Komi Republic. Vol. 2. Syktyvkar: Komi Book Publishing House, 1999. 576 p.

18. Popova L.A., Shishkin (Zyryanova) M.A. (2017). The impact of the modern Russian demographic policy on the trends and prospects for the fertility of the population. Syktyvkar: Komi Republican Typography LLC. 128 p.

19. Rybakovsky L.L. (2013). On the eve of the choice: the second stage of depopulation or demographic growth? *Population*, no. 4, pp. 39–49.

20. Tikhomirova T.M., Tikhomirov N.P. (2020). Evaluation of the effectiveness of the maternal capital program in the regions of Russia, *Federalism*, no. 1 (97), pp. 5–26.

21. Aganbegyan A.G. (2021). How to restore the safety of the people of Russia, *Population*, vol. 24, no. 2, pp. 4–18. DOI: 10.19181/population.2021.24.2.1.

22. Zyryanova M.A. (2021). Demographic reasons for the new stage of the birth rate in the northern regions of Russia, *North and the market: the formation of economic order*, no. 3, pp. 114–115.

23. Soboleva S.V., Smirnova N.E., Chudaeva O.V. (2021). Features of the second stage of depopulation in Russia. In: Proceedings of the XX National Scientific Conference with international participation “Russia: trends and development prospects”. Moscow. Pp. 752–758.

24. Kalabikhina I.E. (2020). Measurement of time: a new paradigm of socio-demographic policy, *Population*, vol. 23, no. 2, pp. 37–50. DOI: 10.19181/population.2020.23.2.4.

25. Baskakova M.E., Soboleva I.V. (2018). Balance of family and work: new opportunities in a digital economy, *Population*, vol. 21, no. 3, pp. 122–135.

AUTHORS' INFORMATION:

Maria A. Zyryanova – Institute for Socio-Economic and Energy Problems of the North, Federal Research Center “Komi Science Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences” (26, Kommunisticheskaya St., Syktyvkar, 167982, Russia); zyryanova.1809@mail.ru.

Larisa A. Popova – Institute for Socio-Economic and Energy Problems of the North, Federal Research Center “Komi Science Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences” (26, Kommunisticheskaya St., Syktyvkar, 167982, Russia); popova@iespn.komisc.ru.

ОЦЕНКА КАЧЕСТВА УСЛУГ ПО СОЦИАЛЬНОМУ ОБСЛУЖИВАНИЮ ПОЖИЛЫХ ГРАЖДАН В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА: СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ

А.И. Воронина^{1а}, Т.И. Касьянова^{2а}, Т.Е. Радченко^{3а}

^аУральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина

АННОТАЦИЯ:

Актуальность исследования. Качество различных услуг, в том числе социальных, чаще всего изучают, используя маркетинговый и правовой подходы. Но реже осуществляется исследование качества этого типа услуг в контексте проблематики социального государства, хотя именно обеспечение качества социальных услуг является одной из функций органов власти, выполняющих различные обязательства государства и создающих условия для повышения качества жизни граждан. В тоже время независимая оценка качества условий оказания услуг недостаточно изучена.

Цель исследования. Авторы статьи изучают состояние оценки качества услуг по социальному обслуживанию пожилых граждан в условиях трансформации социального государства.

Методы. Для исследования помимо традиционных методов (анализ теоретической литературы, нормативно-правовых актов, статистических данных, отчетов по результатам независимой оценки условий оказания социальных услуг), применяется социологический метод полуструктурированного глубинного интервью, где интервьюерами являются поставщики услуг по социальному обслуживанию граждан, руководители Министерства социальной политики Свердловской области.

Научная новизна. Авторы статьи выявляют взаимосвязь между процессами трансформации РФ как социального государства и изменениями, происходящими в социальном обслуживании пожилых граждан. Они классифицируют причины, которые влияют на качество условий оказания услуг по социальному обслуживанию.

Результаты. Выявлено, что в течение последних лет происходят масштабные изменения в социальном обслуживании пожилых граждан: новые нормы, регулирующие предоставление социальных услуг, стандарты качества социальных услуг, состав поставщиков и т. д. Эти положительные изменения являются следствием процессов трансформации РФ как социального государства. К таким изменениям относится оценка качества условий оказания услуг по социальному обслуживанию пожилых граждан. Выявлены и классифицированы причины, препятствующие достижению высокого уровня качества условий оказания этого вида услуг.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: услуги, социальное обслуживание, качество, оценка, социальное государство, трансформация.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Воронина А.И., Касьянова Т.И., Радченко Т.Е. (2021). Оценка качества услуг по социальному обслуживанию пожилых граждан в условиях трансформации социального государства: состояние и перспективы // Вопросы управления. № 6. С. 53–66.

Введение

Качество различных услуг, в том числе социальных, чаще всего изучают, используя маркетинговый и правовой подходы. Но реже осуществляется исследование качества этого ти-

па услуг, причем в контексте проблематики социального государства. Хотя именно обеспечение качества социальных услуг является одной из функций органов власти, выполняющих различные обязательства государства и,

¹AuthorID РИНЦ: 291208, ORCID: 0000-0002-2538-5627

²AuthorID РИНЦ: 339891

³AuthorID РИНЦ: 418117

прежде всего, создающих условия для повышения качества жизни граждан. А среди разных видов оценки качества услуг недостаточно изучена независимая оценка качества условий оказания услуг, в процесс которой в настоящее время вовлечены российские граждане.

Авторы статьи отмечают недостаточную степень изученности этого вида оценки, а также отсутствие классификации причин повышения или снижения качества условий оказания услуг. Очень мало статей, где выявляются связи между причинами и процессами трансформации социального государства. Для исследования, помимо традиционных методов (анализа теоретической литературы, нормативно-правовых актов, статистических данных, отчетов по результатам независимой оценки условий оказания социальных услуг), применяется социологический метод – полуструктурированное глубинное интервью, где интервьюерами являются поставщики услуг по социальному обслуживанию граждан, руководители Министерства социальной политики Свердловской области.

Методология

Для понимания условий, которые нужны РФ как социальному государству для выполнения своих обязательств посредством оказания услуг по социальному обслуживанию пожилых граждан, а также для выявления причин, влияющих на качество услуг, обратимся к теоретическим аспектам социального государства. Проблематика социального государства и процессов его трансформации вызывает постоянный интерес у зарубежных и российских исследователей, представляющих различные науки. Предметами изучения становятся существующие модели социального государства и его характеристики, действия различных субъектов в условиях трансформации: например, в трудах таких авторов, как П. Розанваллон [1], Л. Н. Кочеткова [2], Н. А. Макашева [3], И. А. Григорьева [4], Г. Ю. Карнаш [5] и другие. Также это исследования, где выявляются причины, препятствующие развитию социального государства (R. Mishra [6], Е. Танчев [7], С. С. Ярошенко [8]), и даже прогнозы триумфального падения *Welfare State* или госу-

дарства всеобщего благосостояния [9]. Исследуются вехи трансформации социального государства, базовые ценности: справедливость, социальная сплоченность, общая направленность государства и гражданского общества на компромисс – как главное условия справедливой социальной политики [10]. Особый интерес представляют исследования, в которых как социальное государство оценивается РФ. Так, В. Д. Зорькин полагает, что Россия находится на пути строительства социального государства [11, с. 47]. Действительно, такая модель динамично изменяется. Одним из подтверждений этого вывода являются идеи, заявленные Президентом РФ в тексте Послания Федеральному Собранию в 2020 году: «Мы должны создать систему прочную, надёжную, неуязвимую и по внешнему контуру абсолютно стабильную, безусловно, гарантирующую России независимость и суверенитет. В то же время систему внутри себя живую, гибкую, легко и своевременно, главное, меняющуюся в связи с тем, что происходит в мире, вокруг нас, а главное, в связи с развитием самого российского общества... Такое обновление – неотъемлемое условие для прогрессивной эволюции общества и пусть не безошибочного, но стабильного развития, когда неизбежным остается главное – интересы России»⁴. Исследователи оценивают характеристики модели социального государства России, некоторые из них полагают, что она либеральная [12]. Обосновываются причины выбора идеологической перспективы либеральной модели развития. Так, А. В. Старшинова полагает, что именно выбор такой модели позволил наиболее быстро, посредством «шоковой» терапии преодолеть тормозящие механизмы, сложившиеся в советский период, перейти к новым социально-экономическим условиям, завершив модернизационные цели [13, с. 130].

Особый интерес представляет оценка системных изменений, обусловленных масштабными изменениями в Конституции РФ и системе публичного управления [14]. По мнению В. А. Ильина и М. В. Морева, за последние 25 лет российское общество никогда не

⁴Послание Президента РФ Федеральному Собранию. 15.01.2020. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_342959/ (дата обращения: 09.07.2021).

было так «заряжено» (причем конструктивно) на кардинальные перемены в системе государственного управления, от которого зависит решение социально-экономических вопросов [15, с. 20].

Да, в РФ есть определенные результаты по реализации модели социального государства. Расширяется состав поставщиков услуг по социальному обслуживанию, к которым в настоящее время относятся государственные и муниципальные организации, коммерческие и некоммерческие организации, индивидуальные предприниматели, между которыми есть конкуренция. Независимо от форм собственности организации имеют возможность получить государственное задание на оказание услуг по социальному обслуживанию граждан и реализовать его.

В настоящее время в ведении субъектов Российской Федерации или муниципальных образований находятся 4 714 организаций социального обслуживания. Удельный вес негосударственных организаций – поставщиков услуг в общем количестве организаций социального обслуживания всех форм собственности составляет 28,6 % (по состоянию на 01.01.2021)⁵, или 1 887 организаций, из них 1 118 социально ориентированных. При этом активность НКО, стремящихся войти в реестры поставщиков социальных услуг, повысилась в 2015 году после принятия Федерального закона от 28.12.2013 № 442-ФЗ «О социальном обслуживании граждан Российской Федерации» [16, с. 416].

Пополняется перечень социальных услуг: это услуги в сфере культуры, по охране здоровья, образованию, социальному обслуживанию, медико-социальной экспертизе. У граждан появилась возможность получать социальные услуги за счет разных источников финансирования (государственного, муниципального бюджетов или своих средств), что соответствует принципу социальной солидарности в решении социальных вопросов, расходы на которые перераспределяются между государ-

ством, бизнесом и гражданами, образующими структуры гражданского общества [13, с. 129].

Но, пожалуй, наиболее серьезный результат трансформационных процессов – создание государством условий для регулирования качества социальных услуг и обеспечения высокого уровня сервиса, благодаря внедрению государственных стандартов. Понятие «сервис» (англ. *service*) в русском языке означает «оказание услуг, совокупность средств для обслуживания пользователей», а также «систему организаций и служб, осуществляющих это обслуживание» [17, с. 23]. Естественно, что для поддержания должного уровня обслуживания и обеспечения качества поставщики услуг по социальному обслуживанию вынуждены использовать ГОСТы, что стало еще одним нововведением в их деятельности в следствие трансформации социального государства в РФ. Так, в ГОСТ Р 9001-2015 качество определяется как степень соответствия совокупности присущих характеристик требованиям. А стандарты социальных услуг понимаются как требования к составу, гарантированному объему и иным критериям качества. Обязательность применения стандартов была установлена федеральными законами от 10.12.1995 № 195-ФЗ и от 02.08.1995 № 122-ФЗ.

Для всех поставщиков услуг по социальному обслуживанию обязательным условием стало участие в независимой оценке качества условий оказания услуг по социальному обслуживанию граждан. В тоже время исполнительные органы государственной власти соответствующими приказами обязали организовывать все процедуры этого вида оценки⁶, используя для этого Методику независимой оценки качества условий оказания социальных услуг, которая была разработана в 2018 году Министерством труда и социального развития РФ для учреждений здравоохранения, культуры, образования и социального обслуживания граждан. Процедура оценки регламентирована нормативными актами Правительства РФ и субъектов РФ. Показатели, кри-

⁵Об утверждении Порядка осуществления мониторинга социального обслуживания граждан в субъектах Российской Федерации, а также форм документов, необходимых для осуществления такого мониторинга : Приказ Минтруда России от 18.09.2014 № 651н.

⁶О социальном обслуживании граждан пожилого возраста и инвалидов : Федеральный закон от 02.08.1995 № 122-ФЗ (утратил силу) // КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7370/ (дата обращения: 05.07.2021).

терии и результаты оценки жестко встроены в государственную систему сбора, анализа и обработки данных, что затрудняет возможность оперативно внести изменения или учесть особенности форм социального обслуживания. Процедура оценки проходит во всех учреждениях социального обслуживания при периодичности не реже, чем один раз в 3 года. При этом оценивается только сервисное обслуживание или качество условий оказания услуг. Был установлен единый порядок расчета показателей⁷, к которым отнесли открытость и доступность информации об организации социального обслуживания; комфортность условий предоставления социальных услуг, в том числе время ожидания предоставления услуг; доброжелательность, вежливость работников организации социального обслуживания; удовлетворенность качеством условий оказания услуг, а также доступность услуг для инвалидов. В проведение этого вида оценки вовлекли общественные советы, созданные при исполнительных органах государственной власти субъектов РФ.

По сути созданы определенные условия для общественного контроля как одной из характеристик социального государства: «Независимая оценка качества условий оказания услуг организациями социального обслуживания является одной из форм общественного контроля и проводится в целях предоставления получателям социальных услуг информации о качестве условий оказания услуг организациями социального обслуживания, а также в целях повышения качества их деятельности»⁸.

Масштабные изменения, безусловно, отражаются и в системе социального обслуживания пожилых граждан, которая вынуждена реагировать как на процессы трансформации социального государства, так и ожидания граж-

дан. Организации – поставщики услуг по социальному обслуживанию учитывают, что в структуре населения увеличивается доля граждан пожилого возраста благодаря увеличению продолжительности жизни. Поставщикам также приходится признать появление новых характеристик у пожилых россиян, которых еще не было двадцать лет назад. Так, многие россияне, несмотря на пенсионный возраст, сохраняют физическую и интеллектуальную активность, что, естественно, влияет на приоритеты их потребностей и на запросы в конкретных услугах, удовлетворение которых позволяет развиваться, общаться и получать положительные эмоции.

Но наряду с активными пожилыми гражданами по-прежнему есть немощные, для которых очень нужны услуги, позволяющие преодолеть или смягчить жизненные трудности, или адаптироваться к таким трудным жизненным ситуациям, как болезни и одиночество. Как следствие, появились изменения и в деятельности организаций социального обслуживания. Если в предыдущие десятилетия для оказания услуг пожилым гражданам достаточно было, чтобы государственные учреждения работали и их финансировали, то в настоящее время они должны обеспечивать высокий уровень качества услуг и соответственно осуществлять управление по результатам, а также применять маркетинговый подход. К тому же «предыдущий подход в управлении привел к постоянному росту бюджетных расходов, несмотря на снижение результативности в достижении задач, для которых создавались эти учреждения» [18, с. 15].

Мощным импульсом для многочисленных изменений стало принятие Федерального закона от 08.05.2010 № 83-ФЗ⁹, включая установление обязательных требований в повыше-

⁷ Об утверждении показателей, характеризующих общие критерии оценки качества условий оказания услуг организациями социального обслуживания и федеральными учреждениями медико-социальной экспертизы : Приказ Министерства труда и социальной защиты РФ от 23.05.2018 № 317н // Информационно-правовой портал Гарант. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71865442/> (дата обращения: 06.07.2021).

⁸ Об основах социального обслуживания населения в Российской Федерации : Федеральный закон от 28.12.2013 № 442-ФЗ (ред. от 11.06.2021) // КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156558/ (дата обращения: 05.07.2021).

⁹ О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ в связи с совершенствование правового положения государственных (муниципальных) учреждений : Федеральный закон от 08.05.2010 № 83-ФЗ (с изменениями и дополнениями от 24.02.2021) // КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_100193/ (дата обращения: 05.07.2021).

нии качества услуг по социальному обслуживанию пожилых граждан. Изменилась классификация факторов, влияющих на признание прав граждан в получении конкретных услуг и, конечно же, их потребностей. Исключение из 442-ФЗ таких факторов, как пенсионный возраст и состояние здоровья (инвалидность), учет которых ранее был необходим для последующего получения соответствующих услуг¹⁰, сильно повлияло на увеличение категорий граждан – потребителей услуг по социальному обслуживанию. В настоящее время для признания граждан нуждающимися в социальном обслуживании (и в соответствующих услугах) учитывается такой фактор, как индивидуальная нуждаемость или наличие конкретных обстоятельств, которые ухудшают или могут ухудшить условия жизнедеятельности.

Но одновременно с перечисленными изменениями возник запрос общества на разные формы социального обслуживания и обеспечение качества условий для оказания соответствующих услуг. Ответом на таковой запрос стали такие формы обслуживания граждан, как стационарное, полустационарное и домашнее, а также различные услуги, предлагаемые поставщиками (комплексными центрами социального обслуживания, некоммерческими организациями, индивидуальными предпринимателями). Но изменения и нововведения не всегда приводят к положительным результатам. Всегда есть риски, что поставщиками, в частности, частными не будет обеспечен необходимый уровень качества услуг по социальному обслуживанию. Действительно, с одной стороны, «участие частных поставщиков в сфере государственных закупок на социальные услуги позволяет более гибко адаптироваться к разнообразию и вариативности спроса. Но, с другой стороны, существует значительный риск того, что ориентированные на рынок частные поставщики ставят во главу угла прежде всего экономические интересы, а не качество услуг по уходу, особенно после того, как правительство подписывает с ними договор купли-продажи. Соответственно, могут быть проблемы по обеспечению качества» [19,

с. 2]. Несмотря на внедрение маркетингового подхода для создания конкуренции в деятельность организаций-поставщиков, обеспечение услуг высокого качества остается одной из проблем. Конечно, есть множество причин, которые снижают ожидаемое качество, и среди них факторы индивидуального характера, которые влияют на восприятие гражданами, в том числе пожилыми, качества услуг по социальному обслуживанию: это место жительства, форма оказания услуг, наличие или отсутствие взрослых детей и другое. Этот фактор признается как российскими, так и зарубежными исследователями социального обслуживания, например, А. М. Макдугл, С. Мейер и Ф. Хэнди [20].

По мнению авторов статьи, во всех регионах РФ есть общие характеристики и проблемы, сопровождающие процедуры оценки качества услуг по социальному обслуживанию пожилых граждан. Проверка теоретической гипотезы осуществлялась на материалах Свердловской области. Помимо традиционных методов, таких как изучение теоретических материалов, анализ нормативных правовых актов и статистических данных, используется такой социологический метод качественного исследования, как полуструктурированное экспертное интервью. Возможность его использования обусловлена тем, что проведение независимой оценки качества условий оказания услуг по социальному обслуживанию граждан является типичным случаем для всех субъектов РФ. Именно поэтому для отбора экспертов использована выборка типичных случаев [21, с. 44], которая, несмотря на небольшое количество экспертов, тем не менее позволяет выявлять типичные и повторяемые суждения и мнения. Всего было опрошено 15 экспертов, критериями отбора которых стали опыт в управленческой деятельности в сфере социального обслуживания (не менее пяти лет), участие в организации и проведении независимой оценки не менее двух раз, а также положительная репутация в профессиональной среде. Для интервью был разработан соответствующий гайд (сценарий). По результатам

¹⁰ Об основах социального обслуживания населения в Российской Федерации : Федеральный закон от 28.12.2013 № 442-ФЗ (ред. от 11.06.2021) // КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156558/ (дата обращения: 05.07.2021).

исследования разработаны предложения для Министерства социальной политики Свердловской области по совершенствованию оценки качества условий оказания услуг по социальному обслуживанию пожилых граждан.

Результаты и обсуждение

Результаты проведенного исследования позволили выявить состояние и проблемы, характерные для оценки качества услуг по социальному обслуживанию пожилых граждан в Свердловской области.

1. Неточность в разработанной Министерством труда и социального развития РФ методике, именно – в определении объекта оценки.

Открытым остается вопрос, что реально должно оцениваться и принесет пользу государству и гражданам: качество услуг или качество условий оказания социальных услуг?

С одной стороны, за последние 3 года федеральные законодатели пересмотрели систему независимой оценки качества услуг. Если ранее предписывалось проводить независимую оценку качества работы учреждения (в соответствии с ГОСТ), то после 2018 года требуется проведение независимой оценки качества условий оказания социальных услуг, т. е. только сервисных характеристик обслуживания. Но с другой – такое решение ограничило как государство, так и общество в получении полной и объективной информации для последующих управленческих решений по совершенствованию качества социальных услуг.

Приведем мнение эксперта – руководителя некоммерческой организации в сфере социального обслуживания: *«Условия оказания услуг – это самое начало, что скорее относится к поставщику услуг. А качество – это результат, который получает потребитель. И как проверить качество, оценивая только условия?»* (стаж управленческой деятельности более 10 лет, успешное участие руководимой организации в процедуре независимой оценки, высокий уровень репутации). Созвучно по выводам мнение и другого эксперта: *«Да, это два разных понятия. Когда нас проверяют, мы все рассказываем и показываем. И мы понимаем, что условия косвенно сказываются на качестве оказания самой услуги, на восприятии клиента. Может, оценка качества условий ак-*

туальна для стационарных учреждений, но не для всех форм» (руководитель центра социального обслуживания, стаж управленческой деятельности более 16 лет, успешное участие руководимой организации в процедуре независимой оценки, высокий уровень репутации).

На важность оценки результата, который получает гражданин от оказания услуги, обращает внимание и другой эксперт: *«Условия зависят от формы социального обслуживания, а качество социальных услуг нужно рассматривать в соответствии с результатом, который ожидает и получает гражданин»* (руководитель управления социальной политики, стаж управленческой деятельности более 20 лет, успешное участие руководимой организации в процедуре независимой оценки, высокий уровень репутации). Эти экспертные мнения созвучны теоретическим выводам о том, что изучение только условий оказания социальных услуг автоматически не улучшает их качество, тем более что при отсутствии некоторых условий (например, здание, требующее ремонта), тем не менее, качество услуг может быть высоким.

2. В содержании методики уже есть вопросы, относящиеся к оценке управленческих действий поставщиков услуг, необходимость и своевременность которых позволяет достичь качества услуги.

Их нужно дополнить вопросами, формулируемыми в соответствии с показателями, позволяющими объективно оценивать результаты услуг как удовлетворение потребностей пожилых граждан в улучшении качества жизни и состоянии здоровья. Такими показателями могут быть следующие: 1) снижение уровня нуждаемости в социальном обслуживании; 2) перевод со стационарного на полустационарное обслуживание.

Приведем мнение эксперта – руководителя некоммерческой организации: *«Я считаю, что методика независимой оценки качества условий оказания услуг по социальному обслуживанию не позволяет проанализировать, насколько поставщиком был достигнут результат. Как его можно оценить? Во-первых, я полагаю, что нужно обращаться к отчетам организаций, анализируя которые можно понять причины, по которым клиент был снят*

с обслуживания (смерть, переселение в другой город или район или другое).» (стаж управленческой деятельности более 10 лет, успешное участие руководимой организации в процедуре независимой оценки, высокий уровень репутации).

И для получения ответов на приведенные вопросы, по мнению одного из экспертов, нужно анализировать информацию из отчетов о деятельности организаций и индивидуальные карты обслуживания клиентов: «В методике независимой оценки не учитывается информация из отчетов о деятельности организаций. Можно смотреть в индивидуальной карте обслуживания клиента, сколько было новых услуг или новых поставщиков: это позволяет понять, что было сделано для того, чтобы гражданин удовлетворил свои потребности».

3. Другим препятствием для объективной оценки качества социальных услуг является игнорирование форм социального обслуживания в методике.

Следующим образом оценивает существующую ситуацию один из экспертов: «Раньше при оценке учитывались три формы: для стационарных учреждений, полустационарных и на дому. Сейчас форма единая, и возникает коллапс, мы даже в Минтруд обращались. Показатели нормальные. Но измените методику расчета, предусмотрите показатели для оценки каждой формы социального обслуживания, учтите специфику, в том числе и особенности клиентов» (руководитель организационно-аналитического отдела Министерства социальной политики, стаж управленческой деятельности более 5 лет). Представляет интерес мнение руководителя некоммерческой организации в сфере социального обслуживания (стаж управленческой деятельности более 10 лет, успешное участие в процедуре независимой оценки): «Да, комфортность получения услуги – очень значимый показатель для положительной оценки качества. Но он очень специфичный, его характеристики зависят от вида услуг и формы обслуживания клиента. Например, при оказании стационарных или полустационарных услуг, конечно, для клиентов важны комфортность места и время ожидания получения услуги. Но

наша некоммерческая организация обслуживает на дому 1 200 клиентов, и социальные работники приходят к ним по расписанию. Соответственно возникает вопрос: а какие характеристики комфортности места и времени ожидания оценивать в этой ситуации?».

Это мнение дополнено мнением эксперта, работающего в одном из территориальных управлений социальной политики: «Да, важно исполнить услугу в соответствии со стандартом, что требует оценки удовлетворения потребностей и учета мнения потребителя. Нужно учитывать и отзывы клиентов, при этом особенно интересны положительные отзывы».

4. Много нареканий у экспертов к выбору исполнителей – операторов для проведения оценки.

Так, в соответствии с 44-ФЗ возможно признать победителем того, кто заявил минимальную цену контракта. Экспертами отмечено снижение стоимости с 1 млн до 130 тыс. руб. Приводим мнение эксперта, руководителя независимой исследовательской компании, участника независимой оценки качества услуг более 5 раз: «Это существующая система государственных закупок, торгов, которая не только нивелирует разницу между профессиональными и непрофессиональными исполнителями, но и более того ущемляет права и возможности именно профессионалов. Почему? А именно я, как профессионал, никогда не пойду на 50–70 % снижения стартовой цены, потому что знаю, что за 130 тыс. руб. нельзя сделать ту работу, которую нужно было сделать за 500 тыс. руб.». Эксперты отмечают, что исполнители часто не знакомы со спецификой оказания услуг по социальному обслуживанию и психологией потребителей такого типа услуг. «Проверяющей была девушка, ее нашли во „ВКонтакте“, дали список вопросов, сказали куда идти, познакомили с принципами проведения опроса и все. А этот человек с улицы и не в теме» (руководитель центра социального обслуживания, стаж работы более 20 лет).

5. Часто все организационные и финансовые усилия по проведению независимой оценки качества условий оказания услуг по социальному обслуживанию обесцениваются, так как

не предпринимаются какие – либо управленческие действия по устранению выявленных проблем.

Так, одно из условий качества оказания услуг – это комфортность. Для оценки установлен соответствующий показатель. Для его достижения органы власти и организации – поставщики услуг по социальному обслуживанию граждан поддерживают должное состояние зданий и помещений. Но анализ отчетов по независимой оценке позволяет сделать следующие выводы: ежегодно повторяются пожелания респондентов по ремонту некоторых зданий и помещений. Приведем мнение эксперта – руководителя организационно-аналитического отдела Министерства социальной политики (стаж управленческой деятельности более 5 лет): *«Есть недостатки, которые отражены в рекомендациях, но реализовывать их учреждения не могут даже за три года до очередного проведения независимой оценки. Некоторые учреждения находятся в арендованных помещениях, поэтому не могут сделать пандусы, расширить дверные проемы. Другие размещены в старых зданиях, которые невозможно переделать».*

Аналогичное мнение эксперта из центра социального обслуживания, имеющего стаж работы более 15 лет: *«Учреждение 10 лет получает одни и те же замечания, и ничем ему не помогают (я имею в виду финансирование, новое здание и т. д.)».*

Выявленную проблему, безусловно, можно решить только при наличии средств, целенаправленно выделяемых на строительство новых зданий для учреждений социального обслуживания, причем во всех регионах РФ. Учитывая масштабность проблемы, Правительство Российской Федерации подготовило проект распоряжения «О программе „Содействие приведению в субъектах Российской Федерации организаций социального обслуживания в надлежащее состояние, а также ликвидации очередей в них“ на 2018–2022 годы», но распоряжение было не реализовано из-за непредвиденных значительных бюджетных расходов, направленных на ликвидацию последствий эпидемии COVID-19.

6. Недостаточный уровень информированности о социальных услугах тех граждан, ко-

торые в настоящий момент пока не являются их получателями.

Эксперты отметили проблемы, препятствующие достижению такого показателя, как «открытость информации об услугах социального обслуживания». Конечно, все государственные учреждения, занимающиеся оказанием таковых услуг, своевременно размещают и обновляют информацию на официальном сайте (bus.gov.ru) в интернете. Но этих действий недостаточно. Часто пожилые люди слышали о существующих формах социального обслуживания, однако не связывают их с организациями социального обслуживания, не знают, куда обращаться. О том, как решить эту проблему, интересно мнение эксперта, руководителя некоммерческой организации в сфере социального обслуживания (стаж управленческой деятельности 15 лет, высокий уровень профессиональной репутации): *«Да, очень значимый показатель открытости информации о центрах социального обслуживания и доступности получения услуг. Но люди не знают о возможностях социальных служб: они не представляют, что мы делаем и чем им можем помочь. В СМИ практически не говорят о социальном обслуживании. Необходимо искать простые и надежные способы информирования населения: это могут быть не только средства массовой информации, но и социальная реклама. Важно привлечь внимание населения к этим услугам».*

Решение этой проблемы возможно разными способами, в том числе посредством разработки конкретных проектов, которые могут реализовать как маркетинговые компании, так и студенческие проектные группы. Важно проанализировать, насколько органы власти и поставщики социальных услуг удовлетворяют индивидуальные потребности граждан. Общая тенденция в обществе – это расширение потребностей разных категорий граждан и ожидаемых способов их удовлетворения. В каждом субъекте РФ власти предпринимают конкретные действия. Так, в Свердловской области гражданам предлагают следующие дополнительные услуги по социальному обслуживанию: организация помощи в проведении ремонта жилых помещений, уборка жилых помещений, доставка готового пи-

тания на дом, сопровождение в медицинские организации, уход за волосами (стрижка), содействие в получении юридической помощи в целях защиты прав и законных интересов получателей социальных услуг [23, с. 95]. Такие услуги на дому для граждан, как правило, успешно оказывают некоммерческие организации по весьма умеренным тарифам: в Свердловской области восемь некоммерческих организаций – поставщиков услуг по социальному обслуживанию¹¹.

Но и в этой ситуации есть следующие причины, препятствующие или оказанию услуги, или ее качеству: это низкий уровень доходов большинства пожилых граждан, сложности в привлечении средств благотворителей для полной или частичной оплаты расходов для оказания услуг. Похожие сложности в деятельности некоммерческих организаций – поставщиков услуг на дому для пожилых граждан наблюдаются во многих регионах страны, что отмечают российские исследователи НКО И. В. Мерсиянова и В. Б. Беневоленский [24, с. 83] и Е. О. Шмудевич [25, с. 150]. Решение этой проблемы – в расширении профилактической работы с теми людьми, которые пока не нуждаются в социальном обслуживании, и предотвращении будущего возможного неблагополучия. В системе независимой оценки качества условий оказания социальных услуг профилактическая работа не учитывается. Приведем мнение представителя руководства центра социальной работы, стаж работы 20 лет: *«Социальные услуги – это только те, которые определены Управлением социальной политики по признаку „нуждаемость“. Участники профилактической работы – это активные пожилые люди, у которых масса энергии: они посещают Школу пожилого возраста, участвуют в волонтерской деятельности, могут сами вести клубы по интересам. Вторая направленность профилактической работы – это помощь в работе с недееспособными, слабыми, с психиатрической патологией, когда люди не могут сами даже пригласить социального работника. Наши сотрудники для помощи формируют группы активистов, волонтеров».*

7. Отсутствие обратной связи между организаторами проведения процедур оценки и поставщиками услуг.

Приведем мнение эксперта – заместителя руководителя центра социальной работы, стаж работы более 20 лет: *«Мы вообще не имеем обратной связи по результатам оценки. У нас собрали информацию, прошло время. Мы видим у нас, допустим, такой-то рейтинг. У нас высокий, но почему именно такой, нам никак не объясняют. Правда, когда мы заняли второе место, нас не волновало объяснение, так как перед нами в рейтинг вошло учреждение, которое очень сильное. А допустим, если вы заняли 186 место, то должны понимать, почему именно так».*

8. При независимой оценке не учитывается передовой опыт конкретных центров, которые оказывают услуги не только немощным, но и активным пожилым гражданам.

По мнению экспертов, в содержании норм, регулирующих предоставление услуг по социальному обслуживанию (442-ФЗ), проявляется патерналистский подход, но не учитывается маркетинговый подход: *«Социальная услуга – действие или действия в сфере социального обслуживания по оказанию постоянной, периодической, разовой помощи, в том числе срочной помощи, гражданину в целях улучшения условий его жизнедеятельности и (или) расширения его возможностей самостоятельно обеспечивать свои основные жизненные потребности».*

Некоторые учреждения социального обслуживания уже переросли требования, установленные таковой нормой. Они, управляя процессом оказания услуг и достигая высокого качества, опережают нормы действующего законодательства. Приведем мнение руководителя одного из центров, стаж руководящей работы более 20 лет: *«Мы с 2013 года работаем в системе менеджмента качества. Его идеология заключается в том, что требования к услугам формирует не только заказчик (в нашем случае Министерство социальной политики), но и потребитель. Это целая технология, которая описана в системе менеджмента качества. Но требования к услуге выше стан-*

¹¹Ресурсный центр «Офис НКО»: Портал ассоциации социально ориентированных некоммерческих организаций Свердловской области.

дарта может предъявлять и сама организация. Еще момент. Такая организация, как наша, предъявляет требования выше, чем требования стандарта».

Эксперты высказывают пожелания по совершенствованию методики независимой оценки: *«Может, стоит ввести дополнения. Если учреждение делает что-то больше, чем принято обычно, почему бы им не давать дополнительные баллы, они ведь старались»* (представитель руководства центра социального обслуживания, стаж руководящей работы более 20 лет).

По результатам проведенного исследования разработаны следующие предложения.

1) Методика независимой оценки качества условий оказания услуг по социальному обслуживанию требует совершенствования.

2) В методике нужно сохранить унифицированные вопросы для опроса потребителей услуг, т. е. без учета форм социального обслуживания.

3) В то же время требуется внести в методику вопросы, учитывающие качество условий оказания услуг в таких формах, как на дому, полустационарное, стационарное социальное обслуживание.

3) Уменьшить объем выборки, установленной Министерством труда и социального развития РФ: отказаться от опроса 40 % контингента потребителей, так как масштабность часто приводит к фальсификации результатов опроса.

4) Формировать базы данных о респондентах для проверки достоверности результатов независимой оценки.

5) Пересмотреть вопросы, направленные на выявление мнения об оценке доступности среды и комфортности получения услуг:

- учитывать формы обслуживания;
- выявлять не только мнение потребителей услуг, но и родных, представляющих интересы клиентов (в частности, недееспособных).

6) Использовать следующие способы информирования населения об услугах по социальному обслуживанию:

- средства массовой информации,
- социальная реклама,
- информирование через сотрудников ме-

дицинских и других учреждений, работающих с пожилыми гражданами;

7) Привлекать для разработки проектов по модернизации услуг и условий их оказания:

- маркетинговые компании;
- студенческие проектные группы.

8) Продолжить изучать потребности клиентов.

9) Дополнить методику вопросами о новых формах работы поставщиков услуг по социальному обслуживанию.

10) Внедрить технологию личного консультирования клиентов:

- реализовать при этом такую задачу, как вовлечение человека в систему оказания услуг;
- создать условия для получения пожилыми людьми опыта участия в разных формах активности и услугах.

Комплекс этих мер необходим для совершенствования оценки качества оказания услуг по социальному обслуживанию. Предлагаемые меры могут способствовать повышению качества услуг и выполнению основной задачи социального государства, а именно – повышению качества жизни людей.

Заключение

В настоящее время в РФ многое сделано для проведения оценки качества условий оказания услуг по социальному обслуживанию пожилых граждан. Осуществление этого вида оценки в последние три года стало следствием различных процессов трансформации социального государства и, конечно же, системы социального обслуживания российских граждан. Положительно то, что разработана и применяется методика, в которой предусмотрены разные методы сбора информации и, прежде всего, опрос. В течение 3 лет обретен опыт, как исполнительными органами власти – организаторами этой процедуры, так и операторами, выполняющими государственный заказ по проведению оценки, а также поставщиками услуг и потребителями – участниками опросов. Заслуживает одобрения то, что во многих регионах по результатам этого вида оценки составляют рейтинги организаций – поставщиков социальных услуг, принимают обоснованные управленческие решения. По некоторым показателям достигнут хороший уровень качества условий оказания услуг по со-

циальному обслуживанию пожилых граждан: от 95 до 99 %. Но опыт, накопленный практиками, а также результаты научных исследований позволяют делать вывод и о том, что нужно вносить коррективы в действующую методику оценки, при этом учитывать классификацию причин, влияние которых способствует или повышению, или снижению качества условий оказания услуг. Это такие причины, как несовершенство методологии, применяемой для оценки качества условий оказания услуг по социальному обслуживанию, как следствие, недостатки в методике: игнорирование форм социального обслуживания, отсутствие показателей для оценки конкретных форм социального обслуживания, итогового результата оказания услуг. Это преувеличение значимости количественных методов оценки, большой объем выборки и количества респондентов, в результате чего часто фальсифицируются результаты опросов, достоверность которых сложно проверить.

К сожалению, на результаты этого вида оценки влияет и несовершенство 44-ФЗ, следствием чего является отбор операторов, заявивших минимальную цену контракта, но профессионально не готовых выполнить государственный заказ по этому виду оценки даже потому, что они не знают специфики потребителей и услуг по социальному обслуживанию. Следующая группа причин, отрицательно влияющих на успешность проведения оценки качества условий оказания услуг по социальному обслуживанию – организа-

ционные. Это незавершенность управленческого цикла: результаты получены, проблемы выявлены на региональном уровне, но часто не предпринимаются конкретные управленческие действия по их устранению. Отсутствует обратная связь между организаторами проведения процедур оценки и поставщиками услуг, как следствие, многие поставщики не понимают, в чем недостатки их деятельности. При подведении результатов оценки и последующих управленческих решениях не учитывается передовой опыт конкретных центров, которые оказывают услуги не только немощным, но и активным пожилым гражданам. Это проблемы социально-психологического характера, влияющие на оценки, в частности, социальная закрытость пожилых людей в сельской местности, их низкая активность, часто из-за того, что потенциально востребованные формы социального обслуживания в конкретном сельском районе отсутствуют. Далее, недостаточный уровень информированности о социальных услугах граждан, которые в ближайшие годы станут их получателями и тем самым обеспечат для себя достойный уровень комфортности жизни.

Но есть возможность для объединения усилий теоретиков и практиков, при этом не только для совершенствования методики оценки условий оказания услуг, но и для поиска новых резервов, использование которых позволит повысить качество этих услуг и способствовать реализации идей социального государства.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Розанваллон П. (1997). Новый социальный вопрос: Переосмысливая государство всеобщего благосостояния / Пер. с фр. М. : Ad Marginem, 188 с.
2. Кочеткова Л.Н. (2010). Теория и практика социального государства: социально-философский анализ: диссертация на соискание ученой степени доктора философских наук / Кочеткова Людмила Николаевна ; Российский государственный социальный университет. Москва. 260 с.
3. Макашева Н.А. (2003). Дж. М. Кейнс и Россия: обнадеживающее начало несостоявшегося диалога // *Общественные науки и современность*. № 5. 108 с.
4. Григорьева И.А. (2012). Развитие теоретических подходов к социальной политике в 1990-2000-х гг. // *Общественные науки и современность*. № 3. С. 145–155.
5. Канарш Г.Ю. (2018). Социальное государство: исторический генезис и современные модели // *Знание. Понимание. Умение*. № 1. С. 128–142.
6. Mishra R. (1990). The welfare state in capitalist society: Policies of retranchment a. maintenance in Europe, North America and Australia. New York: Harvester Wheatsheaf. 152 p.
7. Танчев Е. (2007). Социальное государство (всеобщего благосостояния) в современном кон-

ституционализме // Сравнительное Конституционное Обозрение. № 4 (61). С. 60–67.

8. Ярошенко С.С. (2006). Четыре социологических объяснения бедности (опыт анализа зарубежной литературы) // Социологические исследования. № 7. С. 34–42.

9. Сидорина Т.Ю. (2012). Операция «Welfare state»: решило ли государство всеобщего благосостояния проблемы идеального государства? // TERRA ECONOMICUS. Т. 10. № 3. С. 84–99.

10. Канарш Г.Ю. (2020). Незачем резать курицу, несущую золотые яйца: социальное государство и его трансформации в начале XXI в. // Социологические исследования. № 6. С. 51–60.

11. Зорькин В.Д. (2008). Социальное государство в России: проблемы реализации // Сравнительное конституционное обозрение. № 1 (62). С. 46–50.

12. Ушакова Э.Т., Фролова Е.А. (2011). Социальное государство: теоретическая концепция и особенности ее практической реализации // Вестник Томского государственного университета. Экономика. № 1 (13). С. 31–40.

13. Старшинова А.В. (2012). Идеологические основания модели социального государства в России // Дискуссия. № 4 (22). С. 127–135.

14. Скоробогатый П., Обухова Е. (2020). Конституционный госповорот // Эксперт. 20 янв. URL: <https://expert.ru/expert/2020/04/konstitutsionnyj-gospovorot>.

15. Ильин В.А., Морев М.В. (2020). Ещё один шаг к «долгому государству» В. Путина // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 13. № 1. С. 9–33.

16. Старшинова А., Бородкина О. (2020). Деятельность НКО в сфере социальных услуг: общественные ожидания и региональные практики // Журнал исследований социальной политики. Т. 18. № 3. С. 411–428.

17. Зайковский В.Н. (2014). «Сервисное государство»: новая парадигма или современная технология государственного управления? // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. Т. 10. № 24 (261). С. 18–28.

18. Илларионов И.В. (2014). Управление про-

цессами оказания государственных социальных услуг в системе социального обслуживания населения: диссертация на соискание академической степени магистра / Илларионов Илья Владимирович; Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина. Екатеринбург. 138 с.

19. Song H., Yu S. and Sun T. (2020). Reducing the quality risk of elderly care services in government procurement from market-oriented private providers through ex ante policy design: lessons from the principal-agent theory analysis, *BMC Health Services Research*, pp. 1–11.

20. McDougale L. M., Meyer S., Handy F. (2018). Individual- and Contextual-level factors affecting the use of social support services among older adults, *Journal of Social Service Research*, vol. 44, no. 1, pp. 108–118.

21. Штейнберг И.Е. (2014). Неформализованные данные: методы сбора и анализа // Социология. 4М. № 38. С. 38–70.

22. Корнилова М.В. (2020). Основные проблемы реализации государственной программы «Московское долголетие» в оценках пожилых москвичей // Социальная политика и социология. Т. 19. № 2. С. 73–78.

23. Воронина Л.И., Слепцова И.Э., Колесникова В.В. (2020). Маркетинговый подход к оказанию социальных услуг некоммерческими организациями для граждан пожилого возраста: анализ качества и способы его повышения // Стратегии развития социальных общностей, институтов и территорий: Материалы VI Международной научно-практической конференции. Екатеринбург. Т. 1. С. 93–98.

24. Мерсиянова И.В., Беневоленский В.Б. (2017). НКО как поставщики социальных услуг: верификация слабых сторон // Вопросы государственного и муниципального управления. № 2. С. 83–104.

25. Беневоленский В.Б., Шмудевич Е.О. (2013). Государственная поддержка социально ориентированных НКО в свете зарубежного опыта // Вопросы государственного и муниципального управления. № 3. С. 150–175.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Воронина Людмила Ивановна – Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19); l.i.voronina@urfu.ru.

Касьянова Татьяна Ивановна – Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19); kasyanova.t@gmail.com.

Радченко Татьяна Евстафьевна – Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19); T.E.Radchenko@urfu.ru.

ASSESSMENT OF THE QUALITY OF SOCIAL SERVICES PROVISION FOR THE ELDERLY IN THE CONTEXT OF THE TRANSFORMATION OF THE SOCIAL WELFARE STATE: STATUS AND PROSPECTS

L.I. Voronina^{12a}, T.I. Kasyanova^{13a}, T.E. Radchenko^{14a}

^aUral Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin

ABSTRACT:

Research relevance. The quality of various services, including social ones, is most often studied using marketing and legal approaches. Less often the study of the quality of this type of service is carried out in the context of the problems of the welfare state. Although it is one of the functions of the government bodies to provide the quality of social services and to create conditions for improvement of the quality of life of citizens. At the same time, an independent assessment of the quality of the services provision has been understudied.

The research goal is to study the state of quality assessment of social services for the elderly in the context of the transformation of the welfare state.

Methods. In addition to traditional methods (analysis of theoretical literature, regulatory legal acts, statistical data, reports based on the results of an independent assessment of the conditions for the provision of social services), a sociological method is used – a semi-structured in-depth interview, where interviewers are social service providers, heads of the Ministry of Social Policy of the Sverdlovsk Region.

Scientific novelty. The article reveals the correlation between the processes of transformation of the Russian Federation as a social welfare state and the changes taking place in the social services for the elderly. It classifies the causes that affect the quality of the social services provision.

Results. It was revealed that in recent years there have been large-scale changes in social services for the elderly: new norms governing the provision of social services, quality standards of social services, the list of providers, etc. These positive changes are a consequence of the processes of transformation of the Russian Federation as a social welfare state. These changes include the assessment of the quality of the social services provision for the elderly. This research reveals and classifies the reasons that prevent the achievement of a high level of quality of the services provision.

KEYWORDS: services, social services, quality, assessment, social welfare state, transformation.

FOR CITATION: Voronina L.I., Kasyanova T.I., Radchenko T.E. (2021). Assessment of the quality of social services provision for the elderly in the context of the transformation of the social welfare state: status and prospects, *Management Issues*, no. 6, pp. 53–66.

REFERENCES

1. Rosanvallón P. (1995). La Nouvelle Question sociale : Repenser l'État-providence. Le Seuil.
2. Kochetkova L.N. (2010). Theory and practice of the social state: Socio-Philosophical Analysis. Advanced Doctor's degree dissertation. Russian State Social University. Moscow. 260 p.
3. Makasheva N.A. (2003). J. M. Keynes and Russia: An encouraging beginning of the failed dialogue, *Public sciences and modernity*, no. 5. 108 p.
4. Grigoreva I.A. (2012). The development of theoretical approaches to social policy in the 1990-2000s, *Public sciences and modernity*, no. 3, pp. 145–155.
5. Kanarsh G.Yu. (2018). Social state: historical genesis and modern models, *Knowledge. Understanding. Skill*, no. 1, pp. 128–142.
6. Mishra R. (1990). The welfare state in capitalist society: Policies of retrenchment a. maintenance in Europe, North America and Australia. New York: Harvester Wheatsheaf. 152 p.

¹²RSCI AuthorID: 291208, ORCID: 0000-0002-2538-5627

¹³RSCI AuthorID: 339891

¹⁴RSCI AuthorID: 418117

7. Tanchev E. (2007). Social state (of the universal welfare) in modern constitutionalism, *Comparative constitutional review*, no. 4 (61), pp. 60–67.
8. Yaroshenko S.S. (2006). Four sociological explanations of poverty (experience of analyzing foreign literature), *Sociological studies*, no. 7, pp. 34–42.
9. Sidorina T.Yu. (2012). Operation “Welfare state”: has the welfare state solved the problem of the ideal state? *TERRA ECONOMICUS*, vol. 10, no. 3, pp. 84–99.
10. Kanarsh G.Yu. (2020). No need to slaughter the goose that lays the golden eggs: the social state and its transformation at the beginning of the XXI century, *Sociological studies*, no. 6, pp. 51–60.
11. Zorkin V.D. (2008). Social state in Russia: implementation problems, *Comparative Constitutional Review*, no. 1 (62), pp. 46–50.
12. Ushakova E.T., Frolova E.A. (2011). Social state: theoretical concept and features of its practical implementation, *Bulletin of Tomsk State University. Economy*, no. 1 (13), pp. 31–40.
13. Starshinova A.V. (2012). The ideological foundations of the model of the social state in Russia, *Discussion*, no. 4 (22), pp. 127–135.
14. Skorobogaty P., Obukhova E. (2020). Constitutional Dictum. Expert. January 20. URL: <https://expert.ru/expert/2020/04/konstitutsionnyj-gospovorot>.
15. Ilyin V.A., Morev M.V. (2020). Another step towards the “long state” of V. Putin, *Economic and social changes: facts, trends, forecast*, vol. 13, no. 1, pp. 9–33.
16. Starshinova A., Borodkina O. (2020). NPOs activities in social services: public expectations and regional practices, *Social Policy Studies Journal*, vol. 18, no. 3, pp. 411–428.
17. Zaykovsky V.N. (2014). “Service state”: a new paradigm or modern government technology? *National interests: priorities and safety*, vol. 10, no. 24 (261), pp. 18–28.
18. Illarionov I.V. (2014). Management of state social services in the social service system of the population. Master’s degree dissertation. Ural Federal University named after the first president of Russia B.N. Yeltsin. Ekaterinburg. 138 p.
19. Song H., Yu S. and Sun T. (2020). Reducing the quality risk of elderly care services in government procurement from market-oriented private providers through ex ante policy design: lessons from the principal-agent theory analysis, *BMC Health Services Research*, pp. 1–11.
20. McDougale L. M., Meyer S., Handy F. (2018). Individual- and Contextual-level factors affecting the use of social support services among older adults, *Journal of Social Service Research*, vol. 44, no. 1, pp. 108–118.
21. Steinberg I.E. (2014). Informalized data: methods of collecting and analyzing, *Sociology: 4M*, no. 38, pp. 38–70.
22. Kornilova M.V. (2020). The main problems of the implementation of the State Program “Moscow Longevity” in the estimates of the elderly Muscovites, *Social policy and sociology*, vol. 19, no. 2, pp. 73–78.
23. Voronina L.I., Sleptsova I.E., Kolesnikova V.V. (2020). Marketing approach to social services by non-profit organizations for elderly citizens: quality analysis and ways to increase it. In: Proceedings of the VI International Scientific and Practical Conference “Strategies for the development of social communities, institutions and territories”. Ekaterinburg, vol. 1, pp. 93–98.
24. Mersiyanova I.V., Benevolensky V.B. (2017). NPOs as providers of social services: verification of weaknesses, *Issues of state and municipal management*, no. 2, pp. 83–104.
25. Benevolensky V.B., Shmulevich E.O. (2013). State support for socially oriented NPOs in view of foreign experience, *Issues of state and municipal management*, no. 3, pp. 150–175.

AUTHORS’ INFORMATION:

Lyudmila I. Voronina – Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (19, Mira St., Ekaterinburg, 620002, Russia); l.i.voronina@urfu.ru.

Tatyana I. Kasyanova – Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (19, Mira St., Ekaterinburg, 620002, Russia); kasyanova.t@gmail.com.

Tatyana E. Radchenko – Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (19, Mira St., Ekaterinburg, 620002, Russia); T.E.Radchenko@urfu.ru.

ГРАЖДАНСКАЯ АКТИВНОСТЬ И УЧАСТИЕ МОЛОДЕЖИ В СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССАХ

Е.И. Васильева^{1а}, Т.Е. Зерчанинова^{2а}, А.С. Никитина^{3а}

^аРоссийская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации

АННОТАЦИЯ:

Проблема исследования. Исследование социально-политической активности молодежи, социально-политических установок молодежи приобретает все большую актуальность. Данная статья посвящена проблемам социально-политического и гражданского участия молодежи на муниципальном уровне.

Цель исследования – проанализировать современные формы участия молодежи в социально-политических процессах на муниципальном уровне, определить факторы, способствующие и препятствующие активному участию молодежи в социально-политических процессах, выявить основные тренды гражданской активности российской молодежи на муниципальном уровне.

Методология и методы. Методологической основой настоящего исследования является деятельностный подход. При проведении исследования использован комплекс количественных и качественных методов: анализ статистических данных, анализ официальных документов, анкетный опрос и экспертное интервью. В октябре–декабре 2020 года был проведен анкетный опрос молодежи России в возрасте 14–30 лет ($n = 2\,026$ человек). В январе 2021 года было проведено экспертное интервью 30 специалистов в области молодежной политики и гражданского участия молодежи.

Результаты исследования. Выявлен опыт и потребность участия современной российской молодежи в социально-политических процессах на муниципальном уровне, различные формы политической и социальной активности молодежи на муниципальном уровне, гражданские инициативы молодежи. Получена экспертная оценка состояния и проблем гражданского участия молодежи в местном самоуправлении, вовлечения молодежи в социально-политические процессы на муниципальном уровне. По мнению большинства экспертов, в недалеком будущем популярными станут новые формы гражданской активности, такие как перформансы, флешмобы, уличные мероприятия, онлайн-активность. Наблюдаются тенденции цифровизации молодежной гражданской активности.

Научная новизна. Предложено авторское определение и классификация форм гражданской активности молодежи. Изложены факты, характеризующие опыт и потребность гражданского участия молодежи в местном самоуправлении. Получены новые эмпирические данные по различным формам участия, выявлены популярные формы участия молодежи в социально-политических процессах. Установлены факторы, влияющие на позитивную, конструктивную социально-политическую активность современной молодежи.

Практическая значимость. Полученные результаты имеют значение для развития общественно-политического знания в части оценки состояния и проблем гражданского участия молодежи в местном самоуправлении, а также для определения современных трендов гражданской активности молодежи. Результаты исследования могут служить основой для совершенствования работы с молодежью в муниципальных образованиях.

БЛАГОДАРНОСТИ: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 20-011-31551.

¹ AuthorID РИНЦ: 215177, ORCID: 0000-0003-3475-5412

² AuthorID РИНЦ: 326908, ORCID: 0000-0002-1582-1982

³ AuthorID РИНЦ: 724431, ORCID: 0000-0002-3804-4952

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: молодежь, гражданское участие, гражданская активность, социально-политические процессы, муниципальные образования.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Васильева Е.И., Зерчанинова Т.Е., Никитина А.С. (2021). Гражданская активность и участие молодежи в социально-политических процессах // Вопросы управления. № 6. С. 67–80.

Введение

Проблема вовлечения молодежи в социально-политические процессы как на государственном, так и на муниципальном уровне становится все более актуальной. В последнее время в научном сообществе большое внимание уделяется вопросам изучения социально-политической активности молодежи как особой социальной группы, актору социально-политических процессов в стране. Социально-политические ценностные ориентации и установки, настроения и паттерны поведения молодежи становятся объектом пристального внимания и изучения российских и зарубежных социологов и политологов.

В связи с этим актуальным является исследование опыта и потребности участия современной российской молодежи в социально-политических процессах, различных формах политической и социальной активности молодежи, гражданских инициатив молодежи, а также исследование факторов, влияющих на позитивную, конструктивную социально-политическую активность современной молодежи.

Цель исследования – проанализировать современные формы участия молодежи в социально-политических процессах, определить факторы, способствующие и препятствующие активному участию молодежи в социально-политических процессах, выявить основные тренды гражданской активности российской молодежи.

Обзор литературы

В последнее время возросло количество научных исследований, посвященных социально-политическому участию и вовлечению граждан в решение актуально значимых вопросов на различных уровнях публичного управления [1–6]. Рост академического интереса к анализу практики вовлечения граждан в процесс разработки и принятия программ, проектов и иных решений органов власти

и местного самоуправления обусловлен развитием горизонтально организованных форм управления, то есть механизмов учета мнения граждан, бизнеса, общественных организаций при принятии государственных или муниципальных решений [7–9].

Вместе с тем развитие гражданской активности молодежи позволяет ознакомить молодых людей в раннем возрасте с проблемами местного сообщества и подготовить будущих гражданских активистов. Кроме того, это формирует понимание возможностей и доверительного отношения с органами власти и управления [10–11].

Феномены гражданской активности [12; 13] и гражданского участия [14; 15] нашли отражение также в работах российских авторов. В данной статье под гражданской активностью молодежи понимается деятельность, направленная на решение социально-политических проблем локального сообщества или общества в целом, осуществляемая по инициативе самой молодежи (гражданские инициативы) либо путем участия молодежи в предлагаемых акциях, мероприятиях, проектах.

Гражданская активность молодежи представляет собой широкий спектр форм деятельности, который достаточно трудно определить количественно. Это связано с постоянно развивающимися средствами коммуникации между людьми и особенностями их функционирования.

Для приведения множества форм гражданской активности в систематический вид, авторами разработана классификация форм гражданской активности по социальному и политическому направлениям (табл. 1).

Несмотря на то что термины «участие граждан» и «вовлечение граждан» часто используются как синонимы, следует рассмотреть различия в трактовке указанных понятий. Ключевое отличие состоит в том, какую роль играют граждане во взаимодействии с органами управления. При вовлечении граждан иници-

Таблица 1 – Классификация форм гражданской активности молодежи по направлениям**Table 1** – Classification of forms of civic engagement of youth by directions

№	Социальные формы	Политические формы
1	Участие в благоустройстве территорий	Участие в проведении избирательных кампаний
2	Сбор средств, вещей для нуждающихся	Участие в митингах, демонстрациях, акциях протеста
3	Благотворительность	Членство в политических партиях
4	Участие в территориальном общественном самоуправлении	Членство в общественных молодежных организациях
5	Участие в забастовках	Политический блоггинг

циатором взаимодействия выступают публичные субъекты (органы государственной власти, органы местного самоуправления). Вовлечение граждан – это инициатива «сверху вниз», исходящая от публично-правовых образований. Например, органы местного самоуправления привлекают местное сообщество к рассмотрению проектов муниципальных правовых актов на публичных слушаниях, проводят опросы граждан и т. д. В свою очередь участие граждан охватывает те формы, которые исходят от самих граждан, то есть речь идет о процессе инициации решений «снизу вверх».

Специфической чертой гражданского участия молодежи в настоящее время является активное использование цифровых технологий. По мнению исследователей, молодежь ценит цифровые технологии не только как способ получения информации о проблемах местного сообщества, но и как средство общения, обсуждения с другими, выражения позиции по различным волнующим молодежь вопросам [16–18]. При этом молодежь в различных странах в большей степени отдает предпочтение тому или иному средству цифровой коммуникации, а региональная дифференциация очень высока [19–24]. «Использование социальных сетей для гражданского участия позволяет молодежи обойти взрослые правила игры» [25] и создать альтернативное молодежное гражданское пространство [26–29].

Все вышеуказанное свидетельствует о существенной трансформации гражданского участия молодежи в настоящее время и необ-

ходимости более глубокого эмпирического анализа происходящих процессов.

Методология и методы

Методологической основой исследования является деятельностный подход. На его основе были изучены практический опыт, потребность и готовность российской молодежи в участии в социально-политических процессах на муниципальном уровне, различные формы и стратегии социально-политического поведения, степень вовлечения молодежи в социально-политические и гражданско-правовые практики.

При проведении исследования использован комплекс количественных и качественных методов: анализ статистических данных, анализ официальных документов, анкетный опрос и экспертное интервью.

Для изучения практики социально-политического участия молодежи исследовательским коллективом под руководством Т. Е. Зерчаниновой в октябре–декабре 2020 года был проведен анкетный опрос молодежи России во всех федеральных округах в возрасте 14–30 лет ($n = 2\,026$ человек). В январе 2021 года было проведено экспертное интервью, опрошено 30 специалистов из вузов, молодежных организаций, органов государственной власти и местного самоуправления, осуществляющих работу с молодежью.

Результаты и обсуждение

Для изучения специфики участия молодежи в социально-политических процессах на муниципальном уровне респондентам было предложено ответить на несколько вопросов, касающихся их уровня, форматах и степени вовлеченности в социально-политические и гражданские процессы в целом, степени удовлетворенности теми или иными сторонами жизни в муниципальном образовании.

Полученные результаты свидетельствуют о том, что современная российская молодежь достаточно активно проявляет свои социально-политические и гражданские позиции (табл. 2). При этом пассивную гражданскую позицию занимает всего лишь 13,2 % опрошенных респондентов. Данные выводы, на наш взгляд, говорят о трансформации характера гражданской активности современной российской молодежи.

Таблица 2 – Гражданская позиция современной российской молодежи в ответах респондентов

Table 2 – Civil position of modern Russian youth in the answers of respondents

№	Варианты ответов	Доля, %
1	Скорее активная	39,6
2	Активная	26,3
3	Скорее пассивная	12,2
4	Пассивная	13,2
5	Затрудняюсь ответить	8,7
Всего:		100,0

Отметим, что полученные результаты анкетного опроса молодежи совпали с экспертным мнением. Экспертам было предложено оценить по пятибалльной шкале актуальное состояние социально-политического и гражданского участия молодежи в местном самоуправлении. Выявленная средняя оценка – 3,3 балла, что говорит об относительно средней активности молодежи.

Эксперт 1: Мне кажется состояние на «три с половиной», но здесь стоит сделать пометку, очень много «хайпа» и очень немного реальных действий со стороны молодежи, которые позволяют как-то изменить реальность.

Эксперт 2: В свое время, когда мы проводили исследование студенческой молодежи, около 10 лет назад, участвовало меньше 1 % студентов, которые хоть как-то вовлечены в общественно-политическую деятельность.

Эксперт 13: 3 балла. Я считаю, что сейчас молодежь начинает интересоваться проблемами, но активное участие отсутствует. Безусловно, есть участие в интернет-пространстве с помощью репостов, лайков, обсуждения в комментариях, но реальных дел, выступлений, предложений, участия в публичных слушаниях не представлено.

Эксперт 14: 2 балла. В большинстве случаев сформированные органы самоуправления не ведут активной деятельности или имеют низкий уровень самостоятельности (т. е. темы проектов и заседаний продиктованы свыше).

Эксперт 17: 1 балл, так как большинство не заинтересованы в решении жилищных, земельных и иных проблем муниципалитета, не обладают должными знаниями по полномочиям, коммуницируют с органами местного самоуправления только в последнем случае.

Эксперт 20: Наверное 3 балла. Можно сказать о том, что участвует, но не во всех формах, которые предлагают органы власти.

Среди экспертов, назвавших позитивные оценки, в большей степени отмечается социально-политическая и гражданская зрелость современной молодежи, ее творческая направленность, активность.

Эксперт 5: На твердую «четыре». Ребята в последнее время очень активны и самостоятельны.

Эксперт 8: Пассивности, какого-то равнодушия молодежи я не вижу. В целом появляется активная часть молодежи, которая может и хочет участвовать, но не дают ей такую возможность, поэтому на «4».

Эксперт 16: На «5», потому что уровень вовлеченности молодежи за все века жизни человека на сегодняшний день самый пиковый, самый массовый, самый мобильный, интерактивный во всех процессах.

Эксперт 29: На «четверку» по пятибалльной шкале, не на «пятерку» абсолютно точно, потому что это спорадическая активность, она с определенными периодами происходит и вовлекает далеко не всех. Понятно, что 95 % вообще остаются инертными и не вовлекаются, но, с другой стороны, это очень высокая активность, которая ярко выделяется на фоне того, что было раньше.

Социально-политическое участие в жизни города, муниципального района напрямую взаимосвязано с уровнем и степенью удовлетворенности социально-экономическими, политическими, культурно-досуговыми, спортивными, бытовыми сторонами жизни муниципального образования. Поэтому мы задали молодым респондентам вопрос об удовлетворенности различными сторонами жизни города (села) (табл. 3).

В наибольшей степени молодёжь устраивает: наличие возможностей для занятий спортом (64 %); качество услуг учреждений культуры и досуга (58 %); качество услуг учреждений образования в городе (55,6 %); состояние межнациональных отношений в городе (53,2 %). В наибольшей степени её не удовлетворяет: качество муниципальных дорог (59,8 %); экологическая ситуация в городе/селе (57,7 %); качество услуг ЖКХ (52,5 %).

Таблица 3 – Удовлетворенность качеством жизни жителей в своем родном городе (селе), %

Table 3 – Satisfaction with the quality of life of residents in their hometown (village), %

№	Сторона жизни	Да	Нет	Затрудн. ответить
1	Экологическая ситуация	34,6	57,7	7,7
2	Возможности для развития бизнеса, предпринимательства	38,9	46,7	14,4
3	Социально-политическая ситуация	41,5	42,8	15,7
4	Межнациональные отношения	53,2	34,6	12,2
5	Уровень развития демократии, прав и свобод граждан	39,7	44,9	15,4
6	Уровень благоустройства, освещения и озеленения	49,0	42,8	8,2
7	Качество муниципальных дорог	31,2	59,8	9,0
8	Качество услуг ЖКХ	36,0	52,5	11,5
9	Качество услуг учреждений культуры и досуга	58,0	35,6	6,4
10	Качество услуг учреждений образования	55,6	35,6	8,8
11	Возможности для занятости и досуга молодежи	53,5	38,4	8,1
12	Возможности для занятий спортом	64,0	29,5	6,5

Таким образом, можно предположить, что наличие сфер жизни, которыми не удовлетворена современная молодежь, становится предпосылкой для формирования гражданской активности: желание исправить сложившуюся ситуацию, помочь родному городу становится фактором активного участия в жизни муниципального образования.

Рассмотрим формы участие молодежи в социально-политических процессах на муниципальном уровне. В результате проведенного исследования выявлено, что наиболее популярными и востребованными институтами социально-политического и гражданского участия среди российской молодежи оказались: участие в мероприятиях для молодежи (конкурсах, форумах, конференциях) (58,4 %), участие в благотворительности (56,8 %), волонтерство (54,8 %), сбор средств, вещей для людей, попавших в тяжелое положение (52,5 %) (табл. 4).

Таким образом, по результатам анкетного опроса, проведенного в октябре–декабре 2020 года, участие молодежи в социальных формах гражданской активности более популярно, нежели в политических. Однако эксперты при ответе на данный вопрос разделились во мнениях: одни выделяют доминирование политических форм, другие – социальных.

Эксперт 1: Политическая сфера достаточно активна, но это, опять же, не совсем политика. Это, в большей степени, обостренное чувство социальной несправедливости, ощущение подрезанных возможностей, при этом это все основывается на эго-интересах.

Эксперт 16: Больше всего напрямую или опосредовано – это политическая повестка... Всё, что около политики или в политике; так или иначе, молодые люди чувствуют себя сопричастными к тому, что происходит. И даже если особо не разбираются в этом, экспертами не являются (чаще всего так и происходит), вот они активно ее поддерживают.

Эксперт 28: Сегодня эта активность однозначно в политике. Это больше регионы волнует, в Москве это уже было, это традиционно, поскольку я в основном изучаю регионы. У меня создается впечатление, что приобщились к некоторым формам участия те, кто не участвовал до этого времени. Все эти протестные митинги прошли в защиту Навального, и, как показывают социологические опросы, там примерно чуть меньше половины тех, кто ни разу ранее на митинги не ходил. Что это значит: они раньше не ходили, а теперь пришли. И степень этого участия повысилась. Но это не совсем управление, это протестная активность, то есть они хотят влиять на что-то, но власть этому сопротивляется. Вот эта форма активности есть, хотя она могла бы быть использована, чтобы не было этих протестов, пока мы не видим этого.

В то же время эксперты все же считают, что позитивная социальная и, в особенности, творческая активность современной молодежи также присутствует.

Эксперт 2: В политике молодежь не активна в принципе, а во всех остальных сферах – и в социальных сферах, и в бизнесе – молодежь достаточно активно представлена.

Таблица 4 – Популярные формы участия молодежи в социально-политических процессах на муниципальном уровне в ответах респондентов, %**Table 4** – Popular forms of youth participation in socio-political processes at the municipal level in the respondents' answers, %

Мероприятия	Да	Нет
Участие в мероприятиях для молодежи (конкурсах, форумах, конференциях)	58,4	41,6
Участие в благотворительности	56,8	43,2
Волонтерство	54,8	45,2
Сбор средств, вещей для людей, попавших в тяжелое положение	52,5	47,5
Коллективное благоустройство подъездов, домов, детских площадок, окружающих территорий	49,0	51,0
Онлайн активность по вопросам жизни страны, региона, Вашего населенного пункта	48,3	51,7
Флешмобы	45,3	54,7
Участие в деятельности общественных организаций	45,1	54,9
Подписание обращений, петиций по поводу событий в жизни страны, региона, Вашего населенного пункта	39,3	60,7
Помощь в организации и проведении избирательной кампании в Вашем городе (селе)	32,6	67,4
Участие в деятельности молодежной думы/молодежном совете при органах местного самоуправления	30,5	69,5
Участие в митингах, демонстрациях, пикетах по поводу событий в жизни страны, региона, Вашего населенного пункта	28,5	71,5
Участие в деятельности политических партий, движений, профсоюзных организаций	26,1	73,9
Участие в работе домкомов, кооперативов, местном общественном самоуправлении	20,3	79,7
Участие в забастовках	17,6	82,4

Эксперт 3: Позитивная активность очень хорошо представлена в социальной сфере: это как раз и сфера молодежной политики, работа с людьми с ограниченными возможностями по здоровью, незащищенные слои населения. Есть различные (конструктивные и деструктивные в том числе) активности, связанные с политической сферой, и это хорошо, потому что так или иначе молодежи нужно развиваться и в этой сфере. В бизнесе, наверное, в меньшей части, больше в социально-политической.

Эксперт 14: По линии Российского движения школьников, можно говорить о высоком уровне вовлеченности в решение проблем именно социальной сферы. (Проекты «РДШ-Территория самоуправления», «Добро не уходит на каникулы», «Акции в формате Дней единых действий» и др.).

Эксперт 15: Я считаю, что больше в общественной сфере, волонтерство – это самый большой пласт все-таки. И конечно талантливая молодежь, любые формы одаренной молодежи от художественно-творческой направленности до научной, проектной, социальной, будем называть это творческая молодежь. И еще, очень популярны сейчас спортивные молодежные активности: сейчас молодежь за ЗОЖ, за фитнес.

Эксперт 16: Думаю, что это то, что можно назвать одним словом – творчество. Это любое проявление информационной активности с надеждой на то, что это принесет материальную выгоду.

Эксперт 27: Социальная... Волонтерство, благотворительность – это, безусловно, есть, и российская власть в последнее время это активно культивирует, отчасти сказывается, что ценностные прелюдии достаточно альтруистические, мотивированные, ценности поддержки животных, ценности защиты чьих-то прав, они находят у них поддержку и отклик. Эта активность достаточно высокая. Политическая и предпринимательская по моим ощущениям – нет.

Среди мероприятий, организованных молодыми людьми самостоятельно, наиболее популярными также оказались мероприятия социально-ориентированной направленности: субботник, уборка двора (22,1 %), посадка деревьев и других зеленых насаждений (12,5 %). В разрезе по регионам РФ, наибольшую активность в этом направлении проявляют Северо-западный, Уральский и Центральный федеральные округа.

Респонденты, у которых есть дети, в меньшей степени вовлекаются в социально-поли-

тическую жизнь и в меньшей степени проявляют гражданскую активность. На наш взгляд, это обусловлено преобладанием семейных ценностей над гражданскими, отсутствием или недостатком свободного личного времени. По результатам проведенного опроса гражданская активность в наибольшей степени проявляется молодыми людьми, проживающими в городской местности. В сельской местности наиболее популярны мероприятия, связанные с благоустройством территории, совместной ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций.

Также в ходе исследования была выявлена готовность респондентов принять участие в мероприятиях по благоустройству территорий (рис. 1).

В целом можно констатировать достаточно высокий уровень внутренней готовности молодых людей принимать участие в организованных акциях по благоустройству территорий. Но большую активность демонстрирует молодежь в возрасте 26–30 лет. Наиболее активны и инициативны молодые респонденты Южного (60,9 %), Сибирского (53,8 %), Северо-западного (52,4 %), Уральского (47,9 %) федеральных округов РФ.

Одним из популярных социальных институтов гражданского участия молодежи по результатам социологического опроса является участие в благотворительности – как индивидуально, так и с семьей, друзьями, родственниками, коллегами. Отметим, что индивидуальные формы в большей степени популярны, нежели участие через благотворительные акции, блогеров, благотворительных активистов, религиозные организации.

Социально-гражданская активность молодежи тесно связана с участием молодых граждан в деятельности современных обществен-

ных объединений. Именно объединенные молодежные структуры, как правило, чаще вступают во взаимодействие с органами местного самоуправления.

На сегодняшний день в России существует несколько типов общественно-политических объединений, доступных для вовлечения молодежи, среди которых: 1) молодёжно-политические организации как объединения, дублирующие органы государственной власти; 2) молодежные крылья политических партий; 3) независимые общественно-политические организации.

К молодежно-политическим организациям относятся органы молодежного самоуправления: Молодежные Парламенты, Правительства и Избирательные комиссии регионов, а также «молодежные дублеры» федеральных органов. Они обеспечивают не только образовательную функцию, но и совещательную, когда молодые граждане должны разобраться в социальной проблеме и объяснить позицию молодежи, вовлечь в ее решение.

Мы изучили опыт общественной деятельности российской молодежи. Как показали результаты опроса (рис. 2), чаще всего молодежь реализует свой гражданско-общественный потенциал во время учебы (50,8 %), по месту работы (32,6 %), по месту жительства (27,1 %). Таким образом, можно предположить, что образовательные учреждения (школы, вузы) являются благоприятной средой для формирования гражданских инициатив в молодежных сообществах.

Что же влияет на формирование социально-политической активности современной молодежи? Какие факторы способствуют, а какие препятствуют формированию её позитивной, конструктивной социально-политической активности?

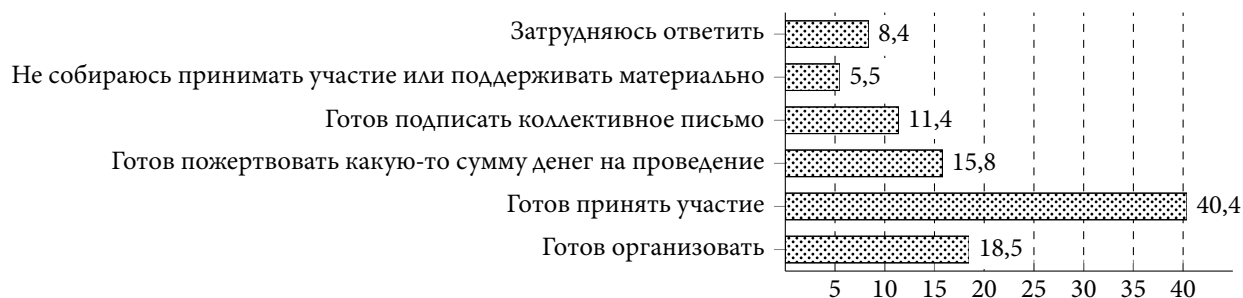

Рисунок 1 – Готовность молодежи собраться и привести в порядок собственный двор

Figure 1 – Willingness of youth to get together and tidy up their own yard

Рисунок 2 – Опыт общественной деятельности российской молодежи, %

Figure 2 – Experience of social activities of Russian youth, %

По результатам анкетного опроса молодежи, в числе препятствующих факторов называли: безразличие к общим делам (35,2 %), недостаток времени, чрезмерная занятость (34,5 %), индивидуализм (31,6 %), неверие в возможность оказывать влияние на принятие решения (31,5 %), отсутствие организации (24,1 %), которая поможет реализовать намеченные идеи и инициативы, которая выступит в роли «проводника» между властью и неорганизованной группой молодежи. Низкий уровень доверия органам власти (21,1 %) и низкий уровень гражданско-правовой грамотности (20 %) также отрицательно влияют на гражданскую активность молодежи.

По мнению экспертов, к факторам, препятствующим формированию конструктивной активности молодых граждан, можно отнести остросоциальные негативные настроения в современном обществе, в особенности чувство острой социальной несправедливости, чрезмерную протестную и антироссийскую пропаганду в социальных сетях, негативную новостную повестку в СМИ, отсутствие понимания карьерных и жизненных перспектив, понижение качества жизни. Также к этому перечню факторов можно отнести слабо развитую культурно-досуговую и образовательную молодежную инфраструктуру, особенно в небольших муниципальных образованиях, разные стартовые возможности у молодежи для социально-политической самореализации, погруженность в рутину жизни, «бытовые нужды».

Эксперт 1: Во-первых, на гражданскую активность влияет общая компетентность, знания, что можно, что нельзя, но сейчас эти знания очень сильно подрываются, даже если они присутствуют, нет регулирующего мо-

мента, «я знаю, что нельзя, но я все равно буду делать, потому что мне так хочется». Во-вторых, острое чувство социальной несправедливости. Очень сильно влияют события, подогреваемые новостями, потому что новостной контент идет крайне эмоционально насыщенным, новости перестают быть новостями, они становятся пропагандой, разобратся реально в политической ситуации с молодежью бывает крайне невозможно, «эмоционального мусора» и «информационного мусора» крайне много, много фальсификаций.

Эксперт 12: Отсутствие понимания перспектив: кадровая система не отработана, понятной системы ротации у молодежи нет.

Эксперт 13: Повышение (понижение) качества жизни напрямую влияет на социально-политическую активность молодежи. Когда человеку нечего есть, он задумывается, в первую очередь, о еде, о первичных потребностях, здесь не до гражданской активности. А когда у человека уже есть вторичные потребности и иные ступени по иерархии Маслоу, уже появляется необходимость проявлять себя.

Эксперт 25: Зависит очень много и от типа самой молодежи: для рабочей – это одни факторы, для студенческой – другие, для школьной – третьи. Но если попробовать обобщить, то влияет в целом инфраструктура, системная политика. Если она есть, то молодежь очень вовлечена и комфортно себя чувствует, если ее нет, то возникают проблемы.

Эксперт 26: Влияет, в первую очередь, то, что стоит на информационной, новостной повестке, молодежь очень быстро реагирует на это.

Эксперт 29: Препятствует погруженность в «бытовуху» всегда, это не только у молодежи надо понимать, но у молодежи это

обостренно. Что такое нахождение в молодежном возрасте? Когда у тебя нет семьи, чаще всего, нет образования, нет машины, квартиры и пр., у тебя ничего нет, твоя задача – обеспечить как-то этот капитал. Это нормальные достижительные жизненные стратегии. Соответственно, для того чтобы все эти вещи получить, надо очень много учиться, работать, стараться, а это занимает очень большое количество времени и требует жизненных сил. Гражданская активность заведомо не может всего этого принести, она делается только если ты что-то считаешь важным, правильным, на нее остается очень мало времени. Фактор «бытовухи» очень сильно ограничивает социально-политическую активность.

К основным факторам, в наибольшей степени способствующим формированию конструктивной активности молодых граждан, по мнению респондентов, стоит отнести гарантии того, что эта деятельность принесет результаты (44 %) и возможность заработать (40,6 %).

По мнению экспертов, к факторам, в наибольшей степени способствующим формированию конструктивной активности молодых граждан, можно отнести влияние общего уровня ее компетентности и осведомленности, уровня правовой грамотности, большое количество культурных организаций (клубов, кружков), общественных организаций, движений, наличие доступных приёмных, налаженных механизмов обратной связи, прозрачное правовое поле, а также наличие морально-нравственных, позитивных ценностей среди молодежи.

Эксперт 4: Наличие культурных организаций (клубы, кружки), общественные организации, движения так же способствуют проявлению гражданской позиции.

Эксперт 7: Сейчас много доступных приёмных, налажены механизмы обратной связи.

Эксперт 18: Способствует прозрачное правовое поле, когда есть разные возможности молодежи. Если молодежь будет с разными возможностями, то у них появляются разные шансы проявить себя через выборы, через свободное выражение своего мнения, проведение акций, творческих проектов. Вот это будет

вовлечение нормальное, через политклубы, киноклубы, например, где молодежь может прийти и спокойно выразить свое мнение.

Эксперт 19: Мотивируют ценности добра, то есть мы что-то делаем просто потому, что считаем это правильным, заботимся о тех же животных, также мотивирует ситуация острой несправедливости.

Эксперт 30: 100 %, что на гражданскую активность молодежи влияет потребляемый ею контент. Все это одновременно как способствует, так и препятствует развитию гражданской активности молодежи. Кто-то говорит, что надо активно принимать участие, а кто-то говорит, что не нужно этого делать.

Таким образом, результаты анкетного опроса во многом сошлись с результатами экспертного интервью.

Анализируя тренды и прогнозы социально-политической вовлеченности российской молодежи в социально-политические процессы на муниципальном уровне в ближайшие 5–10 лет, мы обратились к экспертному мнению. Экспертам было предложено ответить на вопрос «Какой бы Вы сделали прогноз относительно доминирующих форм социально-политической активности через 5–10 лет»? По мнению большинства экспертов, доминирующие позиции будут занимать политические формы (в том числе нелегитимные). Популярными станут новые формы гражданской активности, такие как перфомансы, флешмобы, уличные мероприятия, онлайн-активность. Повысится количество молодых предпринимателей, особенно в IT-сфере. Наблюдаются активные тренды на цифровизацию молодежной гражданской активности. Популярными также остаются выборы, электоральная активность молодежи, но недостаточно популярно среди молодежи обращение граждан в органы местной власти. Говоря о негативных прогнозах, эксперты назвали угрозы чрезмерной виртуализации молодежи, что может вылиться в развитие социального аутизма и рост миграционной активности молодежи за границу.

Заключение

Анализируя результаты экспертного интервью и анкетного опроса, можно выделить механизмы вовлечения молодежи в социально-

политические процессы на муниципальном уровне.

В первую очередь, эксперты выделяют необходимость диалога между молодежью, молодежными объединениями и органами местного самоуправления на основе доверия с помощью каналов коммуникации между молодежью и властью. Такими каналами сегодня становятся прямые эфиры главы города, открытый *Instagram*-канал администрации, ведение *Twitter*'а со свободным языком и т. п.

По мнению экспертов, также необходима понятная и прозрачная кадровая работа, которая помогла бы в решении вопросов построения карьерных перспектив, а также грамотно выстроенное идеологическое воспитание и пропаганда. Эксперты солидарны в том, что необходимо привлекать молодых кадров, у которых «горят глаза», у которых есть желание что-то менять в работе в органах власти и в органах местного самоуправления, и давать им чуть больше возможностей, чем просто обычные функции, давать возможность работать непосредственно с молодежью.

С точки зрения опрошенных экспертов, также требует модернизации существующая система организации молодежной активности. По мнению одного из экспертов, нужно убирать старые форматы активности (например, выступления в актовом зале школах). Это давно уже устарело, это убивает желание молодежи проявлять свою инициативу и креативность. Как только мы уберем навязывание своих форматов у школы и у вуза, то мы столк-

немся с тем, что у молодежи много своих гражданско-политических идей, которые они хотят реализовывать.

Вместе с тем необходимо и поощрение гражданской активности современной молодежи, грантовая поддержка, поддержка некоммерческих объединений, физических лиц, студентов, студенческих сообществ с тем, чтобы молодежь принимала участие в общественной жизни города, в принятии управленческих решений.

Также эксперты обратили внимание на источники информации, с которыми работают молодые люди. По мнению экспертов, механизмов вовлечения достаточно много, важно, чтобы молодые люди имели возможность правильно обрабатывать информацию, правильно искать источники, правильно смотреть на экспертизу, чтобы не стать объектом манипуляций.

Таким образом, проанализировав экспертные мнения, можно сделать вывод, что применение предложенных механизмов позволит значительно повысить уровень вовлеченности современной молодежи в местное самоуправление. Необходимо развивать соответствующую социально-гражданскую инфраструктуру, правовое поле, создавать комьюнити-центры и площадки для организации эффективного и взаимного диалога между органами местного самоуправления, молодежью, общественными организациями для продуктивного диалога в решении вопросов участия в социально-политических процессах.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Cheema G.S. (2010). Building trust in government: An introduction. In: Cheema G.S., Popovski V. (eds.) Building trust in government: Innovations in governance reform in Asia. New York: United Nations University Press, pp. 1–21.
2. Barrett M., Pachi D. (2019). Youth Civic and Political Engagement. London: Routledge, 180 p.
3. Bennet W.L., Freelon D., Wells C. (2010). Changing Citizen Identity and the Rise of a Participatory Media Culture. In: Sherrod L.R., Torney-Purta J., Flanagan C.A. (eds.) Handbook of Research on Civic Engagement in Youth. John Wiley & Sons, pp. 393–423.
4. Burgess J., Foth M., Klæbe H. (2006). Everyday Creativity as Civic Engagement: A Cultural Citizenship View of New Media. In: Papandrea F. (ed.) Proceedings 2006 Communications Policy & Research Forum. Sydney: Network Insight Institute, pp. 1–16.
5. Couldry N., Jenkins H. (2014). Participations: Dialogues on the Participatory Promise of Contemporary Culture and Politics, *International Journal of Communication*, no. 8, pp. 1107–1112.
6. Couldry N., Mejias U.A. (2018). Data Colonialism: Rethinking Big Data's Relation to the Contemporary Subject, *Television & New Media*, vol. 20, no. 4, pp. 336–349.
7. Norris P. (ed.) (1999). Critical Citizens: Global Support for Democratic Governance. Oxford: Oxford University Press. 320 p.
8. Norris P., Walgrave S., Van Aelst P. (2005). Who

Demonstrates? Antistate Rebels, Conventional Participants, or Everyone? *Comparative Politics*, vol. 37, no. 2, pp. 189–205.

9. Houston D.J., Harding L.H. (2014). Public trust in government administrators explaining citizen perceptions of trustworthiness and competence, *Public Integrity*, vol. 16, no. 1, pp. 53–76.

10. Middaugh E., Clark L.S., Ballard P.J. (2017). Digital Media, Participatory Politics, and Positive Youth Development, *Pediatrics*, no. 140, supp. 2, pp. 127–131.

11. Metzger A., Ferris K.A., Oosterhoff B. (2019). Adolescents' Civic Engagement: Concordant and Longitudinal Associations among Civic Beliefs and Civic Involvement, *Journal of Research on Adolescence*, vol. 29, no. 4, pp. 879–896.

12. Соколов А.В. (2021). Развитие гражданской активности в России в условиях цифровой трансформации // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. № 2. С. 68–74.

13. Зотов В.В., Боев Е.И., Василенко Л.А. (2021). Гражданская активность населения в социально-сетевом пространстве региона // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. Т. 11. № 2. С. 203–216.

14. Какабадзе Ш.Ш., Зайцев Д.Г., Звягина Н.А., Карастелев В.Е. (2011). Институт гражданского участия: проверка деятельностью субъектов // Полис. Политические исследования. № 3. С. 88–108.

15. Никовская Л.И., Скалабан И.А. (2017). Гражданское участие: особенности дискурса и тенденции реального развития // Полис. Политические исследования. № 6. С. 43–60.

16. Cammaerts B. (2008). Critiques on the Participatory Potentials of Web 2.0, *Communication, Culture and Critique*, vol. 1, no. 4, pp. 358–377.

17. Cohen C., Kahne J. (2012). Participatory Politics: New Media and Youth Political Action, Youth and Participatory Politics Research Network.

18. Kahne J., Lee N.-J., Feezell J.T. (2013). The Civic and Political Significance of Online Participatory Cultures among Youth Transitioning to Adulthood, *Journal of Information Technology & Politics*, vol. 10, no. 1, pp. 1–20.

19. Third A., Conrad D., Moody L., McDonald K. (2020). Digital Media and Adolescent Engagement for Social and Behavioural Change: A Rapid Evidence Review (UNICEF/Western Sydney University). URL: <https://www.unicef.org/media/72436>

/file/Digital-civic-engagement-by-young-people-2020_4.pdf.

20. Anderson M., Jiang J. (2018). Teens, Social Media & Technology 2018. Pew Research Center: Internet & Technology. URL: <https://www.pewinternet.org/2018/05/31/teens-social-media-technology-2018>.

21. Perrin A., Anderson M. (2019). Share of U.S. adults using social media, including Facebook, is mostly unchanged since 2018. Pew Research Center. URL: <https://www.pewresearch.org/fact-tank/2019/04/10/share-of-u-s-adults-using-social-media-including-facebook-is-mostly-unchanged-since-2018>.

22. Purohit K. (2019). WhatsApp to Bridgefy, What Hong Kong Taught India's Leaderless Protesters. URL: <https://www.scmp.com/week-asia/politics/article/3042633/whatsapp-bridgefy-what-hong-kong-taught-indias-leaderless>.

23. Silver L., Smith A., Johnson C., Jiang J., Anderson M., Rainie L. (2019). Mobile Connectivity in Emerging Economies. Pew Research Center: Internet & Technology. URL: <https://www.pewinternet.org/2019/03/07/mobile-connectivity-in-emerging-economies>.

24. Zhong R. (2019). TikTok Blocks Teen Who Posted About China's Detention Camps, *New York Times*. URL: <https://www.nytimes.com/2019/11/26/technology/tiktok-muslims-censorship.html>.

25. South J. (2018). Civic Engagement Goes Viral When Young Voices Turn to Social Media. URL: <https://medium.com/office-of-citizen/civic-engagement-goes-viral-when-young-voices-turn-to-social-media-ea57ed0c5d65>.

26. Sengupta S. (2019). Protesting Climate Change, Young People Take to Streets in a Global Strike, *New York Times*. URL: <https://www.nytimes.com/2019/09/20/climate/global-climate-strike.html>.

27. Johnson M. (2019). Teenage Climate Activists Are Getting Harassed Online. The Hill. URL: <https://thehill.com/homenews/news/463075-teenage-climate-activists-are-getting-harassed-online-report>.

28. Ito M., Martin C., Pfister R.C., Rafalow M.H., Tekinbaş K.S., Wortman A. (2019). Affinity Online: How Connection and Shared Interest Fuel Learning. New York: University Press. 256 p.

29. Chen W. (2014). Taking Stock, Moving Forward: The internet, social networks and civic engagement in Chinese societies, *Information, Communication and Society*, vol. 17, no. 1, pp. 1–6.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Васильева Елена Игоревна – Уральский институт управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (620144, Россия, Екатеринбург, ул. 8 Марта, 66); vasilyeva-ekb@yandex.ru.

Зерчанинова Татьяна Евгеньевна – Уральский институт управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (620144, Россия, Екатеринбург, ул. 8 Марта, 66); zerchaninova-te@ranepa.ru.

Никитина Алена Сергеевна – Уральский институт управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (620144, Россия, Екатеринбург, ул. 8 Марта, 66); nikitina-as@ranepa.ru.

CIVIC ENGAGEMENT AND YOUTH PARTICIPATION IN SOCIO-POLITICAL PROCESSES

E.I. Vasileva^{4a}, T.E. Zerchaninova^{5a}, A.S. Nikitina^{6a}

^aRussian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

ABSTRACT:

Research problem. The study of the socio-political activity of young people, the socio-political attitudes of young people is becoming increasingly important. This article is devoted to the problems of socio-political and civic participation of youth at the municipal level.

The purpose of the study is to analyze modern forms of youth participation in socio-political processes at the municipal level, to determine the factors that promote and hinder the active participation of young people in socio-political processes, to identify the main trends in the civic engagement of Russian youth at the municipal level.

Methodology and methods. The methodological basis of this study is the activity approach. During the study, a complex of quantitative and qualitative methods was used: analysis of statistical data, analysis of official documents, a survey and an expert interview. In October–December 2020, a survey of Russian youth aged 14–30 was conducted (n = 2026 people). In January 2021, an expert interview was conducted with 30 experts in the field of youth policy and youth civic participation.

Research results. The experience and the need for the participation of modern Russian youth in socio-political processes at the municipal level, various forms of political and social activity of youth at the municipal level, civic initiatives of youth are revealed. An expert assessment of the state and problems of civic participation of young people in local self-government, the involvement of young people in socio-political processes at the municipal level was obtained. According to most experts, in the near future, new forms of civic activity, such as performances, flash mobs, street events, and online activity, will become popular. There are trends in the digitalization of youth civic engagement.

Scientific novelty. The author's definition and classification of the forms of civic engagement of young people is proposed. The facts characterizing the experience and the need for civic participation of youth in local self-government are stated. New empirical data on various forms of participation have been obtained, popular forms of youth participation in socio-political processes have been identified. The factors influencing the positive, constructive socio-political activity of modern youth have been established.

Practical significance. The results are important for the development of social and political knowledge in terms of assessing the state and problems of civic participation of young people in local government, as

⁴RSCI AuthorID: 215177, ORCID: 0000-0003-3475-5412

⁵RSCI AuthorID: 326908, ORCID: 0000-0002-1582-1982

⁶RSCI AuthorID: 724431, ORCID: 0000-0002-3804-4952

well as for determining modern trends in civic engagement of young people. The research results can serve as a basis for improving work with youth in municipalities.

FUNDING: The reported study was funded by the Russian Foundation for Basic Research and Social Research Expert Institute, project № 20-011-31551.

KEYWORDS: youth, civic participation, civic engagement, socio-political processes, municipalities.

FOR CITATION: Vasileva E.I., Zerchaninova T.E., Nikitina A.S. (2021). Civic engagement and youth participation in socio-political processes, *Management Issues*, no. 6, pp. 67–80.

REFERENCES

1. Cheema G.S. (2010). Building trust in government: An introduction. In: Cheema G.S., Popovski V. (eds.) *Building trust in government: Innovations in governance reform in Asia*. New York: United Nations University Press, pp. 1–21.
2. Barrett M., Pachi D. (2019). *Youth Civic and Political Engagement*. London: Routledge, 180 p.
3. Bennet W.L., Freelon D., Wells C. (2010). Changing Citizen Identity and the Rise of a Participatory Media Culture. In: Sherrod L.R., Torney-Purta J., Flanagan C.A. (eds.) *Handbook of Research on Civic Engagement in Youth*. John Wiley & Sons, pp. 393–423.
4. Burgess J., Foth M., Klaebe H. (2006). Everyday Creativity as Civic Engagement: A Cultural Citizenship View of New Media. In: Papandrea F. (ed.) *Proceedings 2006 Communications Policy & Research Forum*. Sydney: Network Insight Institute, pp. 1–16.
5. Couldry N., Jenkins H. (2014). Participations: Dialogues on the Participatory Promise of Contemporary Culture and Politics, *International Journal of Communication*, no. 8, pp. 1107–1112.
6. Couldry N., Mejias U.A. (2018). Data Colonialism: Rethinking Big Data's Relation to the Contemporary Subject, *Television & New Media*, vol. 20, no. 4, pp. 336–349.
7. Norris P. (ed.) (1999). *Critical Citizens: Global Support for Democratic Governance*. Oxford: Oxford University Press. 320 p.
8. Norris P., Walgrave S., Van Aelst P. (2005). Who Demonstrates? Antistate Rebels, Conventional Participants, or Everyone? *Comparative Politics*, vol. 37, no. 2, pp. 189–205.
9. Houston D.J., Harding L.H. (2014). Public trust in government administrators explaining citizen perceptions of trustworthiness and competence, *Public Integrity*, vol. 16, no. 1, pp. 53–76.
10. Middaugh E., Clark L.S., Ballard P.J. (2017). Digital Media, Participatory Politics, and Positive Youth Development, *Pediatrics*, no. 140, supp. 2, pp. 127–131.
11. Metzger A., Ferris K.A., Oosterhoff B. (2019). Adolescents' Civic Engagement: Concordant and Longitudinal Associations among Civic Beliefs and Civic Involvement, *Journal of Research on Adolescence*, vol. 29, no. 4, pp. 879–896.
12. Sokolov A.V. (2021). Development of civil activity in Russia in the conditions of digital transformation, *Bulletin of the Voronezh State University. Series: History. Political science. Sociology*, no. 2, pp. 68–74.
13. Zotov V.V., Boev E.I., Vasilenko L.A. (2021). The civil activity of the population in the social and network space of the region, *Izvestiya of the South-West State University. Series: Economy. Sociology. Management*, vol. 11, no. 2, pp. 203–216.
14. Kakabadze Sh.Sh., Zaitsev D.G., Zvyagina N.A., Karastelev V.E. (2011). Institute of civil participation: checking the activities of the subjects, *Polis. Political research*, no. 3, pp. 88–108.
15. Nikovskaya L.I., Skalaban I.A. (2017). Civic participation: features of discourse and trends of real development, *Polis. Political research*, no. 6, pp. 43–60.
16. Cammaerts B. (2008). Critiques on the Participatory Potentials of Web 2.0, *Communication, Culture and Critique*, vol. 1, no. 4, pp. 358–377.
17. Cohen C., Kahne J. (2012). *Participatory Politics: New Media and Youth Political Action*, Youth and Participatory Politics Research Network.
18. Kahne J., Lee N.-J., Feezell J.T. (2013). The Civic and Political Significance of Online Participatory Cultures among Youth Transitioning to Adulthood, *Journal of Information Technology & Politics*, vol. 10, no. 1, pp. 1–20.
19. Third A., Conrad D., Moody L., McDonald K. (2020). Digital Media and Adolescent Engagement for Social and Behavioural Change: A Rapid Evidence Review (UNICEF/Western Sydney University). URL: https://www.unicef.org/media/72436/file/Digital-civic-engagement-by-young-people-2020_4.pdf.

20. Anderson M., Jiang J. (2018). Teens, Social Media & Technology 2018. Pew Research Center: Internet & Technology. URL: <https://www.pewinternet.org/2018/05/31/teens-social-media-technology-2018>.

21. Perrin A., Anderson M. (2019). Share of U.S. adults using social media, including Facebook, is mostly unchanged since 2018. Pew Research Center. URL: <https://www.pewresearch.org/fact-tank/2019/04/10/share-of-u-s-adults-using-social-media-including-facebook-is-mostly-unchanged-since-2018>.

22. Purohit K. (2019). WhatsApp to Bridgefy, What Hong Kong Taught India's Leaderless Protesters. URL: <https://www.scmp.com/week-asia/politics/article/3042633/whatsapp-bridgefy-what-hong-kong-taught-indias-leaderless>.

23. Silver L., Smith A., Johnson C., Jiang J., Anderson M., Rainie L. (2019). Mobile Connectivity in Emerging Economies. Pew Research Center: Internet & Technology. URL: <https://www.pewinternet.org/2019/03/07/mobile-connectivity-in-emerging-economies>.

24. Zhong R. (2019). TikTok Blocks Teen Who Posted About China's Detention Camps, *New York*

Times. URL: <https://www.nytimes.com/2019/11/26/technology/tiktok-muslims-censorship.html>.

25. South J. (2018). Civic Engagement Goes Viral When Young Voices Turn to Social Media. URL: <https://medium.com/office-of-citizen/civic-engagement-goes-viral-when-young-voices-turn-to-social-media-ea57ed0c5d65>.

26. Sengupta S. (2019). Protesting Climate Change, Young People Take to Streets in a Global Strike, *New York Times*. URL: <https://www.nytimes.com/2019/09/20/climate/global-climate-strike.html>.

27. Johnson M. (2019). Teenage Climate Activists Are Getting Harassed Online. *The Hill*. URL: <https://thehill.com/homenews/news/463075-teenage-climate-activists-are-getting-harassed-online-report>.

28. Ito M., Martin C., Pfister R.C., Rafalow M.H., Tekinbaş K.S., Wortman A. (2019). *Affinity Online: How Connection and Shared Interest Fuel Learning*. New York: University Press. 256 p.

29. Chen W. (2014). Taking Stock, Moving Forward: The internet, social networks and civic engagement in Chinese societies, *Information, Communication and Society*, vol. 17, no. 1, pp. 1–6.

AUTHORS' INFORMATION:

Elena I. Vasileva – Ural Institute of Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (66, 8 Marta St., Ekaterinburg, 620144, Russia); vasilyeva-ekb@yandex.ru.

Tatiana E. Zerchaninova – Ural Institute of Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (66, 8 Marta St., Ekaterinburg, 620144, Russia); zerchaninova-te@ranepa.ru.

Alena S. Nikitina – Ural Institute of Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (66, 8 Marta St., Ekaterinburg, 620144, Russia); nikitina-as@ranepa.ru.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ И ГОСУДАРСТВЕННАЯ СЛУЖБА

PUBLIC MANAGEMENT AND PUBLIC ADMINISTRATION

УРАЛЬСКАЯ ОБЛАСТЬ В ДЕКАБРЕ 1923 – ЯНВАРЕ 1934 ГГ.: ЖИЗНЬ И СУДЬБА – ПРОСТРАНСТВЕННЫЙ АСПЕКТ

М.А. Фельдман^{1а}

«Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации»

АННОТАЦИЯ:

В статье на основе анализа архивных и опубликованных источников сделаны выводы о результатах создания Уральской области в рамках реформы административно-территориального деления в СССР в 1923–1930 гг. Десятилетний период существования Уральской области (декабрь 1923 – январь 1934 гг.) стал временем эксперимента по модернизации экономики в формате планомерного пространственного размещения промышленности.

Показана роль и значение первого в СССР «Генерального плана хозяйства Урала на период 1927–1941 гг.», нацеленного на комплексное развитие региона и на строительство заводов-комбинатов на основании рационального использования сырья и полуфабрикатов во всех основных отраслях уральской экономики, даже с учетом того, что черная металлургия оставалась доминантой проекта. В процессе исследования использовались методы сравнительного анализа, обобщений, классификации. Рассмотрены вопросы о специфике развития Уральской области в годы Первой пятилетки, в частности – ход реализации не только внутрирегиональной но и межрегиональной кооперации (ускоренного строительства предприятий, входивших в состав Урало-Кузбасского комбината).

Период нэпа стал временем разработки и начала реализации вариантов Первого пятилетнего плана, позволяющих решить многие задачи раннеиндустриальной модернизации на основе сохранения многоукладной экономики; взаимодействия плана и рынка. В региональном аспекте эти планы наиболее полно были разработаны в Уральской области. В какой степени эти планы оказались выполненными в годы Первой пятилетки? Ответы на поставленные вопросы составляют основу научной задачи.

Научная новизна. Впервые представлен вывод о степени реализации плана модернизации Уральской области в годы Первой пятилетки; указан комплекс причин, обусловивших ликвидацию Уральской области, отмечены последствия такого решения.

БЛАГОДАРНОСТИ: Статья выполнена при поддержке гранта 21-09-43024 СССР «Пространственное размещение промышленности СССР в годы предвоенных пятилеток: замысел и результат».

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Урал, промышленность, пятилетка, область, комбинат, рациональность, размещение, план, регион, СССР.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Фельдман М.А. (2021). Уральская область в декабре 1923 – январе 1934 гг.: жизнь и судьба – пространственный аспект // Вопросы управления. № 6. С. 82–92.

Методология проблемы пространственного размещения промышленности

Общепринятая парадигма размещения производительных сил, способствовавшая пониманию процессов размещения производства, сформировалась в мировой экономической науке на рубеже 1920–1930-х гг. в трудах

В. Кристаллера и учеников его школы. Парадигма трактовала размещение производительных сил (в частности отдельных предприятий) с микроэкономических, «точечных» позиций, а выбор конкретного оптимального местоположения предприятия связывался с ориентацией его на минимизацию затрат, которые

¹ AuthorID РИНЦ: 460956

определяли три основных фактора — транспортный, трудовой и агломерационный.

В 1920-х гг. в СССР была разработана теория экономического ландшафта и рационального размещения промышленности, основанная на таком территориальном разделении труда, в рамках которого субъектами специализации выступают страны и отдельные регионы [3, с.113]. Исследователи приходили к выводу о том, что при соотношении территориальной организации промышленности и её пространственного размещения первое понятие шире и ее основными формами являются промышленные районы, комплексы и узлы [1, с. 32].

Эти сюжеты были рассмотрены в трудах Н. А. Ковалевского. Для советского теоретика территориальной организации экономики было очевидно, что пространственное размещение промышленности (в рамках районной теории) предполагает «не только вертикальное и горизонтальное комбинирование, но говорит о пространственном сочетании производительных сил». За центральными органами управления закреплялись руководство межрайонными отношениями через структуры планирования; руководство транспортом и связью; разработку нормативной базы; контрольно-надзорные функции [13, с. 24, 26].

Период нэпа оставил методологические разработки, позволяющие на основе научных принципов выстраивать планы пространственного размещения промышленности.

Однако, уже на рубеже 1920–1930-х гг., по мере ужесточения авторитарного режима, Советский вариант теории пространственного размещения промышленности отталкивался от понимания задач централизованной плановой экономики с возрастающей абсолютизацией процессов управления. Последние включали экономическое районирование, разработку и реализацию Генеральных схем развития и размещения производительных сил, районные планировки, территориальное планирование и управление.

Реформа административно-территориального деления и рождение Уральской области

Реформа административно-территориального деления в СССР в 1923–1930 гг. представляла собой попытку найти оптимальное

соотношение властных полномочий между регионами и центральной властью. Укрупнение регионов, прежде всего, в формате областей, близких по своим административным границам к крупным экономическим районам, привело к укреплению региональных (областных) элит и росту их влияния на положение дел в стране. Это было необходимо для проведения масштабных политических, экономических и социальных преобразований в стране, связанных с нэпом.

В рамках административно-территориальной реформы в качестве первых двух областей были использованы промышленный Урал и сельскохозяйственный Северный Кавказ. В 1923 г. была создана Уральская область, разделенная на округа и районы, а в 1925 г. образован Северо-Кавказский край с таким же внутренним делением. Вскоре были созданы Сибирский (1925) и Дальневосточный (1926) края, Ленинградская (1927), Московская (1929) и Ивановская (1929) области. В 1928 г. закончилась реорганизация Центрально-Черноземной, Средне-Волжской и Нижне-Волжской областей, затем были созданы еще четыре области (Западная, Нижегородская, Центрально-Промышленная, Ивановская) и Северный край [14, с. 123].

Объединение на основе Постановления ВЦИК СССР от 03.11.1923 четырех губерний РСФСР (Пермской, Екатеринбургской, Челябинской и Тюменской) в единую Уральскую область превращало ее в своеобразный полигон для реализации новой экономической политики в индустриально-аграрном крае с площадью 1 659 тысяч км² и населением 6 380 тысяч человек.

Позицию советского руководства по отношению к создаваемым областям в докладе о районировании на XII съезде правящей партии в мае 1923 г. выразил председатель ВСНХ СССР, зам. председателя Совнаркома и СТО СССР А. И. Рыков. (С учётом того, что председатель Совнаркома В. И. Ленин был тяжело болен, в руках Рыкова сосредоточилось руководство всей деятельностью правительства.)

По заявлению Рыкова, «управлять страной, которая насчитывает более 130 млн жителей, управлять страной, которая охватывает одну шестую часть суши, управлять ею из Моск-

вы на основе бюрократического централизма невозможно» [8, с. 468]. Во многом это объяснялось тем, подчеркивал Рыков, что «у членов центрального правительства нет знания проблем на местах, и мы часто разрешаем их без полного учета той среды и той обстановки, в которой эти вопросы возникли... Большую часть текущих вопросов можно было бы передать на окончательное разрешение областных органов... Мне думается, что всё хозяйственное развитие нашей республики и будущая система административно-хозяйственной организации Советского государства должны будут покоиться на организации областей» [8, с. 474, 477.]. Это, по мнению главы СНК СССР, не отменяло сочетания централизованного планирования и контроля за исполнением сверху с максимальной инициативой снизу.

Судя по тексту предисловия к «Обзору по итогам районирования Уральской области», изданного в Свердловске в 1924 г., руководство Уральской области ориентировалось на эти слова А. Н. Рыкова.

Уже первая областная конференция РКП(б) Уральской области в декабре 1923 г. показала достаточную степень реалистичности уральских лидеров по проблемам развития региона. В выступлении председателя Облисполкома Уральской области Д. Е. Сулимова было высказано предупреждение о предстоящей жесточайшей конкуренции металлургии Урала и Юга в силу того, что древесное топливо на Урале существенно дороже минерального топлива Донбасса. Это означало, что дореволюционная конкуренция регионов не исчезла, но «задрапировалась» в формате регионального развития внутри «социалистической экономики».

В силу этого, всё планирование развития Уральской области должно было учитывать необходимость не только выравнивания степени распределения производительных сил в стране, но и выхода на достаточный уровень самостоятельности и самодостаточности Уральского экономического района. Этим объясняется разработка первого в СССР перспективного плана развития экономики региона на долговременный период – «Генерального плана хозяйства Урала на период 1927–1941 гг. и перспективы первого пятилетия».

Генеральный план хозяйства Урала на период 1927–1941 гг.

Исследователи, отмечая особенности Генерального плана, обоснованно указывали на нацеленность документа на комплексное развитие региона. Акцент на строительство заводокомбинатов на основании рационального использования сырья и полуфабрикатов касался основных отраслей уральской экономики. Даже с учетом того, что черная металлургия оставалась доминантой проекта. Декларированная в Генеральном плане кооперация уральских железных руд и угля Кузбасса, «благодаря дешевизне кузнецкого угля и его несравненным свойствам в качестве металлургического топлива» позволяла не только заметно снизить стоимость производимого на Урале металла, но и впервые за несколько десятилетий обеспечить способность местных производителей «успешно конкурировать с металлургическими заводами Украины» [5, с. 76]. Подобное утверждение базировалось на уверенности в том, что «крайнее разнообразие естественных богатств Урала открывает для него безграничные возможности для комбинированного производства. Нигде в Союзе принципы комбинирования не имеют таких благоприятных условий» [5, с. 78].

Генеральный план предполагал формирование нового облика промышленного Урала как «целостного лесозаготовительного, горного, металлургического, металлообрабатывающего, машиностроительного, лесобумажного, полихимического, строительного комбината» [5, с. 78] с учетом рационального размещения вблизи источников сырья и возможности кооперационных связей.

Важной особенностью рассматриваемого документа являлась нацеленность на постоянную «последовательную проработку» в соответствии с изменившимися условиями. Словно защищая Генеральный план от возможных обвинений в минимализме поставленных задач, его составители подчеркивали: «он в ряде случаев минимален, составлен с запасом и имеет скрытые возможности для большого развертывания. Возможны большие отклонения в связи с хозяйственными трудностями, например, в связи с военной опасностью, вследствие неурожая и т. д.» [5, с. IV].

По-новаторски звучало и положение Генерального плана: «детальные цифры имеют в генплане не самостоятельное, а служебное значение; они нужны для иллюстрации, обоснования и проверки». Как видно, индикаторный ряд в некоторых случаях минимален, составлен с запасом и имеет скрытые возможности для большого развертывания. Количественные характеристики – масштабы и темпы хозяйственного развития – были подчинены центральной задаче: выявлению оптимальных линий развития отраслей в рамках единого уральского промышленного комплекса в рамках Уральской области [5, с. IV–V].

Многие задачи Генерального плана были сохранены в «Пятилетнем плане развития народного хозяйства Союза ССР» в разделе, касающемся Уральской области. При этом впервые вводилась идея рассмотрения ряда областей (в частности, Урала и Донецко-Криворожского района) как «крупнейших территориально-промышленных комбинатов, обеспечивающих плановость и высокую эффективность затрат общественного труда» [18, с. 16].

Первая пятилетка и проблема пространственного размещения промышленности

Другим вектором пространственного размещения промышленности стало целенаправленное приоритетное размещение производственных мощностей в Восточных регионах СССР. Показательно, что на 01.10.1928 в трех старых промышленных районах (Центрально-промышленном районе, УССР и Ленинграде) были сосредоточены 65,3 % всех основных производственных фондов государственной промышленности, тогда как к концу Первой пятилетки их доля должна была существенно сократиться до 54,7 %. В то же время, по наметкам Первого пятилетнего плана, доля Уральской области в общесоюзном промышленном производстве стремительно возрастала с 4,27 до 10,36 %. Для достижения поставленной задачи Уральскому экономическому району выделялось 12,6 % всех всесоюзных капиталовложений [18, с. 38–40, 554–555, 562–563].

Заслугой Первого пятилетнего плана была постановка проблемы не только внутрирегиональной но и межрегиональной кооперации. Так, например, осенью 1928 г. Госплан разра-

ботал план ускоренного строительства предприятий, входивших в состав Урало-Кузбасского комбината [20, с. 177]. Однако период последующих месяцев – времени острой внутрипартийной борьбы – привел не только к безудержному росту количественных показателей пятилетнего плана, но и к перемене подходов к пространственному размещению промышленности. Если во второй половине 1920-х гг. руководство Уральской области рассматривало в качестве необходимого элемента региональной экономики создание производства заверщенного цикла, то в 1930-е такой проект не мог рассчитывать на поддержку со стороны руководства страны, поскольку основным принципом выделения экономического района стал признак его специализации во всесоюзном масштабе [20, с. 178].

Планы 1920-х гг., нацеленные на выявление и использование местных производственных возможностей были дезавуированы. Так, Постановление ЦК ВКП(б) от 15.05.1930 «О работе Уралмета» предлагало ВСНХ и Госплану в кратчайшие сроки разработать и представить в СНК единый жестко централизованный план развития металлургии, рудной, угольной и коксохимической отраслей промышленности в восточных районах страны

В конечном же счете ни один из вариантов создания единого УКК так и не был осуществлен в чистом виде [19, с. 415]. Фактически промышленный комплекс Урала в годы Первой пятилетки создавался под диктовку отраслевых наркоматов, формируя жесткую управленческую вертикаль, характерную для всех регионов СССР [2, с. 53]. Подобное явление, как препятствующее осуществлению метода межотраслевого и внутрирайонного комбинирования, получило критическую оценку ученых уже в начале 1930-х гг. [17].

Игнорирование экономических рычагов управления и массовые репрессии против специалистов (вызвавшие волну так называемого «спецеедства»), падение дисциплины на производстве привели к всестороннему кризису в советской экономике. В условиях нехватки специалистов и квалифицированных рабочих огромные капитальные вложения в индустрию СССР, сделанные в 1929–1930 гг., в зна-

чительной мере были заморожены в незавершенных стройках [22, с. 84, 206, 217–218].

Катастрофическое положение в экономике в 1931 г. было признано всеми членами Политбюро, включая Сталина, знавшими истинное положение с производительностью труда и качеством продукции, о порче и омертвлении огромных ресурсов в незавершенных стройках и бесполезных импортных заказах [21].

Реализацию государственной политики по сдвигу промышленности на Восток можно было проследить по такому критерию, как реальное расходование капиталовложений по регионам. Бесспорно, в реальной жизни распределение капиталовложений отличалось от плановых наметок. Приведем пример: в годы первой пятилетки в промышленность Уральской области намечалось вложить 12,4 % всех союзных капиталовложений. В реальности промышленность региона получила 7,8 %, т. е. в полтора раза меньше [18, с. 562, 563; 6, с. 560].

Замысел увеличить долю основного индустриального бастиона Восточных районов – Уральской области – в производстве промышленной продукции СССР за годы Первой пятилетки с 4,27 % до 10,36 % не увенчался успехом. Даже в 1937 г. Уральский экономический район произвел только 6,2 % всесоюзной промышленной продукции. Не случайно обширный раздел в «Итогах выполнения первого пятилетнего плана развития народного хозяйства Союза ССР» [12, с. 226–238] ограничивался информацией о росте доли восточных районов в добыче угля (с 19 % до 25,8 %) и производстве чугуна (с 21 % до 25 %).

Советские ученые-экономисты пытались изменить ход событий. В докладе работника Госплана В. Ф. Васютина «Урало-Кузбасс во втором пятилетии. Основные линии развития», прочитанном на Первой Всесоюзной конференции по размещению производительных сил, проходившей в Свердловске в апреле 1932 г., содержались научные подходы к пониманию задач планирования и реализации Урало-Кузбасского проекта. Урало-Кузбасс рассматривался, прежде всего, как пример масштабного межрайонного комбинирования, где каждое строящееся новое предприятие создавалось не изолированно, а в рамках единого хозяйственного комплекса [4, с. 8–9]. Судя по

тому, что доклад в переработанном и дополнительном виде был издан отдельной брошюрой в Москве в том же 1932 г., его содержание было одобрено властными структурами, что отражало процесс определенного переосмысления руководителями СССР итогов первых лет пятилетки.

Метод комбинирования, разъяснял В. Ф. Васютин, включал в себя приближение к сто процентному использованию всех перерабатываемых веществ; максимальное комбинирование и использование всех видов энергии, комбинированное использование всех видов транспорта; внедрение элементов комбинирования в использование самого труда. Комбинирование в широких масштабах позволяло обеспечить подлинное использование всех достижений науки и техники, высокую эффективность производства [4, с. 5–6].

Доклад и брошюра В. Ф. Васютина указывали на задачи промышленности Восточных районов. В машиностроении ставилась задача строительства ряда новых специализированных комбинатов; проблема их кооперации адресовалась центральным плановым органам. При этом акцент делался не на кооперацию внутри машиностроительной отрасли в УКК, а между машиностроением УКК и машиностроением других частей СССР [4, с. 47–48].

Планы модернизации промышленности Уральской области, несмотря на деформацию не только количественных показателей, но и их сущности, позволили за годы Первой пятилетки значительно изменить лицо индустриального Урала. В этот период в Уральской области было построено 149 новых заводов и реконструированы 95 старых [9, с. 533]. Произошло расширение спектра машиностроительной продукции, появление значительного ряда машиностроительных предприятий в городах и рабочих поселках Урала, нередко на месте механических цехов, законсервированных после окончания участия России в Первой мировой войне. В 1933 г. на Урале работало свыше 500 металлообрабатывающих заводов, а удельный вес отрасли вырос с 12,8 % до 28,8 % к общему объему промышленной продукции края. Если на юге Уральской области были построены крупные предприятия черной металлургии (например, ММК и первый советский

завод ферросплавов в Челябинске), то на северо-западе – Соликамский калийный комбинат и крупнейший в СССР Березниковский химкомбинат. В западной части Уральской области были построены крупные медеплавильные заводы, ставшие основой цветной индустрии страны. В годы Первой пятилетки формирование единой уральской энергетической системы способствовало налаживанию технологических связей между отраслями [10, с. 92, 93].

В брошюре председателя Уралплана Г. К. Крумина говорилось о создании «современнейшего промышленного комплекса на Урале», в том числе «машиностроения, способного производить любое оборудование, вплоть до самого сложного и ответственного» [15, с. 3]. В брошюре подчеркивалось: «в период 1928–1932 гг. доля промышленности Уральской области в общесоюзном производстве выросла с 3,8 % до 5,4 %» [15, с. 7]. Однако управленцам было известно: диспропорции в развитии группы «А» и «Б» в уральской промышленности за пятилетку только возрастали – с восьмикратного разрыва в 1927/28 хоз. году до десятикратного в 1932 [18, с. 563].

В первый год Второй пятилетки Советское руководство вступало с иным опытом управления экономикой, чем в конце 1920-х гг. Период 1932–1933 гг. стал временем определенного прозрения как общесоюзного [20], так и уральского руководства. 24 января 1932 г. на Одиннадцатой партийной конференции коммунистов Уральской области первый секретарь уральского обкома ВКП(б) И. Д. Кабаков сообщил, что при плановом задании по выпуску промышленной продукции на 1931 г. стоимостью в 1360 млн руб. реальный выпуск не превысил и 655 млн руб. (или 48 %). Результат был показательный: он отражал глубину провала экономической политики, связанной с волюнтаристским увеличением заданий Первой пятилетки.

При этом выработка продукции по металлургическим заводам Урала даже сократилась: с 339 млн в 1930 до 320 млн. руб. в 1931 г. Если говорить о росте промышленной продукции за 1929–1931 гг., ее выпуск увеличился не в разы, а (по официальным данным) на 55 % (на 46 % в 1929–1930 гг. и на 8 % в 1931 г.). [16, с. 4]. Руководитель коммунистов Уральской обла-

сти воздержался от обобщающей оценки, хотя при любых раскладах, даже без учета инфляционных процессов, такие показатели свидетельствовали о провале экономического курса и о кризисных явлениях в промышленности края.

Окончательные итоги Первой пятилетки в Уральской области должна была обсудить Двенадцатая Уральская областная конференция ВКП(б) (18–22 января 1934 г.) [7]. Она была самой короткой по продолжительности из всех областных аналогичных партийных форумов за время существования Уральской области в 1923–1934 гг. Можно выделить три причины, обусловившие такую «краткость».

Во-первых, конференция должна была обсудить итоги Первой пятилетки в Уральской области. Однако подводить неутешительные итоги пятилетия в традициях большевистской практики было принято под прикрытием секретности и густой завесы идеологических конструкций, при максимальной краткости информации.

Во-вторых, открытие конференции 18 января 1934 г. «случайно» совпало с опубликованием Постановления ЦИК СССР о разделении Уральской области на три региона: Свердловскую, Челябинскую и Обь-Иртышскую области. Сам факт такого решения и совпадение двух упомянутых событий свидетельствовали о недовольстве Сталина результатами работы руководителей Уральской области в годы первой пятилетки, хотя это был частный случай глобального невыполнения заданий Первой пятилетки в экономике СССР.

В-третьих (формально – в силу разделения Уральской области), делегаты не обсуждали перспектив развития Урала во второй пятилетке (1933–1937 гг.): уже во вступительном слове первый секретарь Уральского обкома ВКП(б) И. Д. Кабаков предложил снять вопрос «О контрольных цифрах народного хозяйства Урала на вторую пятилетку» [7, с. 6].

Определенная конфузность ситуации подтолкнула И. Д. Кабакова и его соратников к повышенной эмоциональности выступлений. В своей речи при открытии конференции региональный лидер годы Первой пятилетки в Уральской области назвал периодом «величайших исторических побед генеральной линии партии» во всех сферах жизни страны [7, с. 3].

Решение о разделении Уральской области на три области Кабаков представил как «акт величайшей большевистской мудрости» [7, с. 4].

Внешне Отчетный доклад первого секретаря Уральского обкома ВКП(б) по своей структуре мало чем отличался от предшествующих докладов на конференциях в 1930 г. и 1932 г. Обличение мирового кризиса в экономике капиталистических стран характеризовалось как свидетельство «загнивания капитализма», стремительно «катящегося к новому туру войн и революций» [7, с. 12].

Создание на Урале «мировых промышленных центров металла, химии, машин» и превращение Урала в один из «мощных передовых промышленных центров Советского Союза», подавалось и раньше – как «успехи социализма, достигнутые партией и пролетариатом за эти годы на Урале» [7, с. 16]. Новым моментом стало весьма далекое от научного, подчеркнуто карикатурное представление дореволюционной экономики Урала в качестве края с «отсталой, кустарной промышленностью» [7, с. 12]: так было легче микшировать провал произвольно завышенных планов Первой пятилетки и проще манипулировать с цифровыми показателями.

Даже в тех редких случаях, когда докладчик сообщал делегатам конференции какие-то обобщающие сведения, например, о построении и запуске в Уральской области двухсот новых крупных предприятий, многое оставалось неясным: степень выполнения пятилетнего плана; соотношение плановых и реальных расходов на строительство; качественные показатели строительства и работы промышленных предприятий; доля использования производственных мощностей. При этом типичная черта советской статистики – выборочное, фрагментарное предоставление статистических показателей – выглядело секретом Полишинеля, поскольку публикация пятилетних планов и их (многочисленных корректировок) предоставляла для специалистов возможность сравнить замысел и результат.

Отчетный доклад Уральского обкома ВКП(б) оперировал только данными за 1932 г. Выполнение плановых заданий в 1932 г. в ведущем секторе уральской экономики – отраслях тяжелой промышленности – всего на 83 % Ка-

баков самокритично расценил как проявление «наших неумелых управленческих действий» [7, с. 24–25]. Однако, в чем они заключались – делегаты так и не узнали: самокритичность регионального лидера имела вполне определенные границы.

Выход мог быть найден в предоставлении слова уральским ученым-специалистам экономики. Однако краткое выступление «делегации профессоров» ограничилось сообщениями о планах Уральского филиала Академии наук, а «рапорт слета ударников НИИ тяжелой промышленности», помимо многочисленных здравниц в честь «науки и техники социализма», в лучшем случае указывал на направления научной работы [7, с. 101–103].

Опыт предшествующих конференций; кризисные явления в уральской экономике начала 1930-х гг. обусловили тот факт, что полностью уйти от анализа событий Первой пятилетки на Двенадцатой областной партийной конференции все-таки не удалось. В докладе Уральской областной контрольной комиссии приводились многочисленные факты беспхозяйственности на уральских стройках. Даже лишенные указаний на конкретные строительные организации сообщения об использовании в 1930 г. «громадного парка строительных механизмов» только на 17,3 %, а к концу пятилетки (т. е. в 1932 г.) на 40–70 %, говорило о многом, и, в сопоставлении с информацией о «незадействованном оборудовании на заводских стройках на десятки миллионов рублей» [7, с. 62, 65], резонно вызывало вопрос о низком уровне организации строительных работ.

Следствием такой организации в строительстве стало, например, множество «лопнувших строительных фундаментов» только на сооружении УЗТМ [7, с. 63]. Никто из делегатов не пытался связать сложившуюся ситуацию в строительстве промышленных предприятий с неоднократно повышавшимися заданиями, неподкрепленными материально-техническими ресурсами. Незавершенное строительство промышленных объектов было характерной чертой последнего года Первой пятилетки.

Судя по материалам Второго пятилетнего плана, государственный курс на сдвиг промышленности на Восток должен был выпол-

няться более полно, чем в Первой пятилетке: так на развитие тяжелой промышленности Свердловской (вместе с Пермской) и Челябинской областей выделялось 17,6 % капиталовложений. Как видно, доля индустриального Урала в плановом распределении капиталовложений в промышленность СССР в сравнении с периодом первой пятилетки (12,6 %) возросла в 1,5 раза, при сокращении аналогичных капиталовложений в промышленность Украины с 26,1 % до 21, 2 %.

Показательно и другое: доля общесоюзных расходов на развитие тяжелой промышленности Урала (19,5 %) существенно (почти вдвое) превосходила долю расходов на весь народно-хозяйственный комплекс уральского региона (11,3 %) [6, с. 260], усиливая основы несбалансированности экономики Урала.

За годы второй пятилетки практически вдвое (с 5,7 % до 10,4 %) возросла доля капиталовложений в тяжелую промышленность Сибири и Дальнего Востока. Всего же в районы Урала, Сибири, Дальневосточного края, Закавказья и Средней Азии в период 1933–1937 гг. планировалось направить 40 % общих капитальных вложений в народное хозяйство [11, с. 14]. Особенность размещения производительных сил во второй пятилетке заключалась в постановке ряда крупных комплексных проблем, таких как развитие Урало-Кузбасского комбината, Освоение районов Севера; освоение Курской магнитной аномалии и др.

Можно только сожалеть, что выполнение этих задач проходило без использования потенциала крупных административных образований в формате областей, способных обес-

печивать более полную органическую увязку планов развития и размещения отраслей с комплексными планами.

Результаты

В рамках Уральской области впервые в СССР была обозначена задача создания совмещения развития административно-территориального образования и крупного экономического района и формирование на этой основе территориально-промышленных комбинатов, обеспечивающих плановость и высокую эффективность пространственного размещения промышленности. Реализация этого замысла пришлось на годы Первой пятилетки и позволила выполнить часть задач по созданию единого народно-хозяйственного комплекса на территории Уральской области, сочетавшего принципы централизованного управления и отдельные механизмы регионального самоуправления.

Однако необоснованный отказ от научных принципов планирования, от совмещения административно-территориальных единиц (областей) с границами крупных экономических районов, включая ликвидацию Уральской области в январе 1934 г., затруднил реализацию пятилетних планов. В наибольшей степени это касалось замысла о равномерном и рациональном принципе пространственного размещения промышленности. В результате ликвидации Уральской области были деформированы складывающееся отраслевое кооперирование и технологические связи между отраслями хозяйства; острее стали ощущаться недостатки в материально-техническом снабжении и квалифицированных кадрах.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Бакланов Т.Я. (2012). Территориальное размещение промышленности и ее региональное развитие // Вестник Арго. № 1. С. 32–49.
2. Бакунин А.В., Бедель А.Э. (1994). Уральский промышленный комплекс. Екатеринбург: Институт истории и археологии УРО РАН.
3. Бокарев Ю.П. (2012). Виртуально-пространственный подход в экономической компаративистике, вып. 1: Сборник статей. М. : Институт экономики РАН. С. 109–160.
4. Васютин В.Ф. (1932). Урало-Кузбасс во второй пятилетии. Основные линии развития (переработанный и дополненный доклад, прочитанный на первой Всесоюзной конференции по размещению производительных сил). М.-Л. Социально-экономическое издательство.
5. Генеральный план развития народного хозяйства Урала на период 1927–1941 гг. и период Первой пятилетки. Свердловск : Облплан. 1927.
6. Второй пятилетний план развития народ-

ного хозяйства СССР (1933–1937). Госплан. М. : Партиздат. 1939.

7. Двенадцатая Уральская областная конференция ВКП (б). Стенографический отчет. Свердловск : Партиздат. 1934.

8. Доклад Рыкова по вопросу о районировании // XII съезд РКП (б). Стенографический отчет. М. : Политиздат. 1968. С. 468–478.

9. История индустриализации Урала. Документы и материалы. 1926–1932 гг. Свердловск : Сред.-Урал кн. изд-во. 1967.

10. История народного хозяйства Урала. (1917–1945). Часть 1. Свердловск : Издательство Уральского государственного университета. 1988.

11. История социалистической экономики в семи томах. Т. 4. (1978). М. : Наука. 1978.

12. Итоги выполнения первого пятилетнего плана развития народного хозяйства Союза ССР. М.-А. : Госплан. 1933.

13. Ковалевский Н.А. (1929). Районный разрез в пятилетнем плане // Плановое хозяйство. № 3. С. 53–90.

14. Коржихина Т.П. (1994). Советское государство и его учреждения: ноябрь 1917 г. – декабрь 1991 г. М. : РГГУ.

15. Крумин Г.К. (1933). Итоги первой пятилетки и контрольные цифры Урала на 1933 год. (Дополненная стенограмма доклада на объединенном пленуме Обкома и ОбЛКК КП(б) 22 января 1933 г.). Свердловск ; Москва : Партиздат. Уральское областное издательство.

16. Одиннадцатая Уральская областная конференция ВКП(б). 23 января – 30 января 1932 (в семнадцати бюллетенях). Свердловск : Партиздат (Уральское областное отделение). 1932.

17. Принципы географического размещения тяжелой промышленности во второй пятилетке. Сборник тезисов Института промышленно-экономических исследований к Первой конференции по размещению производительных сил. М. : Изд-во НКТП ССР. 1932.

18. Пятилетний план народно-хозяйственного строительства СССР. Т. 3. М. : Плановое хозяйство. 1930.

19. Твердюкова Е.Д. (2010). Пространственное размещение промышленности и населения в СССР в 1930-е гг. // Центр и регионы в истории России. М. : Скифия-принт. С. 412–430.

20. Тимошенко А.И. (2010). Урало-Кузбасская проблема в дискуссиях и решениях Советского правительства // Урало-Кузбасс: от замысла к реализации. Сборник статей и документов. Екатеринбург : Институт истории и археологии УрО РАН. С. 149–180.

21. Фельдман М.А. (2020). Трудная попытка осмысления (новый взгляд на события XVII конференции Всесоюзной Коммунистической партии (б) // Гуманитарные науки в Сибири. Т. 27. № 1. С. 78–84.

22. Хлевнюк О.В. (2010). Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры. М. : РОССПЭН.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Фельдман Михаил Аркадьевич – Уральский институт управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (620144, Россия, Екатеринбург, ул. 8 Марта, 66); feldman-mih@yandex.ru.

URAL REGION IN DECEMBER 1923 – JANUARY 1934: LIFE AND FATE – SPATIAL ASPECT

М.А. Feldman^{2a}

^aRussian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

ABSTRACT:

The article analyzes archives and published materials and makes conclusions about the results of the creation of the Ural region during the reform of administrative-territorial division in the USSR in 1923–1930.

²RSCI AuthorID: 460956

Ten years of the existence of the Ural Region (December 1923–January 1934) were the time of an experiment to modernize the economy in the format of a planned spatial distribution of industry. The article discusses the role and significance of the first in the USSR "Master Plan of the Ural economy for the period of 1927–1941" aimed at the comprehensive development of the region and the construction of factories on the basis of the rational use of raw materials and semi-finished products in all major sectors of the Ural economy, though ferrous metallurgy remained the dominant project. The methods of comparative analysis, generalization and classification were used in the research process.

The issues of the development of the Ural region during the First Five-year Plan are analyzed. Particular attention is paid to the implementation of not only intraregional but also interregional cooperation (accelerated construction of enterprises that were part of the Ural-Kuzbass Combine).

The Nep period was the time when the First Five-Year Plan options were developed and implemented, allowing to solve many problems of early industrial modernization on the basis of maintaining a multi-layered economy; interaction of the plan and the market. In the regional aspect, these plans were most fully developed in the Ural region. To what extent were these plans implemented during the First Five-year Plan? The answer to this question forms the basis of the scientific problem.

Scientific novelty. This research makes a conclusion about the degree of implementation of the modernization plan of the Ural region in the First Five-year plan; it outlines a set of reasons that led to the liquidation of the Ural region, and describes the consequences of such a decision.

FUNDING: The reported study was funded by the grant 21-09-43024 USSR "Spatial distribution of the USSR industry in the years of the pre-war five-year plans: idea and result"

KEYWORDS: Ural, industry, five-year plan, oblast, combine, rationality, location, plan, region, the USSR.

FOR CITATION: Feldman M.A. (2021). Ural region in December 1923 – January 1934: life and fate – spatial aspect, *Management Issues*, no. 6, pp. 82–92.

REFERENCES

1. Baklanov T.A. (2012). Territorial placement of industry and its regional development, *Argo Bulletin*, no. 1, pp. 32–49.
2. Bakunin A.V., Bedel A.E. (1994). Ural industrial complex. Ekaterinburg: Institute for History and Archeology of the RAS Ural Branch.
3. Bokarev Yu.P. (2012). Virtual-spatial approach in economic comparative studies. Issue 1. Collection of articles. Moscow: Institute of Economics of RAS. Pp. 109–160.
4. Vasyutin V.F. (1932). Urals and Kuzbass in the second five years. The main development lines (revised and augmented report read on the first All-Union Conference on the Placing Productive Forces). Moscow–Leningrad. Socio-economic Publishing House.
5. The general plan for the development of the national economy of the Urals for the period 1927–1941 and the first five-year period. Sverdlovsk: OblPlan. 1927.
6. The second five-year plan for the development of the national economy of the USSR (1933–1937). GosPlan. Moscow: Partisdat. 1939.
7. Twelfth Ural Regional SCP Conference. Stenographic report. Sverdlovsk: Partisdat. 1934.
8. Rykov report on the issue of zoning. XII RCP Congress. Stenographic report. Moscow: Politicize. 1968. Pp. 468–478.
9. The history of the industrialization of the Urals. Documents and materials. 1926–1932. Sverdlovsk: Middle Ural Book Publishing House. 1967.
10. History of the national economy of the Urals. (1917–1945). Part 1. Sverdlovsk: Publishing House of the Ural State University. 1988.
11. History of the socialist economy in seven volumes. Vol. 4. (1978). Moscow: Science. 1978.
12. The results of the fulfillment of the first five-year plan of development of the national economy of the USSR. Moscow–Leningrad. GosPlan. 1933.
13. Kovalevsky N.A. (1929). District incision in the five-year plan, *Planned economy*, no. 3, pp. 53–90.
14. Korzhikhina T.P. (1994). Soviet state and its institutions: November 1917 – December 1991. Moscow: RGGU.
15. Krumin G.K. (1933). The results of the first five-year plan and the control indicators of the Urals

for 1933. (Supplemented transcript of the report at the joint plenum of the Regional Committee and the OblKK of the CP. January 22, 1933). Sverdlovsk; Moscow: PartIzdat. Ural Regional Publishing House.

16. Eleventh Ural Regional SCP Conference. January 23 – January 30, 1932 (in seventeen bulletins). Sverdlovsk: PartIzdat (Ural Regional Office). 1932.

17. Principles of geographical placement of heavy industry in the second five-year plan. Collection of theses of the Institute of Industrial and Economic Research to the first conference on the placement of productive forces. Moscow: Publishing House of NKTP SSR. 1932.

18. Five-year plan of people's economic construction of the USSR. Vol. 3. Moscow: Planovoe Khozyaystvo. 1930.

19. Tverdyukova E.D. (2010). Spatial placement

of the industry and population in the USSR in the 1930s, *Center and regions in the history of Russia*. Moscow: Scythia-Print. Pp. 412–430.

20. Timoshenko A.I. (2010). The Ural-Kuzbass problem in the discussions and decisions of the Soviet government. In: Collection of articles and documents “Ural-Kuzbass: from the plan for implementation”. Ekaterinburg: Institute for History and Archeology of the RAS Ural Branch. Pp. 149–180.

21. Feldman M.A. (2020). A difficult attempt to understand (a new look at the events of the XVII Conference of the All-Union Communist Party), *Humanitarian sciences in Siberia*, vol. 27, no. 1, pp. 78–84.

22. Khlevnyuk O.V. (2010). Dominus. Stalin and the approval of the Stalin dictatorship. Moscow: ROSSPEN.

AUTHORS' INFORMATION:

Mikhail A. Feldman – Ural Institute of Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (66, 8 Marta St., Ekaterinburg, 620144, Russia); feldman-mih@yandex.ru.

ДИСКУССИЯ

DISCUSSION

РИЗОМОРФНАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ МАНИПУЛЯЦИЯ В ИНТЕРНЕТЕ: СПЕЦИФИКА И ТЕХНОЛОГИИ

В.Б. Строганов^{1а}

^аУральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина

АННОТАЦИЯ:

Актуальность исследования. Сегодня взаимопроникновение интернета и политики напрямую влияет на трансформацию политического процесса, цифровизацию политического управления, изменение схем и моделей взаимодействия политических институтов и граждан. В результате мы сталкиваемся с проблемой изменения такой неоднозначной формы управления, как политическое манипулирование, которое приобретает характер ризомы: нарушаются векторные коммуникации, иерархия субъекта и объекта устраняется и манипулирование приобретает вирусный характер.

Целью данной работы является изучение изменения механизма, особенностей и технологии ризоморфного политического манипулирования.

Методологическая база данного исследования включает в себя системный анализ феномена ризоморфной политической манипуляции, а также анализ ее особенностей и технологий. Исследование проведено при помощи анализа работ отечественных и зарубежных исследователей феномена манипуляции в интернете, среди которых С. В. Володенков, В. Э. Багдасарян А. Ю. Бубнов, Н. Р. Красовская, А. Георгопулов, У. Рехсах.

Научная новизна данного исследования заключается в выделении феномена ризоморфной политической манипуляции, а также выделении ее технологий, которые наиболее полно проявляются в современной политической интернет-коммуникации.

Главным результатом данного исследования является выделение ключевых особенностей ризоморфной политической манипуляции, которые отличают ее от традиционной – векторной. Среди них: универсальность применения на различных интернет-платформах, активное использование конкретных интернет-ресурсов, слияние субъекта и объекта в «манипулируемого манипулятора», неосознаваемый субъектом характер манипулирования. Отдельную сложность представляет выделение технологий ризоморфной политической манипуляции, ввиду самого ее характера осуществления. Однако, в ходе исследования литературы по схожей тематике, а также непосредственного наблюдения за политической коммуникацией рядовых интернет-пользователей, нами была выделена группа технологий, которые наиболее близко отвечают обозначенным выше критериям. К таким технологиям автором отнесены: «Sock puppet», «Окно Овертона», «Языковое манипулирование», «Twitter-революция», технология «общего вагона» (или технология Гранфаллуна), технология фактоидов, технология флешмобов.

Изучение особенностей и технологий ризоморфного политического манипулирования, позволило определить, что данный тип манипулирования становится все более распространенным, а ввиду сложностей с его обнаружением он представляется чрезвычайно перспективной формой манипуляции. Там образом, в рамках дальнейших исследований встает задача подробного изучения самого механизма данной формы манипуляции. В конечном итоге, поняв механизм, мы сумеем более подробно заняться разработкой методов и технологий противодействия ризоморфной политической манипуляции.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политическая манипуляция, ризома, ризоморфная политическая манипуляция, интернет-коммуникация, цифровизация политики.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Строганов В.Б. (2021). Ризоморфная политическая манипуляция в интернете: специфика и технологии // Вопросы управления. № 6. С. 94–104.

¹ AuthorID РИНЦ: 924620

Современный политический процесс на наших глазах тесно переплетается с процессом цифровизации. Огромное число его составляющих прочно обосновались в интернет-сфере: государственное управление (электронное правительство, наличие сайтов у всех ключевых государственных органов и др.), избирательные кампании (представленность кандидатов и партий в ключевых социальных сетях, активная политическая агитация в интернете), общественные инициативы (формирование социальных групп, сбор петиций, флешмобы и др.), прямая и косвенная политическая реклама, создание площадок для продвижения своего мнения и др.

Для осуществления различной политической деятельности в сети существует огромное количество инструментов для создания, трансляции и передачи информации между пользователями: социальные сети, мессенджеры, блоги, форумы и др. Их наличие обеспечивает фактически бесперебойный поток информации, который поступает как от институциональных структур, общественных движений, партий, так и от рядовых интернет-пользователей, блогеров и др. В результате мы сталкиваемся с трансформацией политического участия, которая принимает менее институционализированные формы, что открывает доступ для роста числа акторов политической интернет-коммуникации [1, с. 55].

Наличие огромного количества акторов приводит к тому, что создается огромное число точек и каналов коммуникации между этими акторами, по которым циркулирует разнообразная политическая информация. Следовательно, усложняется структура коммуникации, она становится менее подконтрольна и как результат – более хаотична. Таким образом, линейная форма коммуникации нарушается, а на смену ей приходит ризоморфная политическая коммуникация.

Под ризомой понимают разветвлённую корневую систему с множеством «узлов», которая отменяет жесткую иерархию отдельных элементов [2, с. 357]. Ризома предлагает принципиально нелинейный способ организации любой целостности [3]. Данное понятие используется в том значении, которое определено французскими философами-постмодерни-

стами Ж. Делёзом и Ф. Гваттари: «Ризома сама по себе имеет очень разнообразные формы, начиная со своей внешней протяженности, разветвленной во все стороны, до конкретизаций в луковицы и клубни» [3]. Тем самым, лишаясь иерархии, приобретая нелинейный процесс коммуникации интернет-сфера становится более хаотичной, что открывает новые возможности для осуществления манипулирования политическим процессом в сети.

В результате целью работы является изучение феномена ризоморфной политической манипуляции, выделение ее ключевых особенностей, а также определение ее технологий.

Таким образом, мы выделяем феномен ризоморфной политической манипуляции (РПМ), под которой понимаем неосознаваемый личностью способ ее ориентации в политической среде посредством создания и распространения политического контента (в частности, политических мемов) в медиасфере, результатом реализации которого является формирование политических установок.

Сегодня мы наблюдаем смену векторной модели манипуляции («субъект–объект») на новую модель – ризоморфную, более адаптированную к современной интернет-коммуникации. Это порождает ряд исследовательских проблем, среди которых: определение ключевых особенностей РПМ, применяемые технологии, механизм осуществления и методы противодействия. Изучение данных аспектов нового вида политической манипуляции позволит более эффективно обнаруживать ее проявление в сети, а также разработать необходимую базу противодействия ей, как на психологическом, так и на техническом уровне.

Среди исследователей, которые занимаются изучением подобной проблематики мы можем выделить таких ученых, как С. В. Володенков, М. А. Сириля, Д. Г. Евстафьев, А. В. Громова. Среди зарубежных исследователей мы можем выделить В. Тейлора, С. Миуру, А. Бергстрема и др.

Ключевые характеристики применения ризоморфного политического манипулирования

1. РПМ является своеобразной формой участия в политической жизни государства, которая заключается в том, что деятельность

интернет-пользователей в сети не всегда носит осознаваемый и целенаправленный характер. Под неосознаваемым характером РПМ мы подразумеваем тот факт, что личность может не осознавать себя напрямую как субъекта или объекта манипуляции. Для личности РМП может быть представлена в виде рядового «репоста», создания мема, чтобы быть в тренде, участия во флешмобах для формирования чувства сопричастности и др. Другими словами, у пользователя нет цели манипулировать кем-либо, но участвуя в создании и распространении интернет-контента, он так или иначе может стать участником манипуляции.

2. РПМ тесно завязана на конкретных ресурсах, которые применяются для ее осуществления. Ресурсами выступают как сами интернет-пользователи и интернет-сообщества, являясь создателями и распространителями интернет-контента, так и сам интернет-контент (интернет-мемы, инфоблоки, аудио- и видеоматериалы и др.). С точки зрения ряда исследователей, интернет-контент может стать средством политической борьбы только при условии его первоначального интерпретирования конкретными акторами. В дальнейшем эта информация обобщается, т. е. подводится под общую типологию и закономерности, и уже в таком виде она будет встраиваться в исходную когнитивную матрицу того или иного интернет-сообщества [4, с. 11].

Важно отметить, что распространяемая путем ризоморфной манипуляции информация подвержена фактору искажения [5, с. 320]. Искажение информации в сети может проявляться в двух формах: прямой и косвенной. Прямое искажение связано с деятельностью конкретных акторов, которые напрямую заинтересованы в подаче недостоверной информации. Косвенное искажение в РПМ происходит в результате так называемого «глухого телефона», когда передаваемая информация видоизменяется, путём ее постоянного редактирования, смены ее формы и формата.

3. РПМ является универсальным способом управления и воздействия на политический процесс в медиасфере. Связано это с тем, что в социальных сетях, мессенджерах, блогах используется примерно одинакового типа контент, существуют свои языки интернет-

общения, а также применяются схожие технологии коммуникации. Все это обеспечивает огромные масштабы применения технологий ризоморфного политического манипулирования, которые могут распространяться по различным интернет-площадкам, с минимальной необходимостью адаптироваться к каждой из них. Осуществление этого возможно через технологию «ретвитов», которая позволяет передавать информацию напрямую с одной платформы на другие, тем самым обеспечивая «виральность» онлайн-контента [6, с. 915].

В результате мы наблюдаем отсутствие прямой связи между субъектом и объектом. Интернет-технологии позволяют информации переходить с платформы на платформу, с сайта на сайт, от пользователя. Обнаружить таким образом первоисточник информации (субъекта) становится фактически невозможным. Это говорит о том, что нет прямого направления манипуляции от субъекта к объекту.

4. В РПМ рядовой интернет-пользователь выступает в качестве «манипулируемого манипулятора». Суть данного явления заключается в том, что каждый обладатель доступа к интернету, может выступать как создатель, так и распространитель политического контента, который может содержать в себе манипулятивную информацию. Создавая и распространяя политический контент в той или иной форме, пользователь преследует конкретный мотив. Однако, важно заметить, что зачастую данный мотив не обладает целенаправленным манипулятивным характером. Та же самая ситуация и с распространением контента.

На наш взгляд в качестве причин создания и распространения контента могут выступать: формирование идентичности; чувство сопричастности, собственной значимости; следование модным трендам (показать, что я в теме); желание привлечь внимание; стремление поддержать коммуникацию с единомышленниками; социализация или удовлетворение социальных, или психологических потребностей [7, с. 455]. Таким образом, каждый пользователь может стать участником манипулятивного процесса, а РПМ сливает «субъекта» и «объекта» манипуляции в одно целое.

5. Ключевым средством РПМ, на наш взгляд, являются политические интернет-ме-

мы. Р. Докинз определял мем как единицу передачи культурного наследия [8, с. 295]. В политическом контексте мем можно трактовать как единицу передачи политической информации. Интернет-мемы как феномен первого десятилетия XXI века обладают огромным влиянием на общественное сознание. Сегодня они стали неотъемлемой частью жизни современного человека.

Среди характерных черт интернет-мемов особенно выделяются эмоциональная окрашенность, оторванность сообщения, содержащегося в меме, от контекста, в котором сообщение появилось, отсутствие конкретного автора, а также колоссальная реплицируемость. Именно мемы являются главными переносчиками информации по различным интернет-платформам, а учитывая их универсальный и даже интернациональный язык, они значительно упрощают восприятие политической информации интернет-пользователями. В свою очередь, упрощение является главным средством политического манипулирования человеком.

Выделенные особенности интернет-мемов связывают этот феномен с сущностью инструментов РПМ: с одной стороны, информация, заключенная в меме, зачастую обладает искаженным характером, с другой – автор скрыт от получателя. Более того, интернет-мем – это зачастую продукт коллективной деятельности интернет-сообщества, потому что в его создании может участвовать не один конкретный человек, а каждый получатель посредством внесения в сообщение собственного содержания и дальнейшего распространения интернет-мема уже в измененном виде.

Подводя итог особенностям РПМ важно отметить, что в условиях нелинейной, неиерархичной и хаотичной коммуникации определить путь распространения политического контента в любой его форме невероятно сложно не только потому, что в большинстве случаев неизвестен автор, но и потому, что отследить переход интернет-контента в офлайн-среду невозможно.

Технологии политического манипулирования

Рассмотрев особенности РПМ, необходимо выделить основные технологии политического манипулирования, которые можно отнести

к ризоморфным. Важно отметить несколько моментов: 1) в научной литературе слабо отражены данные технологии; 2) они трудно обнаружимы при непосредственном поиске их применения; 3) в большинстве известных технологий политического манипулирования ризоморфность проявляется в большинстве из них лишь отчасти и только на отдельных этапах применения, что затрудняет выделение «чистых» технологий РПМ.

1. Технология *Sock puppet*.

Технология *Sock puppet* представляет собой программу, с помощью которой отдельный пользователь может создавать десятки фейковых аккаунтов в виртуальном пространстве и управлять ими [9, с. 157]. Другими словами, мы имеем дело с социальными ботами, под которыми понимают алгоритмизированные программы, автоматически создающие контент и взаимодействующие с другими пользователями социальных сетей, продвигая данный контент [10, с. 346].

Задачей данной технологии является привлечение внимания интернет-пользователей к конкретной актуальной проблеме путем искусственного изменения содержания актуальной повестки дня.

Это становится возможным несколькими способами: во-первых, провокацией «фейками» реальных пользователей к дискуссии или коммуникации путем многократного «вброса» информации по различным каналам коммуникации. Дальнейший ход развития событий находится во власти новых, реальных участников коммуникации; во-вторых, распространение инфоповодов с помощью системы «репостов», что повышает рейтинг инфоповода в сети и увеличивает охват аудитории – новых потенциальных «манипулируемых манипуляторов»; в-третьих, возможность проведения массовой информационной атаки, осуществляемой с фейковых аккаунтов, которая может осуществляться в форме мобилизаций конформистских или неконформистских настроений, заполнения интернет-пространства конкретными инфоповодами, призывом к осуществлению конкретных действий в онлайн- или офлайн-среде, чтобы заставить пользователей действовать в нужном направлении [11, с. 51].

При этом в данной технологии выявить манипуляцию и вычислить «фейка» становится фактически невозможным, т.к. современные технологии, позволяют создавать крайне правдоподобные виртуальные портреты. Ризоморфность данной технологии проявляется в хаотическом распространении информации, активном привлечении в ее участии других пользователей, которые играют роль «манипулируемого манипулятора».

2. Окно Овертона.

Данная технология была рассмотрена американским политологом Джозефом Овертоном. Согласно его гипотезе, в каждое общество существует «окно возможностей» (или «границы допустимого»). Функция данных рамок заключается в защите информационной среды от деструктивных для общества идей, однако эти же самые рамки являются достаточно подвижными, и их расширение возможно при грамотно спланированной и осуществленной манипуляции [12, с. 86].

Реализация технологии «Окно Овертона» осуществляется в ходе пяти фаз.

Первая фаза. Перевод информации из категории «немыслимого» в «радикальное» (или экзотическое) на уровне отдельных групп академического сообщества [12, с. 87].

Вторая фаза. Перевод информации из категории «радикального» в «приемлемое» всё также на уровне академического сообщества, т. е. в закрытых кругах.

Третья фаза. Перевод информации из «приемлемого» в «рациональное»: появление информации в общедоступных источниках, и активизация обсуждений и исследований данной тематики в широких слоях научного сообщества [13].

Четвертая фаза. Перевод информации из категории «рациональное» в «популярное»: выход информации за пределы научного сообщества – в социум, где она начинает активно циркулировать и набирать поддержку обывателей [13].

Пятая фаза. Перевод информации из «популярного» в «актуальное»: нормативное закрепление информации в обществе [14, с. 86].

Реализация технологии «Окно Овертона» является достаточно трудоемкой, но очень эффективной: ее практически невозможно рас-

познать без специальной подготовки, что и позволяет нам отнести ее к типу ризоморфных политических манипуляций. К тому же, о её ризоморфности свидетельствует вирусный характер распространения информации на 3–5 этапе реализации данной технологии.

3. Языковое манипулирование.

Языковое манипулирование – это воздействие на сознание при помощи специально подобранных языковых средств [15, с. 173].

Одним из основных инструментов осуществления данной технологии выступает так называемый «новояз» – особый язык интернет-сообществ, который сегодня является распространенным культурным феноменом. Возникновение «новояза» связывают со стремлением молодежи быть более эмоциональной и оригинальной в способах выражения своих эмоций и чувств в сети [16, с. 111]. Поэтому неудивительно, что цель использования новояза – обмен эмоциями, а не информацией. Нельзя не отметить, что за счет этой особенности данного феномена новояз часто используется в качестве консолидирующего средства в сетевом сообществе. Но в то же время, существенно страдает содержательная сторона информационных потоков, облеченных в «новоязную» форму. Кроме того, новояз часто используется при проявлении агрессии в интернете [17, с. 11].

Одной из самых популярных форм «новояза» является мем, о котором мы достаточно много писали выше. Здесь отметим лишь, что «новояз» в мемовой форме значительно упрощает, даже в некоторой степени примитивизирует содержание политической коммуникации. С одной стороны, это открывает доступ к политической коммуникации в интернете широким слоям населения. С другой стороны, что более важно, коммуникация подобного типа ориентирована на эмоциональное восприятие контента: в каждом политическом интернет-меме содержится оценка того или иного элемента политического процесса (деятели, группы, события, идеи и т.д.). Эмоциональная оценка может блокировать работу политического мышления личности и направить его по пути стереотипов, клише, ярлыков и предрассудков – таким мышлением очень легко управлять. В этом и заключается ма-

нипулятивный эффект «новояза». Ризоморфность данной технологии проявляется в активном использовании политических интернет-мемов, которые можно считать особой и интернациональной формой новояза.

4. Twitter-революция.

Сущность данной технологии заключается во всплеске политической активности интернет-пользователей в социальных сетях, особенно в *Twitter* и *Facebook*, в период политической или социально-экономической нестабильности в государстве. Политическая активность в данном контексте представляет собой активное и экспрессивное обсуждение острых проблем в виртуальном пространстве, которое в дальнейшем может привести к митингам, демонстрациям и беспорядкам в реальности [9, с. 108]. Благодаря инструментальным возможностям социальных сетей пользователи могут эффективно координировать свои действия и оперативно реагировать на политические события, а также вовлекать других пользователей в свою деятельность, вызывая у них чувство сопричастности с помощью медиаконтента. Ризоморфность данной технологии проявляется в характере расширения обсуждения в сети и в стремительном захвате аудитории, которая осуществляется рядовыми пользователями, не имеющими цели манипулировать, но желающими отстоять свою политическую позицию и собрать команду неравнодушных единомышленников.

5. Технология «общего вагона», или технология гранфаллуна.

В основе технологии «общего вагона» лежит врожденная потребность человека быть частью общности, социальная природа человека. Целью реализации технологии является убеждение индивида в том, что, будучи частью группы (в частности, политического объединения), он должен разделять мировоззрение и паттерны поведения большинства [18, с. 212].

Другое название данной технологии политического манипулирования в интернете – «гранфаллун». Это понятие было введено Курт Воннегутом в романе «Колыбель для кошки» [19]. Суть феномена была раскрыта социальным психологом Генри Таджфелом: гранфаллун – это объединение людей, созданное на основе незначительных и зачастую бессмыслен-

ных критериев [20, с. 234]. Гранфаллун имеет когнитивное и мотивационное основание. На когнитивном уровне гранфаллун позволяет человеку за счет осознания своей сопричастности группе упорядочивать мир и определить свое место в нем.

На уровне мотивации ощущение сопричастности дает человеку возможность испытать чувство собственного достоинства и гордости через осуществление ритуалов группы и признание ее атрибутов [20, с. 235]. К тому же нельзя не отметить склонность людей ориентироваться на мнение коллектива, даже если оно расходится с собственным восприятием действительности. Это обусловлено тем, что зачастую коллективу люди доверяют больше, чем самим себе.

Следовательно, данная технология относится к ризоморфным по следующим основаниям: во-первых, участие большого числа пользователей, к тому же как у субъектов, так и у объектов воздействия могут быть абсолютно неизвестны социально-политические идентификаторы; во-вторых, пользователи в таких «гранфаллунах» занимаются созданием и распространением информации; в-третьих, основанием для создания таких «гранфаллунов» могут служить особенности различных интернет-платформ, которые позволяют создавать группы и чаты по абсолютно любым темам и идентификационным особенностям, при этом сохраняя определенные взаимосвязи между самими платформами (например, использование видеороликов с сайта *YouTube* в социальной сети «ВКонтакте») [4, с. 15].

6. Технология фактоидов.

В работе Аронсона «Эпоха Пропаганды» понятие фактоид определяется как недостоверное утверждение, облеченное в правдивую форму [20, с. 120]. Зачастую фактоиды принимают в качестве истины, основываясь на том, что материал просто появился в СМИ. Кроме того, далеко не каждый пользователь имеет ресурсы для того, чтобы проверять всю поступающую информацию. Также следует отметить, что часто содержание фактоидов обладает психологической привлекательностью: обывателю хочется верить, что всё происходит именно так, поэтому он не желает подвергать материал сомнению. В этом смысле он

зачастую бессознательно используется людьми как инструмент рационализации действительности [20, с. 129]. Ризоморфность факторов проявляется в том, что они часто попадают в виртуальное политическое информационное поле в форме мемов, активно распространяются между огромным числом сайтов и платформ, а также в том, что в их создании и распространении активно участвуют рядовые интернет-пользователи.

7. Технология флешмобов.

Флешмоб – это заранее спланированная массовая акция, в которой большая группа людей выполняет заранее оговоренные действия в виртуальном или реальном пространстве. Следует отметить, что для участия во флешмобах в виртуальном пространстве, в частности, политическом, у пользователя нет необходимости тратить большое количество ресурсов (сил, времени, денег): чаще всего достаточно совершить какое-то элементарное действие (использовать хештег, разместить на своей страничке в социальных сетях мем или текст, и т. д.) [21, с. 74].

Часто участие интернет-пользователей в политических флешмобах в сети не имеет глубоких оснований, оно лишь косвенно связано с политической позицией личности. Скорее, причиной является желание людей быть сопричастными к значимым политическим событиям. В связи с этим мы можем говорить о том, что участник виртуального флешмоба выступает в качестве «манипулируемого манипулятора» – неосознанного субъекта политической манипуляции в интернете, благодаря активности которого, пусть и минимальной, манипулятивный контент распространяется по сети и захватывает внимание все большего количества интернет-пользователей. Именно это свойство флешмобов делает данную технологию манипуляции ризоморфной.

Таким образом, флешмоб позволяет за короткое время собрать людей в определенном месте и в назначенное время для выполнения каких-либо запланированных действий. Ярким примером может служить акция, проведенная в соцсетях летом 2020 г. под хештегом #накормиголубей в поддержку арестованного губернатора Хабаровского края Сергея Фургала. Суть этой акции заключалась в

том, что люди должны были выйти на площадь Ленина в г. Хабаровске и под видом кормления голубей собрать акцию в поддержку С. Фургала [1, с. 62]. Данная акция была организована местным журналистом А. Романовым, его идею подхватило огромное число жителей города, тем самым рядовые пользователи создавали информационный прецедент, распространяя призыв в социальных сетях на всех ключевых площадках. Этот пример указывает на такие свойства РПМ, как хаотичный характер распространения информации, участие рядовых интернет-пользователей в качестве «манипулируемого манипулятора», применение специальных интернет-ресурсов – хештегов.

Как видно из представленных выше описаний технологий политической манипуляции в интернете, ризоморфность проявляется в большинстве из них лишь отчасти, на отдельных этапах. Раскрыв эту особенность на примере выбранных нами технологий, мы хотели показать, как коммуникативные особенности информационной среды могут быть использованы заинтересованными лицами для достижения собственной выгоды.

Как видно, ризоморфное политическое манипулирование гораздо сложнее вычислить, т. к. его механизмы более продуманы и незаметны для обывателя.

Заключение

Наше основное убеждение состоит в том, что данный феномен сформировался в политической виртуальности спонтанно и автономно, без вмешательства конкретных заинтересованных лиц, которых в теориях векторного политического манипулирования принято называть «субъектами манипуляции». Тем не менее, нельзя отрицать тот факт, что некоторые политические лица или группы могут использовать инструментарий ризоморфного политического манипулирования в своих целях. Однако важно заметить, что ключевым условием успешности РПМ является сохранение технологической доступности базовых каналов коммуникаций [22, с. 49]. Нарушение существующих каналов коммуникации в сети может привести к падению эффективности РПМ, однако учитывая, что мы живем в эпоху «постоянного онлайн», данная проблема

остаётся крайне актуальной и требует более тщательного рассмотрения.

Перспективы изучения РПМ можно определить по двум направлениям.

1. Попытайтесь изучить, как происходит акт ризоморфной политической манипуляции в интернете в чистом виде: когда нет субъекта и объекта, когда нет целей и чьей-то выгоды, а есть лишь коммуникативный акт, результатом которого становится хаотичное и высокоскоростное распространение манипулятивного контента.

2. Необходимо отдельно изучить методы обнаружения и противодействия РПМ в сети. Мы уже отмечали, что технологии РПМ выделяются сложностью обнаружения, следовательно, рядовому интернет-пользователю важно не только распознавать манипуляцию, видеть ее основные признаки, цели и задачи [23, с. 552], но и не стать ее непосредственным участником, превращаясь в манипулируемого

манипулятора. Ведь как мы можем наблюдать, в сети у большинства людей нет осознания ответственности за распространение изображений и видео.

В результате это приводит нас к необходимости либо правовой защиты информации, либо воспитания информационной культуры, которое заключается в том, что любые распространяемые слова и изображения должны соотноситься с ответственностью за то содержание, которое интернет-пользователи распространяют [24, с. 96]. Главная проблема в ее достижении – это возможность сохранения анонимности пользователей в сети [22, с. 913], что усложняет обнаружение РПМ. К тому же проблемы конфиденциальности и нежелания соблюдать правила раскрытия информации в интернете могут иметь социальные последствия [25, с. 498], проявляющиеся в разрушении политического участия и «культурного гражданства» в сети [26, с. 69].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Бубнов А.Ю., Козлов С.Е. (2021). Политический активизм в социальных сетях (на примерах Москвы, Екатеринбурга и Шиеса) // Журнал политических исследований. Т. 5. № 1. С. 54–64.

2. Современная западная философия. Словарь. 2-е изд., переработанное и дополненное. М.: Тон Остожье, 1998. 544 с.

3. Делёз Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато: глава первая. Альманах «восток». URL: http://www.situation.ru/app/j_art_1023.htm (дата обращения: 15.10.2021).

4. Багдасарян В.Э. (2020). Когнитивные матрицы манипулятивных технологий в войнах и революциях нового типа // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. № 1. С. 8–23.

5. Miura Shintaro. (2019). Manipulated news model: Electoral competition and mass media, *Games and Economic Behavior*, vol. 113(C), pp. 306–338.

6. Reisach Ulrike (2021). The responsibility of social media in times of societal and political manipulation, *European Journal of Operational Research*, vol. 291, no. 3, pp. 906–917.

7. Taylor W., Johnson G., Ault M., Griffith J., Rozzell B., Connelly S., Jensen M., et al. (2015). Ideolog-

ical group persuasion: A within-person study of how violence, interactivity, and credibility features influence online persuasion, *Computers in Human Behavior*, vol. 51 (PA), pp. 448–460.

8. Докинз Р. (2017). Эгоистичный Ген. Москва: Издательство АСТ: corpus. 521 с.

9. Коровин В.М. (2014). Третья мировая сетевая война. СПб.: Питер. 349 с.

10. Василькова В.В. Легостаева Н.И. (2020). Социальные боты в компьютерной пропаганде: серфинг на информационной волне коронавируса // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. № 6 (160). С. 329–356.

11. Громова А.В. (2008). Роль СМИ в осуществлении «цветных революций» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение, журналистика. № 2. С. 46–56.

12. Баева Л.В., Алексеева И.Ю. (2014). E-homo sapiens: виртуальный микрокосм и глобальная среда обитания // Философские проблемы информационных технологий и киберпространства. № 1. С. 86–96.

13. Nathan J. Russell. (2006) An introduction to the Overton Window of political possibilities. URL:

<https://www.mackinac.org/7504> (accessed 18.10.2021).

14. Володенков С.В. (2015). Окно Овертона – манипулятивная матрица политического менеджмента // Научно-аналитический журнал обозреватель Observer. № 4. С. 83–93.

15. Сиривля М.А. (2015). Социально-оценочное манипулирование в политическом дискурсе // Философские науки. вопросы теории и практики. № 5-2. С. 172–176.

16. Канарская Л.Г. Щербинина Д.В. (2017). «Привет или превед»: размышление о языке будущего // Научная дискуссия современной молодёжи: актуальные вопросы, достижения и инновации : Сборник статей II международной научно-практической конференции: в 2 ч. Т. 1. С. 109–113.

17. Арпентьева М.Р. (2018). Эрративы «интернетоязы» // Языки и литература в поликультурном пространстве. № 4. С. 5–14.

18. Володенков С.В. (2012). Управление современными политическими кампаниями М. : Издательство Московского Университета. 371 с.

19. Графалон – академик // Новейший философский словарь. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/878554> (дата обращения: 07.10.2021).

20. Аронсон Э., Пратканис Э.Р. (2003). Эпоха пропаганды: механизмы убеждения, повседневное использование и злоупотребление. СПб. : Прайм – Еврознак, 342 с.

21. Володенков С.В. (2018). Роль информаци-

онно-коммуникационных технологий в современной политике // Научный ежегодник института философии и права уральского отделения российской академии наук. Т. 18. № 2. С. 69–86.

22. Евстафьев Д.Г. (2020). Новая социально-политическая протестность и технологии информационно-политических манипуляций // Вестник московского государственного областного университета. № 4. С. 46–65.

23. Мизурова К.А. (2020). Как не стать объектом манипуляции // Гуманитарные науки в современном вузе: вчера, сегодня, завтра : Материалы III-й международной научной конференции : в 2 т. Санкт-Петербург : Издательство Санкт-Петербургского государственного университета промышленных технологий и дизайна. С. 550–554.

24. Красовская Н.Р., Гуляев А.А. (2020). Технологии манипуляции сознанием при использовании дипфейков как инструмента информационной войны в политической сфере // Власть. Т. 28. № 4. С. 93–98.

25. Bergström A. (2015). Online privacy concerns: A broad approach to understanding the concerns of different groups for different uses, *Computers in Human Behavior*, vol. 53, pp. 419–426.

26. Georgakopoulou A. (2015). Sharing as Rescripting: Place Manipulations on YouTube Between Narrative and Social Media Affordances, *Discourse, Context and Media*, vol. 9, pp. 64–72.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Строганов Вадим Борисович – Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19); tarangarret@mail.ru.

RHIZOMORPHIC POLITICAL MANIPULATION ON THE INTERNET: SPECIFICS AND TECHNOLOGIES

V.B. Stroganov^{2a}

^aUral Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin

ABSTRACT:

Relevance of the study. Today, interpenetration of the Internet and politics directly affects the transformation of the political process, the digitalization of political governance and modification of the schemes and models of interaction between political institutions and citizens. As a result, we face the problem of changing such an ambiguous form of management as political manipulation, which acquires the features of a

²RSCI AuthorID: 924620

“rhizome”, i.e. vector communications are disrupted, the hierarchy of the subject and object is eliminated and manipulation becomes viral.

The purpose of this work is to study the change in the mechanism, features and technology of rhizomorphic political manipulation.

The methodological basis of this study includes a comprehensive analysis of the phenomenon of rhizomorphic political manipulation, as well as investigation of its features and technologies. The study is based on the analysis of the works of domestic and foreign researchers devoted to the phenomenon of manipulation on the Internet, including S.V. Volodenkov, V.E. Bagdasaryan A.Yu Bubnov, N.R. Krasovskaya, A. Georgakopoulou, U.Reisach.

The scientific novelty of this research lies in the description of the phenomenon of rhizomorphic political manipulation, as well as the identification of its technologies, which are most fully manifested in modern political Internet communication.

The main result of this study is identification of the key features of rhizomorphic political manipulation, which differ from the traditional one-vector manipulation. Among these features are the possibilities of use on various Internet platforms, extensive use of specific Internet resources, the merger of the subject and the object into a “manipulated manipulator”, and the specific nature of manipulation which is not perceived by the subject. It is especially difficult to isolate rhizomorphic political manipulation technologies due to the nature of its implementation. However, during the study of literature on similar topics and direct observation of the political Internet communication of ordinary Internet users, we identified a group of technologies that most closely meet the above criteria. They include such technologies as: “Sock puppet”, “Overton Window”, “Language manipulation”, “Twitter revolution”, “common car technology” (or Granfalloon technology), Factoid technology and flash mob technology.

The analysis of the features and technologies of rhizomorphic political manipulation allowed us to determine that this type of manipulation is becoming more common. Due to its discreteness it becomes an extremely promising form of manipulation. Thus, as part of further research, it is important to study in detail the mechanism of this form of manipulation. Ultimately, by understanding the mechanism, we will be able to develop the methods and technologies to resist rhizomorphic political manipulation.

KEYWORDS: political communication, rhizome, rhizomorphic political manipulation, Internet communication, digitalization of politics.

FOR CITATION: Stroganov V.B. (2021). Rhizomorphic political manipulation on the Internet: specifics and technologies, *Management Issues*, no. 6, pp. 94–104.

REFERENCES

1. Bubnov A.Yu., Kozlov S.E. (2021). Political activism in social networks (at the examples of Moscow, Ekaterinburg and Shies), *Journal of political research*, vol. 5, no. 1, pp. 54–64.
2. Modern Western philosophy. Dictionary. 2nd ed., rev. and suppl. Moscow: Ton Ostozhie. 1998. 544 p.
3. Deleuze G., Guattari F. Thousand Plateau: Chapter First. Almanac “East”. URL: http://www.situation.ru/app/j_art_1023.htm (accessed 15.10.2021).
4. Bagdasaryan V.E. (2020). Cognitive matrices of manipulative technologies in wars and revolutions of a new type, *Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: History and political sciences*, no. 1, pp. 8–23.
5. Miura Shintaro. (2019). Manipulated news model: Electoral competition and mass media, *Games and Economic Behavior*, vol. 113(C), pp. 306–338.
6. Reisach Ulrike (2021). The responsibility of social media in times of societal and political manipulation, *European Journal of Operational Research*, vol. 291, no. 3, pp. 906–917.
7. Taylor W., Johnson G., Ault M., Griffith J., Rozzell B., Connelly S., Jensen M., et al. (2015). Ideological group persuasion: A within-person study of how violence, interactivity, and credibility features influence online persuasion, *Computers in Human Behavior*, vol. 51 (PA), pp. 448–460.
8. Dawkins R. (2017). Egoistical gene. Moscow: AST: Corpus Publishing House. 521 p.

9. Korovin V.M. (2014). Third world network war. St. Petersburg: Peter. 349 p.
10. Vasilkova V.V. Legostayev N.I. (2020). Social bots in computer propaganda: surfing on the coronavirus information wave, *Monitoring of public opinion: economic and social changes*, no. 6 (160), pp. 329–356.
11. Gromova A.V. (2008). The role of the media in the implementation of “color revolutions”, *Bulletin of the Russian University of Friendship of Peoples. Series: Literary criticism, journalism*, no. 2, pp. 46–56.
12. Baeva L.V., Alekseeva I.Yu. (2014). E-homo sapiens: virtual microcosm and global habitat, *Philosophical Problems of Information Technologies and Cyberspace*, no. 1, pp. 86–96.
13. Nathan J. Russell. (2006) An introduction to the Overton Window of political possibilities. URL: <https://www.mackinac.org/7504> (accessed 18.10.2021).
14. Volodenkov S.V. (2015). Overtone window – a manipulative matrix of political management, *Scientific and analytical journal “Observer”*, no. 4, pp. 83–93.
15. Sirivlya M.A. (2015). Socio-estimated manipulation in political discourse, *Philosophical Sciences. Theory and practice issues*, no. 5-2, pp. 172–176.
16. Kanarskaya L.G. Shcherbinina D.V. (2017). “Privet” or “Preved”: Reflection on the language of the future. In: Proceedings of the II International Scientific and Practical Conference “Scientific discussion of modern youth: topical issues, achievements and innovations”. In 2 vols. Vol. 1. Pp. 109–113.
17. Arpentieva M.R. (2018). Cacographs of the Internet language, *Languages and literature in the policultural space*, no. 4, pp. 5–14.
18. Volodenkov S.V. (2012). Management of modern political campaigns M. : Publishing House of Moscow University. 371 p.
19. Grafalon – Academician. The newest philosophical dictionary. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/878554> (accessed 07.10.2021).
20. Aronson E., Pratkanis E.R. (2003). The era of propaganda: conviction mechanisms, daily use and abuse. St. Petersburg: Prime – Evroznak. 342 p.
21. Volodenkov S.V. (2018). The role of information and communication technologies in modern politics, *Scientific Yearbook of the Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences*, vol. 18, no. 2, pp. 69–86.
22. Evstafyev D.G. (2020). New socio-political protest and technology of information and political manipulations, *Bulletin of the Moscow State Regional University*, no. 4, pp. 46–65.
23. Mizurova K.A. (2020). How not to become an object of manipulation. In: Proceedings of the III International Scientific Conference “Humanitarian sciences in the modern university: yesterday, today, tomorrow”. In 2 vols. St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg State University of Industrial Technology and Design. Pp. 550–554.
24. Krasovskaya N.R., Gulyaev A.A. (2020). Consciousness manipulation technologies using deep-fakes as a tool of information warfare in the political sphere, *Power*, vol. 28, no. 4, pp. 93–98.
25. Bergström A. (2015). Online privacy concerns: A broad approach to understanding the concerns of different groups for different uses, *Computers in Human Behavior*, vol. 53, pp. 419–426.
26. Georgakopoulou A. (2015). Sharing as Rescripting: Place Manipulations on YouTube Between Narrative and Social Media Affordances, *Discourse, Context and Media*, vol. 9, pp. 64–72.

AUTHORS' INFORMATION:

Vadim B. Stroganov – Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (19, Mira St., Ekaterinburg, 620002, Russia); tarangarret@mail.ru.

РИЗОМОРФНОСТЬ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МАНИПУЛЯЦИИ: ХАОС ИЛИ АЛГОРИТМ

М.Б. Ворошилова^{1а}, М.Ю. Пономаренко^а

^аРоссийская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации

АННОТАЦИЯ:

Статья посвящена актуальной проблематике современного политического дискурса – трансформации технологий манипуляции в интернете – проблематике, которая находится в центре внимания ученых различных научных направлений: политологов, социологов, филологов и психологов. Актуальность работы обусловлена как постоянной динамичностью предмета исследования, так и необходимостью расширения междисциплинарных связей при решении данного вопроса. Переход политической коммуникации в интернет, с нашей точки зрения, требует привлечения специалистов в области интернет-коммуникации.

Задачей нашего исследования стало обсуждение нового понятия «ризоморфизация», введенного в научный оборот в диссертационном исследовании В. Б. Строганова. Метафорический термин «ризом» нам кажется своевременным и корректным: он довольно точно отмечает нелинейность современных технологий политической манипуляции. Но насколько он соотносится с практикой работы интернет-коммуникации и социальных сетей в частности? Ответ на этот вопрос авторы представили в нашей работе. Сопоставление описанных ризоморфных технологий с действующими алгоритмами социальных сетей позволило выявить несколько перспектив в научных изысканиях, посвященных трансформации технологий манипуляции в интернете.

Но все же в центре нашего внимания оказался вопрос о целенаправленности ризоморфных технологий. В рамках научной дискуссии мы соглашаемся со В. Б. Строгановым, что распространение контента внутри соцсетей является нелинейным процессом, но мы уверены, что оно не может быть хаотичным. Напротив, данный процесс направлен на определенную категорию аудитории. Хаотичность ризоморфных технологий выводит за поле исследования вопрос об эффективности манипуляции, который с нашей позиции, является одним из ключевых.

Наша работа – это повод для научной дискуссии, это повод к диалогу специалистов самых различных направлений. Современный информационный поток развивается стремительно, усложняется технически и, конечно, он уже не подвластен одному узкому специалисту, и только в диалоге мы сможем решить этот вопрос.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политическая манипуляция, интернет-коммуникация, манипулятивные технологии, ризоморфность, социальные сети, алгоритм.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Ворошилова М.Б., Пономаренко М.Ю. (2021). Ризоморфность политической манипуляции: хаос или алгоритм // Вопросы управления. № 6. С. 105–114.

Манипуляция является неотъемлемой характеристикой политического дискурса: она развивается вместе с ним, а зачастую и определяет основные векторы его развития. Постоянное обращение ученых к теме манипуляции в русле самых различных научных исследований: политологических и лингвистических, социологических и психологических, –

никогда не утратит своей актуальности. Сегодня все чаще исследователи обращаются к теме формирования новых технологий манипуляции в интернет-пространстве, в том числе и в политическом дискурсе. Исследователи, рассматривая особенности применения интернет-коммуникаций в современном политическом управлении, отмечают, что «интер-

¹ AuthorID РИНЦ: 511001

нет способствует развитию гражданского общества, публичности и открытости политических процессов, но вместе с тем создает и новые возможности для манипуляции» [1, с. 60].

Подробный анализ основных современных направлений в изучении феномена политической манипуляции представлен в диссертации на соискание ученой степени кандидата политических наук В. Б. Строганова «Технологии политической манипуляции в интернете» [2, с. 2020], которая послужила поводом для настоящей работы. Предметом дискуссии мы выбрали новое для российской теории политической коммуникации понятие «ризоморфизация», которое было введено в российский научный оборот впервые в упомянутой выше работе.

Целью диссертационного исследования было «выявление феномена политической манипуляции в интернете, изучение его особенностей и технологий» [2, с. 7]. В обосновании теоретических основ своей работы автор выделил ключевые проблемы его трактовки, среди которых:

- наличие этической оценки [Мы согласимся, что зачастую в российской практике преобладает отрицательная и (или) деструктивная оценка манипуляции как феномена. — Прим. авт.];

- доминирование векторной (однаправленной или линейной) концепции политической манипуляции.

Характерной чертой линейной модели политической манипуляции В. Б. Строганов считает «то, что и субъект, как носитель определенных интересов и целей, и объект, как средство достижения интересов и целей субъекта, четко очерчены. Именно эти характеристики обуславливают специфику линейной политической манипуляции – ее векторную направленность от субъекта к объекту» [2, с. 45].

Однако, В. Б. Строганов считает, что в современных условиях необходимо говорить о трех основных типах технологий политической манипуляции, используемых в интернет-коммуникации: векторной, ризоморфной, конвергентной. Основанием для данной классификации стал субъектно-объектный подход. Итак, векторный тип технологий, по мнению автора, характеризуется «ясно выражен-

ным субъектом и объектом манипуляции, прямым воздействием на объект манипуляции со стороны субъекта, целенаправленным выбором формы и содержания манипулятивного контента и инструментов его передачи на основе социально-культурных, экономических, политических характеристик объекта» [2, с. 20].

Данные технологии детально изучены и описаны в российском научном дискурсе, к ним диссертант относит ставшие уже классическими методы «копченой селедки» и ложной статистики, приемы «промывки мозгов» и создания лжесобытий [3; 4]. Современные исследователи также пишут, что «технологии манипуляции, применяемые в интернет-коммуникациях, во многом копируют технологии традиционных СМИ: это и „упрощение проблемы“, и „наклеивание ярлыков“, и использование „утвердительных заявлений“, пугающих тем, отвлекающих от важной политической проблемы сообщений, уменьшение значимости темы и другие. В связи с этим можно отметить, что в большей степени меняется не дискурс и приемы политических интернет-манипуляций, а именно увеличиваются каналы подачи» [1, с. 67].

Действительно, в современном интернет-пространстве классические, традиционные технологии претерпевают ряд существенных изменений, адаптируясь под условия «новых» медиа. Один из основных выводов, к которому приходит В. Б. Строганов, – это гибридизация технологий. И результатом такой гибридизации становятся конвергентные технологии политической манипуляции, к которым автор относит такие ранее описанные и известные технологии, как «навешивание ярлыков», троллинг, «апелляция к страху» и др. Будучи гибридным или смежным типом, данная группа технологий сочетает в себе черты как векторной, так и ризоморфной политической манипуляции.

Но что же такое ризоморфизация? Какие они, ризоморфные технологии? Данное понятие в политологическом научном контексте впервые было предложено В. Б. Строгановым, но сам термин «ризом» не нов для научного дискурса и хорошо известен в философских научных кругах, где под ризомой при-

нято понимать «разветвлённую корневую систему с множеством „узлов“, которая отменяет жесткую иерархию отдельных элементов» [5, с. 357]. Как отмечает сам автор, теоретико-методологическим основанием выделенного и описанного им понятия «ризоморфизация» послужила концепция «ризомы», разработанная французскими философами-постмодернистами Ж. Делёзом и Ф. Гваттари [2, с. 12; 6].

Ризоморфная политическая манипуляция, по мнению В. Б. Строганова, трансформировалась из описанной им же линейной вследствие изменения форм передачи и потребления информации в «новых медиа». Особенности современной политической интернет-коммуникации, ее структура, акторы и механизмы также описаны в диссертации: автор значительное внимание уделяет развитию систем интернет-коммуникации (WEB), что позволяет ему прийти к выводу о доминировании сейчас системы Web 2.0. Однако автор делает шаг дальше и определяет вектор дальнейшего научного исследования в рамках данной темы, определив потенциал системы Web 3.0 и перспективы развития темы, что, бесспорно, является еще одним плюсом [2, с. 57–86].

На основе анализа политической коммуникации в социальных сетях диссертант обосновал, в чем заключается ризомность интернета. «Ризома состоит из множества узлов и каналов связи, которые эти узлы соединяют. В социальной сети „узлы“ могут быть представлены различными политическими группами, пабликами, чатами, а также отдельными пользователями, имеющими большую популярность в сети. Размеры узла зависят от количества подписчиков („друзей“) или участников группы: чем больше пользователей сосредоточено в узле, тем узел крупнее. Чем крупнее узел, тем шире сеть каналов связи этого узла, т. к. каждый пользователь является потенциальным распространителем информации» [2, с. 80]. Предложенный способ описания и столь яркий метафорический термин в данном контексте нам кажется вполне уместным.

Но стоит отметить, что в своём исследовании В. Б. Строганов концентрирует свое внимание на социальных сетях. А учитывает ли он, как на ризомность социальных сетей влияют современные алгоритмы их работы?

До 2016 года глобальные (*Facebook*, *Instagram*, *Twitter*) и локальные российские социальные сети («ВКонтакте», «ОК») использовали хронологический алгоритм, то есть пользователь видел в своей новостной ленте публикации от друзей, от групп или страниц, на которые он был подписан, в хронологическом порядке. При работе с хронологической лентой были важны: объем публикуемого контента (чем больше, тем лучше) и время публикации (чтобы попасть в тот момент, когда пользователь с высокой долей вероятности будет онлайн). И эта ситуация вписывается в концепцию диссертанта.

Но мы должны отметить, что уже в 2016 году социальные сети переходят на алгоритмическую умную ленту, когда пользователи видят контент на основе их интересов и предпочтений. Для любой социальной сети важно, чтобы в долгосрочной перспективе пользователю не надоела платформа, чтобы росла его вовлеченность в контент (то есть пользователь потреблял его больше и дольше) и чтобы была возможность расширения предпочтений. То есть в настоящее время все социальные сети ориентируются на долгосрочное удовлетворение потребностей пользователей для их удержания на платформе.

Важно отметить, что современные алгоритмы учитывают социальные действия пользователя. Любое действие в отношении контента имеет свое значение и свой вес для алгоритма: нажатие «Мне нравится» или выбор соответствующего эмодзи, время досмотра видео или Stories, время дочитывания статьи или лонгрида, клик на визуал в публикации, репост

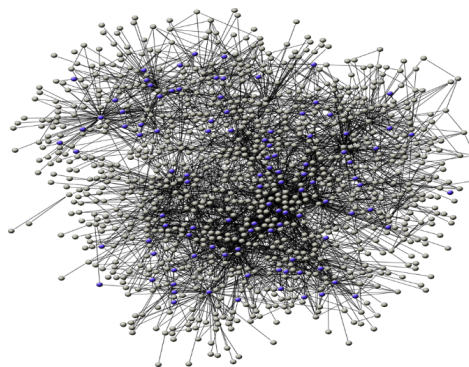

Рисунок 1 – Наглядная демонстрация ризоморфности интернета [2, с. 166].

Figure 1 – Clear demonstration of the rhizomorphism of the Internet

публикации без или с текстовым сопроводительным сообщением, комментариев, отправка публикации или ссылки на нее через мессенджеры или другие средства передачи данных, сохранение публикации и прочее.

Таким образом, на то, что в своей новостной ленте видит пользователь, влияют его интересы, предпочтения, взаимодействия с контентом, другими пользователями, группами, страницами. Для алгоритма крайне важно, чтобы производимый пользователем А контент был релевантен интересам и запросам пользователя В. Чем выше релевантность, тем выше вероятность появления контента в ленте пользователя В. И наоборот.

Современные социальные сети стремятся не к широкому охвату и показу аудитории контента «от всех», а к его сужению и показу только максимально релевантной аудитории. Поэтому такой фактор, как объем подписчиков группы, страницы или объем друзей у пользователя играет не такую важную роль при алгоритмической ленте, как это было ранее.

Справедливости ради отметим, что указанную В. Б. Строгановым тактику распространения контента потенциально можно описать как «широкий охват без выделения целевых групп». Такой метод работы возможен только при определенной комплексной коммуникации: создается собственное медиа, которое распространяет на максимально широкую аудиторию контент, например, политической направленности, задействуя платные медиа. Реферальность достигается за счет упоминаний и ссылок других пользователей на указанное ранее собственное медиа, самостоятельное распространение пользователями такого контента. Такая реферальность возможна только если есть группа пользователей, которая разделяет аналогичную точку зрения и готова активно самостоятельно распространять контент. Альтернативный вариант – использование так называемых «ботов», искусственно созданных аккаунтов, которые служат только цели передачи информации и попадания в информационное поле максимально возможного числа пользователей. Но в условиях борьбы соцсетей с такими ботами и улучшением алгоритмов умной ленты пользователя указанный метод представляется малоэффективным.

Требует внимания и следующий шаг автора диссертационного исследования: переход от ризомности социальных сетей к ризоморфизации политической манипуляции, с нашей точки зрения, требует дополнительного рассмотрения и принятия научным сообществом. В ходе знакомства с новым термином у нас возникли некоторые сомнения, возражения, вопросы, что, возможно, вызвано различными научными подходами (лингвистическим, экономическим и политологическим), но, по нашему мнению, все же требует объяснения и обсуждения.

Например, ключевое понятие диссертационного исследования «ризоморфная политическая манипуляция» В. Б. Строганов объясняет так: «Под ней мы понимаем неосознаваемый личностью способ ее ориентации в политической среде посредством создания и распространения политического контента в медиасфере, результатом реализации которого является формирование политических установок» [2, с. 10].

Таким образом, автор характеризует ризоморфную манипуляцию как два неосознанных действия – создание и распространение. И если со вторым мы готовы частично согласиться, говоря о некой условной степени осознанности, основанной на оценке значимости действия в алгоритме социальной сети, то процесс создания, с нашей точки зрения, таковым быть не может. С нашей позиции, пользователь совершает осознанное действие, создавая и публикуя контент в соцсетях по темам, которые ему нравятся, не нравятся, но толкают на диалог. Распространение такого контента – также осознанный процесс. Пользователь и его мнение всегда первично, тот контент, что его окружает, – вторично. В своих утверждениях мы исходим из того, что в любой коммуникации пользователь действует рационально и эмоционально [7].

Рассмотрим этот вопрос детальнее, анализируя описанную В. Б. Строгановым модель ризоморфной политической манипуляции в интернете (рис. 2), которую автор описывает как 7 этапов.

На первом этапе «политические сетевые сообщества отслеживают актуальные политические события».

На втором – «рядовые участники сетевого сообщества осуществляют „вброс“ контента».

Третий этап – «распространение контента участниками сетевого сообщества путем „репоста“ на свои страницы или отправления друзьям через личные сообщения, с помощью сохранения контента на электронном носителе (компьютере, смартфоне, планшете), а также посредством передачи в другие „узлы“ сети: мессенджеры, чаты, форумы, блоги и др.»

На четвертом шаге происходит «создание тематических аналогов „вброшенных“ сообщений».

На пятом – «потребление политического контента без участия в его распространении».

Шестой этап характеризуется «формирование собственной точки зрения пользователя относительно поступившей информации», по мнению автора, «именно на этом этапе осуществляется процесс рационализации».

На итоговом седьмом этапе формируются политические установки [2, с. 81–82].

Итак, центральным действием в данной модели является «репост» сообщений как «повторная публикация какого-либо сообщения, то есть цитирование какого-либо поста методом пересылки с указанием первоисточника» [8, с. 83]. Данный вид интернет-активности детально и достаточно полно описан в коммуникативном, маркетинговом и правовом научных дискурсах [9–11]

Как мы уже отмечали выше, в основе современных алгоритмов социальных сетей лежат социальные действия пользователей, и самое ценное действие для алгоритма – так называемое «сложное» действие, когда пользователю требуется что-то сделать осмысленно, не только нажать встроенную в соцсеть опцию «Мне

нравится». Таким действием, например, является комментирование.

Поэтому следует уточнить утверждение В. Б. Строганова о важности «распространения контента участниками сетевого сообщества путем „репоста“ на свои страницы» [2, с. 81], так как для алгоритма репост без сопроводительного текста на стене пользователя является малозначимым действием, но все же действием. Использование сопроводительного текста через репост оригинальной публикации является среднезначимым действием для алгоритма. Оно помогает автору оригинальной публикации – алгоритм понимает, что пользователь создает контент, которым делятся другие пользователи. Значит, контент релевантен их интересам и его стоит показывать приоритетно. И все же большинство исследователей сходятся в том, что репост является одним из самых важных и эффективных «механизмов функционирования социальной сети и взаимодействия как между пользователями, так и между пользователем и контентом» [12].

Является ли репост действием? Да.

Можно ли считать данное действие неосознанным? Конечно, нет.

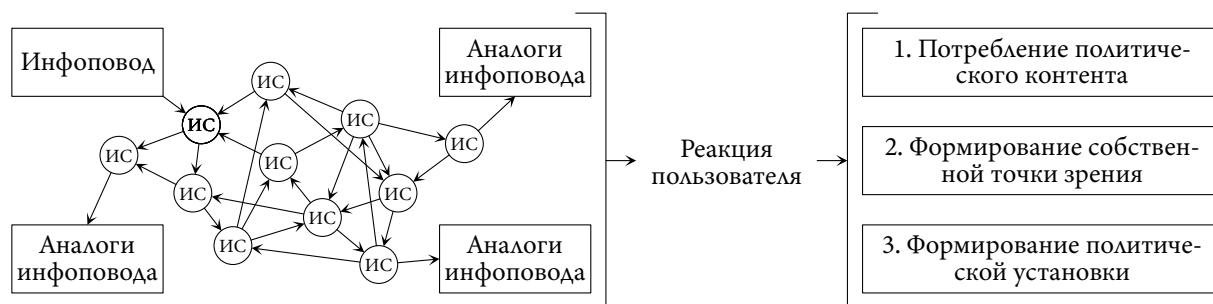
Можно ли оценить значимость репоста? Да.

Может ли субъект совершать данное действие, не осознавая его значение как манипулятивного инструмента? Наверное, да.

Может ли субъект не осознавать значение своего действия как части большой программы манипуляции? Наверное, да.

Для обозначения такого типа субъектов В. Б. Строганов предлагает термины «неосознанного субъекта», «манипулируемого манипулятора». Но все ли участники таковы?

Все эти вопросы открыты для обсуждения, мы же хотим еще раз подчеркнуть, что ре-

пост – это осознанное действие. Этот взгляд лежит в основе большинства современных исследований в области компьютерных и информационных наук [13], аналогичную позицию сегодня разделяют и в юридическом научном дискурсе, где и лайк, и репост однозначно рассматриваются как действие [14; 15], солидарное мнение высказывают и специалисты в области теории и психологии коммуникации [16], «с точки зрения социальной психологии это фактически заявление о том, что человек разделяет или поддерживает такую точку зрения или подтверждает свой интерес и хочет рассказать о нем другим» [12]. Не нов и взгляд на репост как вид интернет-активности в политологических исследованиях [17].

Отметим также, что предложенная в диссертации модель «потребление информации – формирование точки зрения – формирование политической установки» с большой долей вероятности, по нашему мнению, не может существовать в современных социальных сетях.

«Умная алгоритмическая лента», исправив недостатки хронологической новостной ленты, подвела к появлению так называемых «эхо-камер» или «информационных пузырей» [13; 18; 19]. То есть пользователь в своей новостной ленте с высокой долей вероятности увидит только тот контент, который отражает его точку зрения по любому вопросу – от еды до политики. Плюсом такого подхода является максимально релевантная выдача контента в новостной ленте. Минусом – то, что пользователь буквально замыкается в информационном пузыре, не видя другое мнение. Пользователь, потребляя политический контент в категории своих интересов и политических предпочтений, будет чаще всего видеть контент других пользователей, разделяющих его точку зрения. Таким образом, он не получает объективную картину происходящего.

Есть вероятность, что пользователь может увидеть в ленте противоположное его политическим предпочтениям мнение. Например, под публикацией развернулась дискуссия между сторонниками и противниками близкой ему политической позиции.

Если пользователь создает сам или делится контентом на тему его политических предпочтений, то с высокой долей вероятности этот

контент увидят сторонники аналогичной точки зрения. Это будет служить подтверждением правильности их точки зрения, их позиции. Он будет убеждать их, что и большинство других людей разделяют близкую им точку зрения, хотя фактически они находятся внутри информационного пузыря.

Исходя из вышеперечисленных факторов мы приходим к мнению, что приведенная В. Б. Строгановым модель ризоморфной политической манипуляции из семи этапов не учитывает логику работы современных алгоритмов соцсетей и распространения контента. В соответствии с алгоритмами, если пользователь не проявляет внимания, интереса, не совершает целевых социальных действий в отношении политического контента, потому что он не попадает в зону его интересов, вряд ли такой контент появится в новостной ленте этого конкретного пользователя. Значит, он не сможет сформировать о нем свое мнение. Мы можем предположить, что пользователь может искать и потреблять контент самостоятельно и какой-либо политический контент может повлиять на его точку зрения. Вероятно, что большее влияние на политические предпочтения или установки окажет комплексная коммуникация в разных каналах: ООН, *digital*, ТВ.

Считаем необходимым также обсудить и характеристику формы интернет-коммуникации как хаотичной. В. Б. Строганов утверждает, что ризомная манипуляция «носит хаотичный, вирусный характер. Следовательно, невозможно определить направление манипуляции» [2, с. 165]. На стр. 20 ризоморфные технологии политической манипуляции характеризуются отсутствием выраженных границ между субъектом или объектом манипуляции, отсутствием направленности, т. к. манипуляция ориентирована на максимально широкий охват аудитории. Контент создается и распространяется спонтанно, импульсивно, без учета отличительных характеристик целевой аудитории».

Но, если пользователь в соответствии с современными алгоритмами социальных сетей видит релевантный контент и решает им поделиться, мы можем отследить большую часть цепочки распространения контента через отслеживание репостов, поиска по хештегам или

ключевым словам, а также благодаря использованию специальных систем мониторинга.

Мы согласимся, что ключевым фактором появления и распространения условного мема является его непредсказуемость, и именно мем стал базовым материалом исследования В. Б. Строганова. Нельзя спрогнозировать, какое видео, фото или визуал станет условным мемом, даже если он соответствует ряду базовых правил: 1) доступно для понимания широкой аудитории; 2) находится в современном контексте; 3) соответствует базовому представлению аудитории о меме.

Но в работе В. Б. Строганова мы не видим доказательств того, что, если пользователь разделяет или, напротив, не разделяет точку зрения, транслируемую в меме, он совершит целевое действие: поделится или не поделится мемом через репост или личное сообщение. В чем состоит мотив такого действия? Важно, что ни один так называемый «вирус» не будет распространяться сам по себе, требуется его распространение, «запуск» хотя бы на начальном этапе и его поддержка на периоде угасания, когда внимание пользователей переходит на следующий «вирус».

Таким образом, мы согласимся с Вадимом Борисовичем, что распространение контента внутри соцсетей является нелинейным процессом, но мы уверены, что оно не может быть хаотичным. Напротив, данный процесс целенаправленный и направлен на определенную категорию аудитории. Такой процесс напрямую связан с работой и особенностью алгоритмов социальных сетей, что, в свою очередь, влияет на конечный результат – какой контент и в какой последовательности видит в своей ленте пользователь.

Особенно некорректным в современном научном дискурсе мы считаем говорить о целенаправленном характере воздействия, манипуляции. Цель есть всегда, иначе манипуля-

ция утрачивает свое базовое значение. Но на стр. 14 автор утверждает, что «ризоморфная манипуляция имеет целенаправленный характер воздействия и не имеет специализированных алгоритмов распространения манипулятивного контента», с чем мы категорически не можем согласиться.

Цель и алгоритм – основные критерии эффективности манипуляции. Если мы признаем их отсутствие, можем ли мы говорить об эффективности ризоморфной манипуляции? В то же время большинство современных исследователей говорят о повышении эффективности манипулятивных технологий в новых медиа. В своем диссертационном исследовании сам автор неоднократно говорит об эффективности ризоморфных технологий. Например: «Реализация технологии „Окно Овертона“ является достаточно трудоемкой, но очень эффективной: ее практически невозможно распознать без специальной подготовки, что и позволяет нам отнести ее к типу ризоморфных политических манипуляций» [2, с. 95]; «Не менее активно и эффективно использовала свой виртуальный социальный капитал К. А. Собчак» [2, с.106]; «Если рейтинг является открытым, то он может стать очень эффективным инструментом для внедрения в сознание объекта манипуляции любой политической идеи с помощью апелляции к мнению большинства» [2, с. 109].

Тогда каковы же критерии оценки эффективности ризоморфных технологий?

В заключение мы хотим отметить, что наша работа – это повод для научной дискуссии, это повод к диалогу специалистов самых различных направлений. Современный информационный поток развивается стремительно, усложняется технически и, конечно, он уже не подвластен одному узкому специалисту и только в диалоге мы сможем решить этот вопрос.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Крайнова К.А. (2013). Интернет как средство политической манипуляции в современном политическом управлении // PolitBook. № 2. С. 60–67. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/internet-kak-sredstvo-politicheskoy-manipulyatsii-v-sovremennom-politicheskom-upravlenii> (дата обращения: 19.08.2021).

2. Строганов В.Б. (2019). Технологии политической манипуляции в интернете : диссертация на соискание учёной степени кандидата политических наук : 23.00.02. Екатеринбург.

3. Володенков С.В. (2012). Управление современными политическими кампаниями. М. : Издательство МГУ. 312 с.

4. Кара-Мурза С.Г. (2006). Манипуляция сознанием. М. : Изд-во Эксмо. 832 с.

5. Современная западная философия. Словарь. 2-е изд., переработанное и дополненное. М. : ТОН Остожье. 1998. С. 357.

6. Делёз Ж., Гваттари Ф. (1976). Ризома. Париж.

7. Калинина Л.В. (2014). Вербальная конкуренция в пространстве Интернета: реклама, ре- райт, репост // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. № 3. С. 80–88.

8. Перси Л., Эллиот Р. (2008). Стратегическое планирование рекламных кампаний. М. : Гребенников.

9. Ошмарина Е.А. (2016). Современный подход к маркетинговым коммуникациям: взаимодействие бренда с целевой аудиторией в рамках вовлекающего маркетинга // Бренд-менеджмент. № 5. С. 294–309.

10. Пестерева Ю.С., Пошелов П.В., Рагозина И.Г., Чекмезова Е.И. (2020). Уголовно-правовая характеристика способов обмена информацией в социальных сетях на примере статей 148, 282, 354. 1 УК РФ // Вестник Томского государственного университета. Право. № 35. С. 112–121.

11. Разноглазова А.К. (2016). Тренды маркетинговых коммуникаций в социальных сетях // Инновационная наука. № 11-1. С. 151–153.

12. Безбогова М.С., Ионцева М.В. (2016). Социально-психологические аспекты взаимодействия пользователей в виртуальных социальных сетях // Мир науки. Педагогика и психология. № 5. С. 43. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-psihologicheskie-aspekty-vzaimodeystviya-polzovateley-v-virtualnyh-sotsialnyh-setyah> (дата обращения: 15.08.2021).

13. Губанов Д.А., Чхартишвили А.Г. (2014). Акциональная модель влияния пользователей социальной сети // Проблемы управления. № 4. С. 20–25. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktsionalnaya-model-vliyatelnosti-polzovateley-sotsialnoy-seti> (дата обращения: 05.10.2021).

14. Олейникова П.А. (2020). Уголовная ответ-

ственность за лайки и репосты – проблемы квалификации и наказание за содеянное // E-Scio. № 7 (46). С. 90–100. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ugolovnaya-otvetstvennost-za-layki-i-reposty-problemy-kvalifikatsii-i-nakazanie-za-sodeyannoe> (дата обращения: 05.10.2021).

15. Шутова А.А. (2017). Распространение сведений как способ совершения информационных преступлений // Татищевские чтения: актуальные проблемы науки и практики : Материалы XIV Международной научно-практической конференции. В 4-х томах. Тольятти, 20–21 апреля 2017 года. Тольятти : Волжский университет имени В. Н. Татищева (институт). С. 289–292.

16. Самосват О.И. (2015). «Лайк» в социальных сетях как показатель социального одобрения в подростковой среде // КПЖ. № 6-1. С. 148–150. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/layk-v-sotsialnyh-setyah-kak-pokazatel-sotsialnogo-odobreniya-v-podrostkovoy-srede> (дата обращения: 05.10.2021).

17. Ваньке А., Ксенофонтова И., Тартаковская И. (2014). Интернет-коммуникации как средство и условие политической мобилизации в России (на примере движения «За честные выборы») // Интеракция. Интервью. Интерпретация. Т. 6. № 7. С. 44–73.

18. Никитина О.О. (2020). Тренды SMM-продвижения и их влияние на решения бизнеса // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. № 4 (841). С. 268–279. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/trendy-smm-prodvizheniya-i-ih-vliyanie-na-resheniya-biznesa> (дата обращения: 29.11.2021).

19. Володенков С.В. (2019). Влияние технологий интернет-коммуникаций на современные общественнополитические процессы: сценарии, вызовы и акторы // Мониторинг. № 5 (153). С. 341–364. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-tehnologiy-internet-kommunikatsiy-na-sovremennye-obschestvennopoliticheskie-protsessy-stsenarii-vyzovy-i-aktory> (дата обращения: 29.11.2021).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Ворошилова Мария Борисовна – Уральский институт управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (620144, Россия, Екатеринбург, ул. 8 Марта, 66); voroshilova-mb@ranepa.ru.

Пономаренко Михаил Юрьевич – Уральский институт управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (620144, Россия, Екатеринбург, ул. 8 Марта, 66); ponomarenko.mikhail@gmail.com.

RHIZOMORPHISM OF POLITICAL MANIPULATION: CHAOS OR ALGORITHM

M.B. Voroshilova^{2a}, M.Yu. Ponomarenko^a

^aRussian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

ABSTRACT:

The paper discusses the urgent problem of contemporary political discourse – transformation of manipulative technologies in the Internet. This issue attracts attention of researchers in different fields: political science, sociology, linguistics and psychology. The relevance of the work is determined by the constant changes of the research subject and the need to expand interdisciplinary ties in solving this problem. We believe that the transition of political communication to the Internet requires the involvement of specialists in the field of Internet communication.

The goal of our research is to discuss the new concept of "rhizomorphization", introduced into the scientific thesaurus by V. B. Stroganov in his dissertation. The metaphorical term "rhizome" seems timely and appropriate: it emphasizes the nonlinearity of modern technologies of political manipulation. However a question arises how it correlates with the realities of the Internet communication and social networks in particular? The article gives the answer to this question. The comparison of the described rhizomorphic technologies with the existing algorithms of social networks has revealed several prospects in scientific research devoted to the transformation of manipulation technologies on the Internet.

Nevertheless, in the focus of our attention is the question of the purposefulness of rhizomorphic technologies. As part of the scientific discussion, we agree with V. B. Stroganov that the distribution of content within social networks is a nonlinear process, but we are sure that it cannot be chaotic. On the contrary, this process is aimed at a certain category of audience. If rhizomorphic technologies were chaotic, the question of the effectiveness of manipulation would be excluded from the research area. However, this question is the key one.

This article gives food for thought and stimulates scientific discussion, it is a ground for a dialogue between specialists in various fields. The modern information flow is developing rapidly and becoming more complicated technologically. Thus, it is no longer subject to a single-discipline specialist; only in cooperation we will be able to answer the abovementioned questions.

KEYWORDS: political manipulation, Internet communication, manipulative technologies, rhizomorphism, social networks, algorithm.

FOR CITATION: Voroshilova M.B., Ponomarenko M.Yu. (2021). Rhizomorphism of political manipulation: chaos or algorithm, *Management Issues*, no. 6, pp. 105–114.

REFERENCES

1. Krainova K.A. (2013). Internet as a means of political manipulation in modern political management, *PolitBook*, no. 2, pp. 60–67. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/internet-kak-sredstvo-politicheskoy-manipulyatsii-v-sovremennom-politicheskom-upravlenii> (accessed 19.08.2021).
2. Stroganov V.B. (2019). Technologies of political manipulation on the Internet. Ph. D. thesis. Yekaterinburg.
3. Volodenkov S.V. (2012). Management of modern political campaigns M. : Publishing House of Moscow University. 371 p.
4. Kara-Murza S.G. (2006). Consciousness manipulation. Moscow: Eksmo Publishing House. 832 p.
5. Modern Western philosophy. Dictionary. 2nd ed., rev. and suppl. Moscow: Ton Ostozhie. P. 357.
6. Deleuze G., Guattari F. (1976). *Risoma*. Paris.
7. Kalinina L.V. (2014). Verbal competition in the space of the Internet: advertising, rewriting, repost-

²RSCI AuthorID: 511001

ing, *Bulletin of Vyatka State Humanitarian University*, no. 3, pp. 80–88.

8. Percy L., Elliot R. (2008). Strategic planning of advertising campaigns. Moscow: Grebennikov.

9. Oshmarina E.A. (2016). Modern approach to marketing communications: interaction of the brand with the target audience within the involving marketing, *Brand Management*, no. 5, pp. 294–309.

10. Pestereva Yu.S., Poshelov P.V., Ragozina I.G., Chekmezova E.I. (2020). Criminal and legal characteristics of the methods of information exchange in social networks as an example of articles 148, 282, 354.1 of the Criminal Code of the Russian Federation, *Bulletin of Tomsk State University. Law*, no. 35, pp. 112–121.

11. Raznoglasova A.K. (2016). Trends of marketing communications in social networks, *Innovative science*, no. 11-1, pp. 151–153.

12. Bezbogova M.S., Iontseva M.V. (2016). Socio-psychological aspects of user interaction in virtual social networks, *World of Science. Pedagogy and psychology*, no. 5, p. 43. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-psihologicheskie-aspekty-vzaimodeystviya-polzovateley-v-virtualnyh-sotsialnyh-setyah> (accessed 15.08.2021).

13. Gubanov D.A., Chkhartishvili A.G. (2014). The action model of the influence of social network users, *Management problems*, no. 4, pp. 20–25. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktsionalnaya-model-vliyatelnosti-polzovateley-sotsialnoy-seti> (accessed 05.10.2021).

14. Oleynikova P.A. (2020). Criminal liability for likes and reposts – problems of qualifications and punishment for the deed, *E-Scio*, no. 7 (46), pp. 90–100. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ugolovnaya-otvetstvennost-za-layki-i-reposty-problemy>

kvalifikatsii-i-nakazanie-za-sodeyannoe (accessed 05.10.2021).

15. Shutova A.A. (2017). Distribution of information as a way to commit information crimes. In: Proceedings of the XIV International Scientific and Practical Conference “Tatischevsky Readings: Actual problems of science and practice”. In 4 vols. Tolyatti, April 20–21, 2017. Tolyatti: *Volzhsky University named after V.N. Tatishchev (Institute)*, pp. 289–292.

16. Samosvat O.I. (2015). “Like” on social networks as an indicator of social approval in a teenage medium, *KPJ*, no. 6-1, pp. 148–150. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/layk-v-sotsialnyh-setyah-kak-pokazatel-sotsialnogo-odobreniya-v-podrostkovoy-srede> (accessed 05.10.2021).

17. Vanke A., Ksenofontova I., Tartakovskaya I. (2014). Internet communications as a means and condition of political mobilization in Russia (on the example of the movement “For fair elections”), *Interactive. Interview. Interpretation*, vol. 6, no. 7, pp. 44–73.

18. Nikitina O.O. (2020). SMM-promotion trends and their impact on business solutions, *Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Social Sciences*, no. 4 (841), pp. 268–279. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/trendy-smm-prodvizheniya-i-ih-vliyanie-na-resheniya-biznesa> (accessed 29.11.2021).

19. Volodenkov S.V. (2019). The influence of Internet communications technology on modern community-political processes: scenarios, challenges and actors, *Monitoring*, no. 5 (153), pp. 341–364. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-tehnologiy-internet-kommunikatsiy-na-sovremennye-obshchestvenno-politicheskie-protsessy-stsenarii-vyzovy-i-aktory> (accessed 29.11.2021).

AUTHORS' INFORMATION:

Mariya B. Voroshilova – Ural Institute of Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (66, 8 Marta St., Ekaterinburg, 620144, Russia); voroshilova-mb@ranepa.ru.

Mikhail Yu. Ponomarenko – Ural Institute of Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (66, 8 Marta St., Ekaterinburg, 620144, Russia); ponomarenko.mikhail@gmail.com.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Статьи принимаются постоянно в течение года и включаются в план печати по порядку поступления материалов. Автор представляет статью в электронном варианте на электронную почту редакции management-ui@gaopera.ru. Другие варианты предоставления статей не предусматриваются.

Требования к структуре статьи

- постановка проблемы в общем виде и ее связь с важными научными или практическими заданиями;
- анализ последних исследований и публикаций, где заложены основы решения данной проблемы, на которые опирается автор;
- выделение нерешенных ранее частей общей проблемы, которым посвящается данная статья;
- формулировка целей статьи (постановка задания);
- изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных научных результатов;
- выводы из данного исследования и перспективы дальнейшего развития в этом направлении.

Требования к оформлению статьи

Объем статьи должен составлять не менее 0,75 п.л. (30 тыс. знаков) и не более 1 п.л. (40 тыс. знаков). Тексты рукописей с заимствованием более 15 % и (или) уровнем оригинальности текста менее 70 % не могут быть опубликованы в журнале.

Иллюстративные материалы (рисунки, чертежи, графики, диаграммы, схемы) выполняются с помощью графических электронных редакторов. Все рисунки должны иметь последовательную нумерацию. Объем представляемых иллюстративных материалов не должен превышать формата А4. Страница должна иметь книжную ориентацию.

Цифровые данные оформляются в таблицу. Таблицы не должны быть громоздкими (не более формата А4, книжная ориентация). Каждая таблица должна иметь порядковый номер и название (на русском и английском языке). Нумерация таблиц – сквозная. Сокращения слов в таблицах не допускаются за исключением единиц измерения.

Ссылки оформляются в квадратных скобках по тексту статьи, с указанием номера источника по списку и страниц, на которые ссылается автор (например: [9, с. 36], [18, с. 4]). Список источников должен содержать не менее 25 единиц, из которых не менее 10 должны быть датированы не менее чем 3 годами ранее момента публикации и из которых не менее 3 источников должны индексироваться международными базами цитирования (Web of Science или Scopus). Допускается не более 10 % самоцитирования.

Библиографический список формируется в конце статьи по мере упоминания источников в тексте (не по алфавиту и не по иерархии источников). Библиографический список может включать в себя следующие типы источников: монография, статья в рецензируемом научном журнале, диссертация или автореферат к ней, статья в сборнике материалов (трудов) научно-практической конференции. Иные источники должны оформляться в виде постраничных сносок либо, по мере возможности и удобочитаемости, упоминаться непосредственно в тексте.

Помимо текста статьи автором представляются **на русском и английском языках:**

а) аннотация с обязательным указанием названия статьи

Рекомендуемый порядок изложения информации:

1) постановка проблемы – формулировка научной проблемы, в настоящий момент не полностью решенной в теоретическом или практическом аспекте, по которой имеются несоответствия между теоретическими предпосылками и реальностью и пр.;

2) конкретная научная задача, позволяющая решить научную проблему;

3) методологическая база – изложение концептуально-теоретических основ исследования;

4) используемые материалы (информационная база), методы исследования; данная часть должна содержать подробное описание используемого инструментария, с помощью которого решается научная проблема, а также эмпирические результаты апробации предложенной методики;

5) основные результаты исследования (решение научной проблемы), область их применения; данная часть представляет собой развернутое описание личного вклада автора в исследуемую проблему;

6) выводы, позволяющие дать ответ на поставленную проблему и обозначить дальнейшие направления исследования.

Объем аннотации должен составлять от 200 до 300 слов. Текст аннотации не должен повторять название и текст статьи. Авторская аннотация призвана выполнять функцию независимого от статьи источника информации.

б) ключевые слова и словосочетания

Ключевые слова выражают основное смысловое содержание статьи, служат ориентиром для читателя и используются для поиска статей в электронных базах, поэтому должны отражать область науки, в рамках которой написана статья, тему, цель и объект исследования.

В качестве ключевых слов могут использоваться как одиночные слова, так и словосочетания в единственном числе и именительном падеже.

Рекомендуемое количество ключевых слов – 6-9, количество слов внутри ключевой фразы – не более трех.

в) пристатейный библиографический список.

г) сведения об авторах в следующей последовательности:

- ФИО (полностью),
- идентификационные номера: AuthorID (РИНЦ), ORCID, ScopusID, ResearcherID (Web of Science) (при наличии),
- место работы (учебы) и занимаемая должность,
- ученая степень, ученое звание,
- почтовый адрес (адрес указывается в последовательности: почтовый индекс, страна, город, улица, дом),
- адрес электронной почты.

д) тематические рубрики: ГРНТИ (<http://grnti.ru/>) и код ВАК (возможно указание 1-2 кодов)

Ответственность за достоверность указанных сведений несет автор статьи.

***Не принимаются статьи, направленные в редакцию
без выполнения требований настоящих условий публикации.***

Журнал выходит 6 раз в год

Учредитель и издатель:

федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
**«Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации»**

Адрес редакции:

620144, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, 66
Адрес эл. почты: management-ui@ranepa.ru
<http://journal-management.com/>

При перепечатывании ссылки на «Вопросы управления» обязательна.

Компьютерная вёрстка *Д.И. Трушков*

Журнал зарегистрирован как средство массовой информации
в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций.

(Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС 77-49260 от 02.04.2012)

Дата выхода в свет 30.12.2021. Формат 60 × 84 1/8.

Гарнитура Minion. Усл. печ. л. 13,72. Уч.-изд. л. 10,71. Тираж 999.

Цена свободная.

Отпечатано в РИО Уральского института управления – филиала РАНХиГС.

Адрес: 620144, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, 66. Заказ № ____.